

ОТ КАБУЛА ДО ГРОЗНОГО

БОЕВОЙ ОПЫТ АФГАНА И ЧЕЧНИ

★ Афган. Чечня. Боевой опыт ★

ОТ КАБУЛА ДО ГРОЗНОГО

БОЕВОЙ ОПЫТ АФГАНА И ЧЕЧНИ

ЭКСМО
МОСКВА
2009

УДК 358.4
ББК 63.3(0)
0-80

Оформление художника *С. Курбатова*

0-80 **От Кабула до Грозного. Боевой опыт Афгана и Чечни /**
ред.-сост. М. Болтунов, О. Кобылецкий, О. Скира, И. Чачух. — М. : Яуза: Эксмо, 2009. — 304 с. — (Война. Чечня. Афган. Боевой опыт).

ISBN 978-5-699-35643-0

При всей разнице между боевыми действиями в Афганистане и Чечне последняя война СССР и первая война РФ схожи в главном — за их боевой опыт заплачено большой кровью, этот опыт бесценен, его не заменить ни отвагой, ни выучкой, ни самой лучшей боевой техникой, его не приобрести на полигонах и тренажерах — только в реальном бою. И лишь накопленный опыт позволит сберечь солдатские жизни в будущем...

Новая книга популярной серии! Сравнительный анализ боевых действий в Чечне и Афганистане. Откровенные воспоминания и конкретные рекомендации ветеранов. Драгоценный боевой опыт современных войн.

УДК 358.4
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-699-35643-0

© М. Болтунов, О. Кобылецкий,
О. Скира, И. Чачух, 2009

© ООО «Издательство «Яуза», 2009

© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

АВИАНАВОДЧИКИ

...И ВНОВЬ ОБ АВИАНАВОДЧИКАХ

*«Средство» от забывчивости — очередная авиакатастрофа
или потери на поле боя?*

ЧТО НЕ ЦЕНИТСЯ У НАС, ДАВНО ОЦЕНИЛИ АМЕРИКАНЦЫ

Почему не просто нужны, а жизненно необходимы авианаводчики группам специального назначения (далее — ГСпН)? Потому что, как показала практика боевых действий, при любом боестолкновении, любом подрыве на mine, в конце концов при любой обычной эвакуации группы — везде требуется вертолет. Причем, как правило, немедленно. Но нередко получается так, что в боевых условиях (да и во время учебных занятий) грамотно навести «вертушку» никто из состава ГСпН не может...

А при наведении авиации с применением авиационных средств поражения сколько раз было нанесено ошибочных ударов по своим войскам! В чем причины?! Все это закрыто за «семью замками и печатями», но, несомненно, можно сказать одно — из-за головотяпства тех должностных начальников, которые в свое время не позаботились о качественном обучении специалистов по программе передовых авиационных наводчиков.

Обидно и больно, что бесценный боевой опыт остается невостребованным и все опять списывается на «авось пронесет»... За это и болит душа.

Если российские военные страдают профессиональным склерозом, безвозвратно и беспощадно забывая свой боевой опыт, то иностранные спецназовцы придают подготовке авианаводчиков важное значение. В том числе и используя наш былой «афганский» опыт. Хочется привести лишь пару показательных в своем роде эпизодов из хроники боевых действий группировки коалиционных сил в Афганистане.

При проведении операции «Анаконда» в марте — апреле 2002 года коалиционными силами под общим руководством штаба объединенного центрального командования ВС США одна из рот десантников при высадке 2 марта попала в засаду превосходящих сил боевиков движения «Талибан» и организации «Аль-Каида». Подразделение (86 человек) не было уничтожено только благодаря грамотным действиям передового авиационного наводчика службы специальных операций (далее — ССО) Австралии, осуществившего точное наведение на цели ударных вертолетов AH-64A «Апач», самолетов AC-130 и даже стратегических бомбардировщиков B-52H.

4 марта 2002 года боевые пловцы подразделения SEAL и рейнджеры 75-го полка сухопутных войск США при проведении высадки посадочным способом с вертолетов попали в засаду. Выжить американцам удалось опять же благодаря помощи австралийского передового авиационного наводчика ССО, который в течение 12 часов (!!!) проводил эффективное наведение ударных вертолетов, тактических истребителей, самолетов ССО на моджахедов, не давая им приблизиться к посадочной площадке.

Вот она — реальная цена в «жизненном эквиваленте» всего лишь одному, великолепно подготовленному авианаводчику: десятки спасенных в, казалось бы, безнадежной ситуации людей.

«ГАЛОЧКА» В ПЛАНЕ — И ТЫ АВИАНАВОДЧИК!

Вернемся к нашей грустной реальности. При организации обучения нештатных передовых авиационных наводчиков (далее — ПАН) для подразделений специального назначения стал-

киваешься с упорным непониманием отдельными руководителями важности учебных тем. Преподносится неверное, даже опасно ложное представление о необходимых сроках и тематике программы обучения ПАН. Из учебно-методических пособий для них пытаются убрать «лишние», на взгляд начальства, главы — метеорологическую подготовку и другие значимые темы обучения. А потом-то и появляются в жизни задачи типа «За двое суток подготовить авианаводчиков!». Естественно, с «кастрированной» программой обучения: без изучения тактики, авиационного вооружения, связи, метеорологической подготовки и других важных тем. Это все равно что, допустим, собираться в горы, видя их до этого лишь по телевизору, но зато поднявшись на второй этаж по лестнице в горном снаряжении и с ледорубом в руках!

Теперь давайте представим действия в реальной ситуации нештатного авианаводчика ГСпН, которого «обучили» по сокращенной программе *за два дня*. Так, соответственно своей «глобальной» подготовке, без учета метеоусловий он и заведет вертолет куда-нибудь на склон горы, закрытой туманом... Или посадит «вертушку» на непригодную в гидрометеорологическом отношении площадку.

Что с него спрашивать? Его никто основательно не обучал или просто не успел обучить. Ведь авианаводчику, прежде чем

Авианаводчик за работой

вызывать авиацию в район ее применения, необходимо тщательно произвести метеорологические наблюдения, измерения с помощью развернутых метеорологических приборов и оценить соответствие погодных условий минимуму экипажа воздушного судна для эффективного управления ударными группами вертолетов или самолетов. Неточность в ведении метеорологических измерений (или их отсутствие вовсе) может привести к серьезным летным происшествиям, не говоря уж о срыве выполнения задачи.

Каких авианаводчиков мы будем иметь за «пару-тройку» дней? Слов нет... Лишь бы поставить «галочку» в плане, ни в коей мере не заботясь о качестве! Как еще достучаться в эти «закрытые двери» и доказать острую необходимость в полноценном обучении таких специалистов?

Информация к размышлению

Сроки обучения по программе передового авиационного наводчика на базе Центра боевой подготовки и переучивания летного состава ВВС составляют:

— для офицеров из числа летного и штурманского состава ВВС — до 1 месяца учебы;

— для офицеров из числа сухопутных войск — до 2,5 — 3 месяцев учебы.

Подготовка авианаводчиков из числа «сухопутчиков» за «тройку» дней вместо трех месяцев чревата необратимыми последствиями.

ЦЕНА БЕЗГРАМОТНОСТИ — ДЕСЯТКИ РАЗБИТЫХ ВЕРТОЛЕТОВ

Остановимся на важнейшей дисциплине, от которой напрямую зависит безопасность применения авиации, — метеорологической подготовке. Как упоминалось выше, зачастую начальники считают ее «лишней» в подготовке нештатного авианаводчика ГСпН, рассуждая примерно так: «Зачем тратить на нее средства, силы и время?»

Что ж, на этот принципиальный вопрос — нужна она или нет — предоставим ответить самой жизни своими уроками-примерами. Для начала подробно разберем один из них.

Северный Кавказ, предгорья. Вертолет на подлете к ожидающей его группе спецназа. Офицер Н., выполняющий обязанности передового авиационного наводчика, заводит «вертушку» на выбранную посадочную площадку. Переговоры в эфире:

— «051», я «Бизон»! Площадку обозначил, заходи курсом 310 градусов. Как понял меня, «051», прием.

— «Бизон», я «051», площадку наблюдаю, захожу курсом 310 градусов.

— «051», я «Бизон», правильно! Посадку разрешаю.

— «Бизон», я «051», вас понял, посадку разрешили.

Вертолет Ми-8 вышел на глиссаду. Экипаж, визируя через стекло кабины авианаводчика, стал выводить вертолет на посадочную площадку.

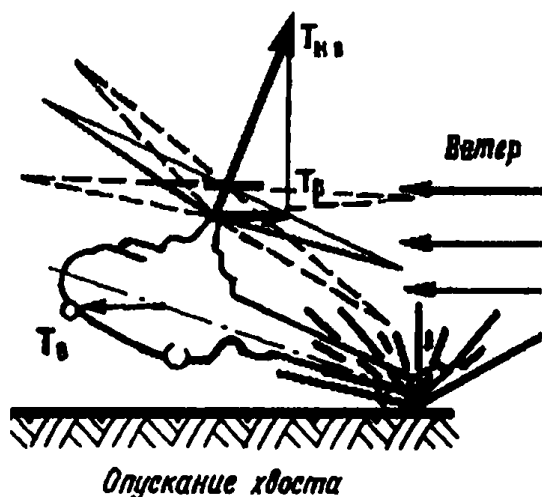
— На всякий пожарный, проверю спецназеров? — обратился штурман к командиру вертолета за пару сотен метров до площадки. Тот одобрительно кивнул. Сдвинув боковое окно кабины, штурман бросил вниз ручную дымовую гранату. И, посмотрев вниз за дымом, в ужасе закричал:

— Командир, запрет посадке!!! Ошибка в 180 градусов! Вместо посадочного курса 130 градусов авианаводчик командует 310!

Вертолет резко ушел вверх, буквально в последний момент избежав аварии. Экипаж в данном случае спасло то, что он сам перед приземлением выбросил дым и увидел таящуюся смертельную опасность — *попутный ветер!*

Дело в том, что любые летательные аппараты, согласно законам аэродинамики, взлетают и садятся *только навстречу ветру*. Спецназовец-авианаводчик, «заводя» вертолет на площадку, этого или не знал совсем, или позабыл ввиду краткосрочности своего обучения.

То, что неминуемо случилось бы, если бы экипаж полно-

стью доверился авианаводчику, — перед вами, **на рисунке**. Сделаем необходимые пояснения к нему.

При попутном ветре скорость лопасти относительно воздуха будет выше, чем над хвостовой балкой, поэтому большей будет и подъемная сила. В результате конус вращения несущего винта опрокинется на-

зад. Это приведет к тому, что лопасти основного винта перерубят хвостовую балку вертолета. Что, несомненно, выведет из строя вертолет, а при низком зависании произойдет еще и касание рулевого винта или хвостовой балкой посадочной площадки. При этом хвост разрушится и соответственно уменьшится вес вертолета, но при сохранении той же подъемной силы он поднимется вверх. Затем, не имея хвостового винта, начнет вращаться фюзеляж вертолета. Но за счет резкого уменьшения подъемной силы он упадет на землю.

Как говорят сами летчики, из-за этой распространенной ошибки авиация потеряла уже не один десяток винтокрылых машин и экипажей, начиная со времен афганской войны, а впоследствии в Таджикистане и Чечне.

Вот вам и значение метеорологической подготовки авианаводчика на практике! Продолжим дальше разговор на эту тему.

«МОЧИТЬ», Я ПРИКАЗАЛ!»

Авиация и авианаводчик — это одно целое, одно боевое звено. Но, не имея метеорологической подготовки, авианаводчик никогда не сможет разговаривать с летчиком на одном языке. В частности, не сможет правильно оценить метеорологические условия, веря в устоявшийся миф о «всепогодности» авиации.

«А почему летчики не долбят по цели, как я приказал?! Как это — не обнаружат и не увидят цель?! Я-то с земли ее хорошо вижу! «Мочить», я приказал!» — это из области «понимания» сухопутными командирами авиационных понятий: погодного минимума экипажа, нижней границы облаков и дальности полетной видимости...

Вызов авиации в сложных погодных условиях не только не даст никаких преимуществ тем, кто находится на земле, но и чреват катастрофой воздушного борта.

Дополнительная подготовка по основам метеорологии позволила бы нештатным авианаводчикам мыслить и видеть обстановку с позиции летчика — командира экипажа вертолета или самолета. К сожалению, пока уровень «взаимопонимания» нередко таков, как в приведенных выше строках...

«ВСЕПОГОДНОСТЬ» БЫВАЕТ ТОЛЬКО В СКАЗКАХ

Авторы этих строк далеки от того, чтобы превращать свою статью в своего рода «авиационный ликбез», но на некоторых важнейших нюансах просто нельзя не остановиться. Поэтому сделаем небольшое отступление.

Метеорологические условия — важный элемент воздушной обстановки, оказывающий огромное влияние не только на взлет, посадку и полеты воздушных судов, но и на боевое применение ими авиационных средств поражения (далее — АСП), а также на состояние аэродромов (взлетных площадок).

Интересные свидетельства на поднятую нами тему дает прошлое.

Из архива

В начальный период Великой Отечественной войны качество метеорологического обеспечения советской авиации находилось на недостаточном уровне, ибо большинство наших самолетов не располагало радиосвязью. А в районах базирования ВВС фронтов почти не было радиостанций, поэтому метеослужба ВВС не могла передать результаты своих наблюдений в боевые авиационные части (лишь во второй половине войны положение стало меняться в лучшую сторону).

Отсутствие радиосвязи не позволяло также наводить на цель самолеты, находившиеся в воздухе, в отличие от немцев, которым с земли сообщали не только координаты целей, но и метеорологическую обстановку в районе боевого применения.

В советских штабах отсутствовали авиационно-климатические описания районов боевых действий. Зато у захватчиков, основательно готовившихся к нападению на СССР, имелось подробное гидрометеорологическое описание всех советских территорий. Неспроста на оккупированных землях они располагали взлетно-посадочные полосы своих аэродромов строго в соответствии с «розой ветров», имея данные метеонаблюдений за несколько лет...

Вернемся в сегодняшний день. Нередко летчики попадают в такие погодные условия, когда отсутствует видимость земли и полет приходится выполнять по приборам. Подобные метеорологические условия и называются *сложными*. Для них характерны облачность, осадки и ограниченная видимость.

Низкая облачность и ограниченная видимость особенно сильно влияют на посадку летательных аппаратов. Посадочные системы современной авиации помогают летчику лишь вывести летательный аппарат в ту точку, откуда пилотирование при посадке он будет производить уже визуально. Ошибки при выведении летательного аппарата на траекторию снижения еще слишком высоки, чтобы можно было производить посадку действительно «вслепую». А самый главный этап посадки, то есть приземление, осуществляется летчиками только «вручную», визуально. Эти реалии и развеивают мифы о «всепогодности» авиации.

Для наглядности положения, в котором находится пилот при авианаведении с земли, рассмотрим вопрос подробнее.

Вот авианаводчик вывел летательный аппарат в район цели. Но летчику еще требуется отыскать и опознать цель на местности, прежде чем применить АСП. Естественно, что дальность обнаружения целей при ограниченной видимости уменьшается. А если еще цель хорошо замаскирована и сливается с фоном местности? Прибавьте сюда сложные метеоусловия, на-

пример, низкую облачность, осадки. А если полет проходит в горах? Время, которое остается у летчика на опознавание целей в подобных условиях, сильно сокращается.

Кроме того, сложные метеоусловия сильно затрудняют ориентирование при полетах и авианаведении. Внимание летчика по-разному распределяется в зависимости от высоты полета: *до 600 метров* оно одинаково распределено между наблюдением за землей и за приборами, *до 200* — 80% времени уделяется визуальному контролю высоты, и *до 100* — летчик работает только визуально.

Сложность полетов в облаках и при осадках характеризуется ухудшением видимости из-за подоблачных дымок, сильной болтанкой. Наконец, на полеты вплоть до запрета на них оказывают влияние так называемые *опасные явления погоды*: гроза, шквал, смерч, град, гололед, туман, пыльная буря, ливень, метель, густая дымка, низкая видимость, сильный ветер, обледенение, сильная турбулентность воздуха и другие.

Согласно скорбной статистике, за последние десятилетия именно сложные метеорологические условия были признаны в авиации Российской Федерации причиной 20% авиационных происшествий, а в 35% случаев они явились косвенной или сопутствующей причиной таких ЧП.

Приведем некоторые авиационные происшествия, причиной которых явились неблагоприятные метеорологические условия.

В 1988 году при заходе на посадку в аэропорту г. Сургута потерпел катастрофу белорусский Ту-134. Самолет грубо приземлился почти с пятикратной перегрузкой, разрушился и загорелся. 17 пассажиров

Чтобы не случилось ЧП

и 3 члена экипажа погибли, 31 человек получил травмы. Причина авиационного происшествия в том, что экипаж попал в приземный туман, вызванный парами ГРЭС, и потерял визуальный контакт с полосой.

В 2000 году при посадке в аэропорту г. Сургута самолет Ан-24, выполнявший рейс из Тюмени, выкатился за пределы взлетно-посадочной полосы на 435 метров. Причиной, как и в вышеприведенном случае, послужила внезапная потеря видимости из-за приземного тумана.

30 июля 2006 года в Калининградском особом районе при выполнении демонстрационных полетов произошла катастрофа Су-24М. При расследовании установлено, что ответственный за показ начальник в полной мере не владел состоянием метеорологической и воздушной обстановки в районе выполнения полетов. Командир части без учета фактического состояния погоды принял необоснованное решение на выполнение задания в составе четырех самолетов.

22 августа 2006 года в Донецкой области Украины потерпел катастрофу самолет, следовавший по маршруту Анапа — Санкт-Петербург. Причиной катастрофы самолета Ту-154М явился вывод самолета при полете в штурвальный режим на критические углы атаки со всеми вытекающими последствиями. Самолет врезался в землю с большой вертикальной скоростью...

Предпосылкой к катастрофе явились сложные метеоусловия при наличии зон грозовой деятельности, а также зон градообразования и турбулентности.

17 марта 2007 года при посадке в аэропорту г. Самары в сложных метеоусловиях (сильный туман) произошла катастрофа самолета Ту-134, выполнявшего рейс по маршруту Сургут — Самара — Белгород, на борту которого находились 50 пассажиров и 7 членов экипажа. В результате 7 пассажиров погибли, 13 получили травмы.

Читатель вправе задать вопрос, а какое отношение имеют эти примеры к авианаводке в боевых условиях? Самое непосредственное — ответим вам. Хотя, еще раз подчеркнем, изло-

женное выше является отступлением, но законы полетов авиации едины для всех бортов, будь он гражданским или военным, а цена ошибок одинаково трагична. Разве с той разницей, что в боевых условиях риск возрастает вдвойне, учитывая обстрелы и прочие «сопутствующие факторы»...

СЧЕТ ПРЕДЪЯВЛЯЮТ ГОРЫ

За последние десятилетия, в течение которых нашим войскам не приходилось «скучать», характерной особенностью всех локальных войн и конфликтов были действия преимущественно в горных районах: Афганистан, Таджикистан, Дагестан, Чечня.

Метеоусловия в горах предельно сложны и непредсказуемы, и условия полетов авиации разительно отличаются от тех, что над равниной. Здесь из-за неравномерного нагревания форм рельефа наблюдается сильная динамическая и термическая турбулентность, часто бывают грозы. Из-за закрытия облаками вершин и перевалов гор нередко исключаются любые полеты. Особенно характерна плохая погода в горах для осени и зимы. В это время здесь в порядке вещей низкая облачность, туманы, ливни и грозы, снегопады. А наиболее благоприятным временем года для полетов на малых высотах над горными районами является летний сезон.

Воздушные потоки в горах порождают опаснейшие для авиации явления. Часто возникающие из-за вихрей резкие перепады давления приводят к ошибкам барометрического высотомера до 160 метров (!!!). Сильная турбулентность с вертикальными скоростями воздуха до 10 м/с, сочетание мощных вертикальных потоков с сильными порывами — так называемый сдвиг ветра по скорости и по направлению, где скорость ветра может достигать 40 м/с, — создают экстремальные условия. Добавим к этому характерные для гор многочисленные восходящие и нисходящие потоки, значительно влияющие на условия пилотирования самолета или вертолета. Наконец, в горах случаются нарушения работы радиоконпаса, УКВ-радиостанций, пилотажно-навигационной аппаратуры, затруднено визуальное ориентирование.

Здесь перечислены далеко не все трудности, характерные для применения авиации в горах. Точные, исчерпывающие метеоданные здесь имеют жизненно важное значение как для самих летчиков, так и для тех, кому срочно, «позарез» нужен тот же вертолет, чтобы, к примеру, «снять» с земли группу или нанести удар поседающим со всех сторон боевикам. И авианаводчик в таких условиях является поистине лицом незаменимым — нередко возникают ситуации, когда он один может спасти всех. Если, конечно, достаточно обучен...

Теперь давайте рассуждать логически. Кто может дать точную метеоинформацию из горных районов, занятых противником? На этот вопрос не нужно искать ответ — основными источниками получения метеоданных из таких районов являются разведывательные группы специального назначения, действующие непосредственно в тех местах. Отсюда вполне логично следует, что штатные авианаводчики групп спецназа и их командиры должны иметь прочные познания в метеорологии. Иначе как они смогут оценить погодные условия, правильно навести авиацию и т.д.? И тут мы опять, как в замкнутом круге, возвращаемся к тому, о чем говорилось в начале этого материала — о ставшей характерной безграмотности ряда специалистов в «науке метеорологии».

Во время второй чеченской кампании авиационные метеорологические подразделения находились в Ханкале, а разведчики и спецназовцы в основном действовали в горной части Чечни, где погода, как описывалось выше, коренным образом отличается от равнинной ее части. Если при этом учесть и тот факт, что в горных районах низка эффективность радиолокационной разведки погоды из-за экранирующего влияния гор, метеопрогнозирование было значительно затруднено.

А там, в горах, — боестолкновения и подрывы на минах и фугасах, когда требуется немедленная эвакуация наших тяжелораненых вертолетами, там блокированные «духами» группы, которые нужно срочно поддержать огнем с воздуха...

Вот тут-то и возникали трудности, когда на равнине «погоды» не было, а в районе применения спецназа метеоусловия по-

зволяли работу авиации или наоборот. Но метеорологическим данным от спецназовцев авиационные командиры особо не доверяли, а то и вообще их не брали в расчет, так как эти данные по своему содержанию не вписывались ни в какие рамки...

И как закономерный итог отсутствие грамотной метеоинформации из района действия какой-нибудь группы спецназа, где не было толкового авианаводчика, не позволяло применять авиацию. Поэтому-то порой и погибали наши тяжелораненые солдаты и офицеры, не дождавшись вертолета эвакуации. Столь же трагическими могли быть и последствия неумения авианаводчика и командира группы грамотно навести авиацию для подавления огневых точек противника.

Если бы у авианаводчиков ГСпН была *дополнительная метеорологическая подготовка на базе авиационного военного вуза*, то спецназ бы действовал и разговаривал с пунктом боевого управления авиацией более грамотно — на языке авиации...

Немного расширяя рамки темы, добавим, что, конечно же, не только погодные условия должен учитывать авианаводчик (как и командир группы, который также должен иметь необходимые познания в авианаводке). Так, одной из основных трудностей в применении транспортно-десантных вертолетов в горной местности является *недостаточное количество пригодных взлетно-посадочных площадок*. Зачастую они имеют небольшие размеры, закрытые подходы, близкие препятствия и наклонную поверхность. Более того, для высокогорных площадок характерна *слабая прочность грунта*, что зачастую вызывает *крен и опрокидывание вертолета при приземлении*. Вот почему авианаводчику необходимо, заводя вертолет на горную площадку, *оценивать значение уклона*.

Горные площадки должны быть открытыми для подхода вертолета и обеспечивать *выполнение взлетов и посадок по-вертолетному*. При этом чем больше высота площадки над уровнем моря, тем меньше эффект «воздушной подушки» под винтами вертолета вследствие разреженности воздуха, и это тоже обязательно нужно учитывать. Мелочей в деле авианаводки просто-напросто не бывает.

ТРАГИЧЕСКИЕ УРОКИ

Опять обратимся к истории и рассмотрим лишь некоторые случаи авиационных происшествий в горной местности, произошедшие в разное время, но связанные именно с метеорологическими условиями.

В январе 1982 года в Афганистане проводилась совместная Дарзабская операция силами советских и афганских подразделений с массовым использованием вертолетов Ми-8 и Ми-24. Она проходила в горном районе, в условиях низкой сплошной облачности и под огневым воздействием противника. При снижении по спирали сквозь слабый просвет облака потерпели аварии три вертолета с десантом на борту, зацепившись хвостовыми винтами за склоны гор. К счастью, ни экипажи, ни находящиеся на их бортах десантники не пострадали.

28 апреля 2002 года днем, в сложных метеоусловиях, в 159 км от аэропорта г. Абакана произошла катастрофа вертолета Ми-8АМТ. На борту вертолета, кроме членов экипажа, находилось 17 пассажиров — губернатор Красноярского края А.И. Лебедь и сопровождающие его лица. Как известно, в результате катастрофы 8 пассажиров погибли, включая губернатора.

Обстоятельства этого трагического происшествия были такими, что на конечном этапе полета *нижняя граница облачности могла опускаться до земной поверхности*. Следом за Ми-8АМТ летел другой вертолет такого же типа, экипаж которого, встретив погодные условия, не отвечающие правилам полетов, произвел посадку на подобранную с воздуха площадку. Первый вертолет продолжал полет *в горной местности на высоте, ниже безопасной, в условиях ограниченной видимости*. Экипаж поздно заметил провода ЛЭП... Попытка избежать катастрофы не удалась: произошло столкновение вертолета с проводами грозозащиты ЛЭП, в результате которого один из проводов оборвался и намотался на элементы конструкции несущего винта. Потеряв управляемость, вертолет столкнулся с засне-

женной поверхностью земли на высоте примерно 1500 метров над уровнем моря...

В августе 2003 года произошла катастрофа вертолета Ми-8Т, в результате которой погиб губернатор Сахалинской области Игорь Фархутдинов. Причины следующие: прогноз погоды не содержал полной информации о метеорологической обстановке в горном районе, количество пассажиров на борту вертолета превышало число заявленных к перевозке лиц. Кроме того, по просьбе пассажиров маршрут был изменен, полет выполнялся на высоте ниже пределов безопасности.

11 сентября 2006 года при выполнении воздушной перевозки руководящего состава командир экипажа вертолета Ми-8МТ — заместитель командира части по летной подготовке подполковник С. — самовольно изменил маршрут полета. Вертолет после взлета вошел в зону низкой облачности и столкнулся с горным склоном. В итоге два члена экипажа и девять пассажиров погибли.

Что и говорить, горы ошибок не прощают...

Горы ошибок не прощают

УДАРИЛИ ПО СВОИМ...

Возвращаясь к началу материала, где мы говорили о так называемой «подготовке» авианаводчика ГСпН за два дня, зададим себе вопрос: чем еще опасен такой «недоученный» специалист, кроме возможного «заведения» воздушного борта «под катастрофу»? Да, есть еще большая опасность — такой «горе-специалист» со скудным объемом знаний может ошибиться и навести авиацию на свои войска! Согласитесь, это вполне возможно.

Но мы сейчас обратимся к иностранному опыту. Как не вспомнить статистику из одного материала, опубликованного в журнале «Солдат удачи»:

«Недооценка метеорологических условий (плохой видимости) в районе цели приводила и к трагическим ошибкам, и ударам по своим войскам. Так, по статистике управления строительства и подготовки ВС США и анализу подобных инцидентов в войнах и конфликтах с участием американских военных, причинами этих ошибок (потерь от собственного огня) стало (в процентном содержании):

— 45% — плохая организация взаимодействия;

— 10% — неустановленные причины;

*— **26% — неправильное опознавание цели (плохая видимость вследствие сложных метеорологических условий)** (здесь и далее выделено авторами).*

*А при проведении операции «Буря в пустыне» было допущено уже **39%** ошибок, связанных с **неправильным опознаванием цели**».*

К этому можно добавить лишь то, что есть и у нас свои горькие уроки...

Словом, только поставив себя на место летчика — командира экипажа, авианаводчики и командиры смогут понять важность метеорологической подготовки. А еще важнее понять это тем руководителям, кто считает метеорологию в подготовке нештатных наводчиков «лишней» наукой. Если исходить из их непонятной логики, остается лишь признать, что у нас есть «лишние» вертолеты, «лишние» самолеты и «лишние» люди...

...И ПАРАШЮТИСТЫ РАЗБИЛИСЬ О СКАЛЫ

В заключение, выходя за рамки темы подготовки авианаводчиков, не можем не упомянуть о том, чем чревата недооценка метеорологической обстановки при выброске парашютистов. Тем более что это актуально и для спецназа, и для ВДВ. Приведем лишь два трагических примера из нашей истории.

27 июля 1968 года группа советских асов-парашютистов произвела десантирование над Памиром, чтобы совершить самое высотное приземление на пик Ленина (7100 метров). К моменту выброски в районе площадки приземления произошло значительное усиление скорости ветра. Аккумуляторы радиостанции при столь низких температурах вышли из строя, и предупредить борт о значительном изменении метеоусловий на площадке по радиосвязи было невозможно. О запрете на десантирование пытались сигнализировать альпинисты, взошедшие к тому времени на пик и выложившие крест из оранжевых полотнищ (международный знак запрета прыжков). Но их команды на самолете не приняли, и парашютисты прыгнули... Четверо из них при приземлении разбились о скалы.

В феврале 1979 года на территории Монголии в рамках проводимого учения была десантирована разведывательная рота 106-й воздушно-десантной дивизии. Метеорологические условия не предвещали благоприятного исхода десантирования ввиду больших суточных перепадов температур дня и ночи (30 градусов) и *порывистого ветра до 40 метров в секунду(!!!)*. Но погодные условия не были взяты во внимание руководством учения. В результате приземления на каменистую поверхность пустыни погибли и получили тяжелые травмы более десяти десантников...

Эти факты еще раз подтверждают основную мысль, которой посвящен наш материал: играть с погодой в «орел — решку» во все времена — опасно для жизни!

Р.С. Остается открытым вопрос: сколько же еще потребуется жизненных примеров, в том числе трагических,

чтобы подготовке передовых авиационных наводчиков было уделено самое серьезное внимание? Теряем людей, теряем вертолеты. Выводов — не делаем.

Андрей КИРИЛЛОВ
Юрий ДУНАЕВ

КАК ПРЕОДОЛЕТЬ ШТАБНУЮ ГЛУПОСТЬ

Рецепт для тех, кому дороги жизни подчиненных

Значение артиллерийской и воздушной поддержки для групп специального назначения (далее — ГСпН) очень велико. Отсутствие же этой поддержки всегда приводило к трагедиям. Взять для примера неудачную десантную операцию союзников в августе 1942 года в районе Дьеппа. Морских десантников без артиллерийской поддержки с тяжелых линкоров и крейсеров высадили на французское побережье, оккупированное фашистами. Итог этой десантной операции, прозванной «кровавой мясорубкой», плачевен: погибло и попало в плен более 6500 человек.

Можно и дальше приводить череду трагедий, связанных с отсутствием артиллерийской и воздушной поддержки спецназа. Ведь еще свежи боевые примеры недавних войн и внутренних конфликтов: Афганистан, Таджикистан, Чечня.

Не так давно отгремела вторая чеченская, где от координации и взаимодействия ГСпН с авиацией и артиллерией зависели не только точность и своевременность поражения всех обнаруженных целей НВФ, но и отсутствие ударов по своим войскам. И сегодня наши подразделения разведки и спецназа в горах Северного Кавказа могут встретить на своем пути бандформирование или группу наемников. Обе стороны имеют почти одинаковые боевые потенциалы и возможности по уничтожению противника, так как вооружены стрелковым и гранатометным вооружением. Все ведущие спецназы мира: США, Великобритании, Германии, Франции, Израиля — в данной ситуации широко

используют и применяют средства огневой поддержки старших начальников — авиацию и артиллерию...

Однако у нас проблема подготовки корректировщиков артиллерийского огня (далее — КАО) и передовых авиационных наводчиков (далее — ПАН) для подразделений специального назначения не разрешена до сих пор: отсутствует систематизированная программа подготовки этих специалистов для ГСпН, нет желания у командиров подразделений спецназа заниматься, как кажется иным, уже «неактуальными» вопросами. Поэтому нет и финансовых средств на эту «ненужную» тему боевой подготовки. Сегодня «для галочки» выделяются формальные три дня на подготовку КАО и ПАН спецназа за год! Неужели мало кровавых примеров отсутствия артиллерийской и воздушной поддержки?!

Но я все же твердо верю, что здравый смысл вскоре возобладает и все вернется на круги своя. Будет достойная боевая учеба этих специалистов. Ведь боевым командирам ГСпН эти вопросы жизненно необходимы, и мои соображения по подготовке данных профи, изложенные далее, я думаю, вызовут живой интерес у участников боевых действий и специалистов. Чтобы «держать порох сухим», предлагаю свой «рецепт» систематизированной подготовки данных профессионалов для подразделений специального назначения. Надо пройти несколько шагов.

Первый шаг. Закрепить арт- и авианаводчиков приказом командира части.

Чтобы начать систематическую подготовку специалистов по этим дисциплинам, необходимо «узаконить» отобранных людей **приказом по части**. При отборе в списки ПАН и КАО не должны попасть случайные люди (которые завтра собрались «дембельнуться», например) или задействованные по другим специализациям. ПАН и КАО — это дорогой и штучный «товар», и относиться к их отбору следует серьезно и ответственно. Лучшими кандидатами станут офицеры — выпускники артиллерийских командных и авиационных летных и штурманских военных вузов, подготовленные до нужного уровня в ГСпН на соответствующих сборах и занятиях. Надо внести **необходимые «довороты» в программу боевой подготовки** для этих специалистов. Следующее необхо-

димое действие — **закрепление** за ПАН и КАО необходимого вооружения, приборов разведки, связи, метеорологических приборов, экипировки, штурманского снаряжения, средств навигации, пиротехнических и сигнальных средств обозначения, снаряжения, средств маскировки, документации.

Второй шаг. Спланировать на год необходимую боевую подготовку данных специалистов для ГСпН.

Для боевой подготовки КАО и ПАН привлекать только отобранный личный состав ГСпН (из расчета по 2 человека от группы). Обучение этих специалистов в течение года состоит из нескольких этапов:

- подготовка в ходе сборов (обучение наведению вертолетов, корректированию огня артиллерии, наведению самолетов штурмовой и бомбардировочной авиации, метеорологическая подготовка);

- работа на своей учебной материально-технической базе (подготовка по связи и повторение пройденных программ обучения КАО и ПАН);

- привлечение этих специалистов в качестве КАО и ПАН на совместные тактические учения, контрольно-комплексные занятия с авиацией и артиллерией;

- сдача зачетов на подтверждение своей квалификации и на допуск к наведению авиации и корректированию огня артиллерии.

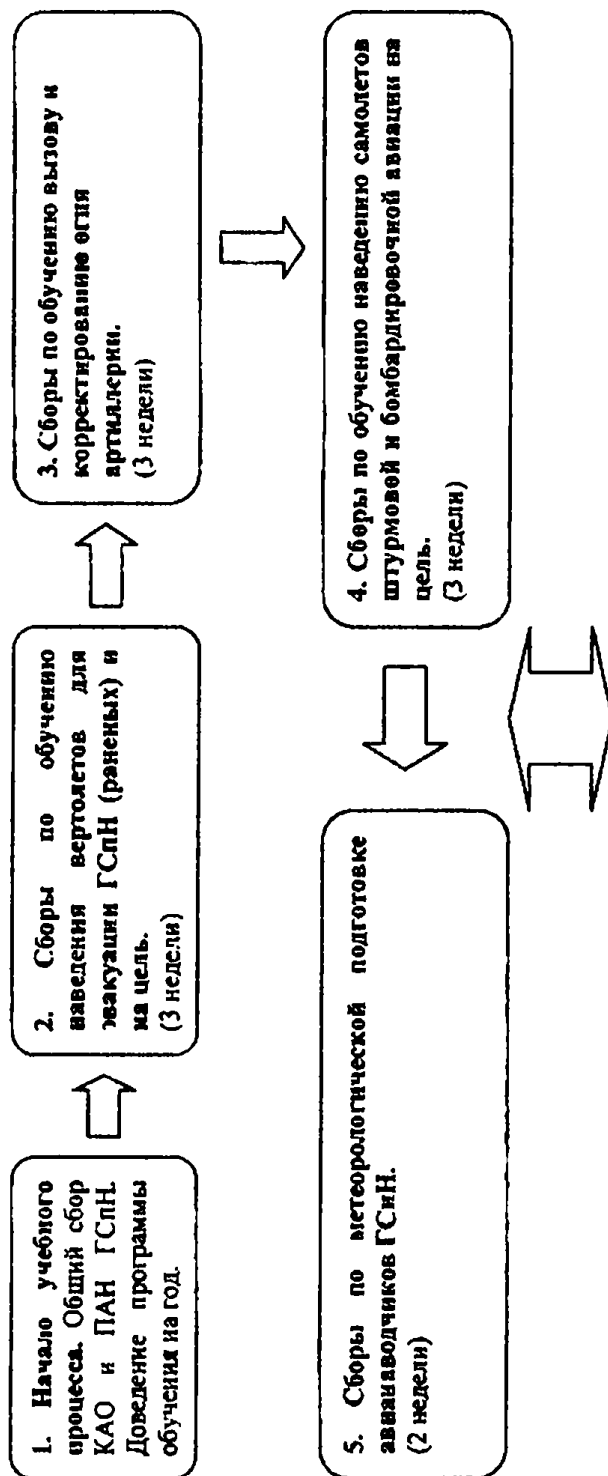
Третий шаг. Создать необходимую учебную материально-техническую базу для подготовки КАО и ПАН в подразделении специального назначения.

Учебная материально-техническая база для подготовки КАО и ПАН (далее — УМТБ) необходима для поддержания на должном уровне подготовленности специалистов в промежутках между сборами и сдачей зачетов, перед выездами в боевые командировки в качестве КАО и ПАН. УМТБ состоит из классной и полевой учебной базы. Необходим штат преподавателей и инструкторов из числа высококвалифицированных специалистов РВ и А и ВВС Минобороны РФ.

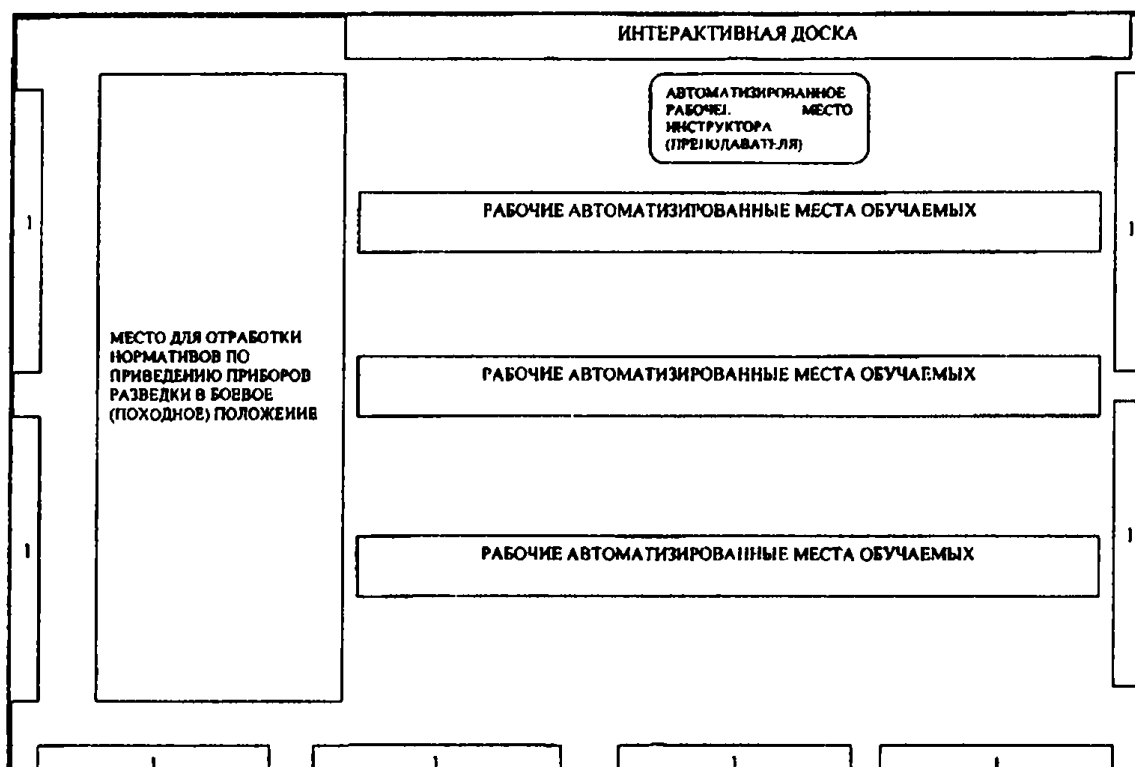
В классную учебную базу входят:

- учебный класс по вызову и наведению авиации;

ГОДОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ КАО и ПАН подразделений специального назначения:

КЛАССНАЯ УЧЕБНАЯ БАЗА ДЛЯ ПОДГОТОВКИ КАО и ПАН в ПОДРАЗДЕЛЕНИИ СпН:
УЧЕБНЫЙ КЛАСС ПО ВЫЗОВУ И НАВЕДЕНИЮ АВИАЦИИ (ВЫЗОВУ И КОРРЕКТИРОВАНИЮ ОГНЯ АРТИЛЛЕРИИ)
 на схеме 1 – настенные сдвижные экраны (по 10–15 листов каждый), всего 8 штук на учебный класс.

— учебный класс по вызову и корректированию огня артиллерии;

— лазерный артиллерийский полигон с макетом местности (равнина, город, горы);

— приборная мастерская, склад, метеорологическая лаборатория;

— комната преподавательского (инструкторского) состава.

Учебные классы рекомендуется оснастить и оборудовать:

— восемью настенными сдвижными экранами (по 15 листов в каждом, всего 120 листов на учебный класс по тематике программ обучения КАО и ПАН);

— витринами с макетами образцов вертолетов, самолетов, артиллерийских систем, минометов, авиационных и артиллерийских средств поражения, приборами разведки, навигации, метеоприборами, пиротехническими и сигнальными средствами обозначения, образцами оформления топографических карт, отработки боевых документов;

— автоматизированными рабочими местами преподавателей (до 1—2 человек) и обучаемых (до 15—20 человек);

— интерактивной доской и аппаратурой для демонстрации учебного материала, находящегося как в цифровом формате, так и в аналоговом формате (VHS, SVHS, DVD);

— местом для отработки нормативов по переводу приборов из походного положения в боевое и обратно.

Рассмотрим, что собой представляют настенные сдвижные стенды. Можно, конечно, использовать и вариант «Стенд-книжка», но предлагаемый вариант устройства более компактен, занимает меньше места. Руководитель занятия, подойдя к такому стенду, выдвигает лист с темой проводимого занятия, переходя к следующему вопросу, извлекает другой необходимый лист. Очень удобно, практично и наглядно.

Предложу и свой вариант наименований 8 групп стендов (по 15 листов каждый) для каждого из учебных классов. Для своих подразделений тематику этих стендов вы можете изменить по своему усмотрению.

ТЕМАТИКА СТЕНДОВ ДЛЯ УЧЕБНОГО КЛАССА ПО ВЫЗОВУ И НАВЕДЕНИЮ АВИАЦИИ

1-я группа	Обязанности должностных лиц пункта управления авианаводчика (далее — ПУАН). Порядок действий ПАН. ПАН запрещается. Экипировка и снаряжение. Выбор ПУАН на местности, оборудование и маскировка.
2-я группа	Организация взаимодействия авиации с ГСпН. Обозначение своих войск. Меры безопасности при организации взаимодействия.
3-я группа	Основные тактико-технические характеристики вертолетов и самолетов ударной авиации. Варианты вооружения и боевой зарядки летательных аппаратов.
4-я группа	Основные тактико-технические характеристики авиационных средств поражения ударной авиации. Рубежи безопасного удаления для своих войск.
5-я группа	Основы авианаведения. Способы наведения на цель. Порядок наведения вертолета для эвакуации ГСпН (раненого). Ведение боевой документации, оформление рабочей карты ПАН.

6-я группа	Организация связи ГСпН с авиацией. Назначение, тактико-технические данные, порядок подготовки к работе авиационных средств связи. Порядок ведения переговоров и передачи команд.
7-я группа	Метеорологическая подготовка ПАН. Назначение, тактико-технические характеристики, порядок подготовки к работе метеорологических приборов. Порядок ведения метеоизмерений и наблюдений ПАН. Схема ориентиров метеорологической дальности видимости.
8-я группа	Особенности действий ПАН в тылу противника в условиях боевых действий. Боевой опыт применения ПАН в войнах и внутренних конфликтах. Причины и последствия ошибочного наведения авиации по своим войскам.

**ТЕМАТИКА СТЕНДОВ ДЛЯ УЧЕБНОГО КЛАССА ПО ВЫЗОВУ
И КОРРЕКТИРОВАНИЮ ОГНЯ АРТИЛЛЕРИИ**

1-я группа	Обязанности и назначение КАО. Экипировка и снаряжение. КАО запрещается. Организация взаимодействия артиллерии с ГСпН. Меры безопасности при координации действий.
2-я группа	Основные ТТХ образцов артиллерийских систем, минометов, РСЗО. Рубежи безопасного удаления при стрельбе.
3-я группа	Особенности действий КАО в тылу противника в условиях боевых действий. Маскировка: индивидуальная, групповая, наблюдательного пункта. Проверка видов маскировки. Демаскирующие признаки основных объектов и целей противника. Выбор, занятие, оборудование и маскировка НП. Организация ведения электронно-оптической разведки на НП. Порядок доведения данных о разведанных целях. Ведение документации КАО.
4-я группа	Назначение, ТТХ, порядок подготовки к работе приборов разведки, навигации, наблюдения.
5-я группа	Порядок вызова и корректирования огня артиллерии в ходе пристрелки цели и стрельбы на поражение.
6-я группа	Документация, ведущаяся на НП ГКАО. Журнал разведки и обслуживания стрельбы. Рабочая карта КАО. Схема ориентиров НП.

7-я группа	Корректирование огня артиллерии в особых условиях.
8-я группа	Боевой опыт применения КАО в войнах и внутренних конфликтах. Причины и последствия ударов артиллерии по своим войскам.

Хотелось бы также порекомендовать заинтересованным лицам при подготовке КАО в ГСпН не слишком углубляться в артиллерийскую науку и стремиться обучить корректировщика спецназа по полному курсу артиллерийского командного училища. На мой взгляд, КАО ГСпН необходимо уметь налаживать взаимодействие в бою с пунктом управления артиллерией и передавать целеуказание и данные по разрывам снарядов относительно цели, определенные с помощью точных электронно-оптических средств наблюдения и разведки. А артиллеристы уже сами на ПУА рассчитают необходимые корректуры в прицел и направление. Забивать лишней информацией головы КАО ГСпН, на мой взгляд, не следует.

В полевую учебную базу входят:

— малый артиллерийский винтовочный полигон с макетом местности и площадкой для выбора, оборудования и маскировки наблюдательных пунктов (далее — НП);

— учебное поле подготовки разведчиков по ведению электронно-оптической разведки с площадкой для выбора, оборудования и маскировки НП;

— учебное поле метеорологической подготовки с площадкой для работы с приборами ПАН, метеорологический городок;

— площадка для отработки нормативов по связи;

— учебное поле по подбору посадочных площадок для вертолетов;

— места для обозначения своих войск авиации.

Четвертый шаг. Начать систематизированную боевую подготовку и учебу КАО и ПАН ГСпН!

Конечно же, претворение в жизнь вышеизложенных идей стоит немалых денег, но главное, чтобы было желание, и тогда процесс пойдет!

ПОЛЕВАЯ УЧЕБНАЯ БАЗА ДЛЯ ПОДГОТОВКИ КАО и ПАН
ПОДРАЗДЕЛЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

УЧЕБНОЕ МЕСТО ПО ВЫБОРУ ОРИЕНТИРОВ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ ДАЛЬНОСТИ ВИДИМОСТИ, ПО ОТРАБОТКЕ ДОКУМЕНТОВ ПАН ПЛОЩАДКА ДЛЯ РАБОТЫ С ПРИБОРАМИ ПАН	МАЛЫЙ АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ВИНГОВЫЙ ПОЛИГОН С МАКЕТОМ МЕСТНОСТИ ПЛОЩАДКА ДЛЯ ВЫБОРА, ОБОРУДОВАНИЯ И МАСКИРОВКИ НП	УЧЕБНОЕ ПОЛЕ ПОДГОТОВКИ РАЗВЕДЧИКОВ ВЕДЕНИЮ ЭЛЕКТРОННО-ОПТИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ С МАКЕТОМ МЕСТНОСТИ, ПО ОТРАБОТКЕ ДОКУМЕНТОВ КАО ПЛОЩАДКА ДЛЯ ВЫБОРА, ОБОРУДОВАНИЯ И МАСКИРОВКИ НП
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ ГОРОДОК ПЛОЩАДКА ДЛЯ ОТРАБОТКИ НОРМАТИВОВ ПО СВЯЗИ	УЧЕБНОЕ ПОЛЕ ПО ПОДБОРУ ПОСАДОЧНЫХ ПЛОЩАДОК ДЛЯ ВЕРТОЛЕТА МЕСТА ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ СВОИХ ВОЙСК АВИАЦИИ	

Приложение

Документация, ведущаяся на НП ГКАО.

Журнал разведки и обслуживания стрельбы НП ГКАО.

Основное направление — 44-00 НП X=25460; Y=75157; h=120 м.

Номер цели (ориентира)	Время обнаружения	Положение цели			Наименование цели и результаты наблюдения	Координаты			Характеристика точности засечки	Примечание
		Дирекционный угол	Дальность	Угол места		X	Y	h		
51	2 августа, 6.15-6.30	47-48	3130	+0-12	Миномет из-за выс. «Круглая», выпущено 6 мин	25 540	72 137	158	По дыму, неточно	Доложил на ПУО 6.40
71	2 августа, 9.30-10.00	43-20	2500	+0-05	Снайперская пара у опушки леса «Редкий», произведено 4 выстрела	25 408	72 717	132	По паре, точно	Доложил на ПУО 10.00

Кодировка карты (вариант)

12	8	8	8	87	СЛОМ-3
11	8	9	9	8	
7	6	6	6	7	
10	84				СЛОМ-7

Кодировка рабочей карты начальника ГКАО (вариант)

Схема ориентиров ГКАО.

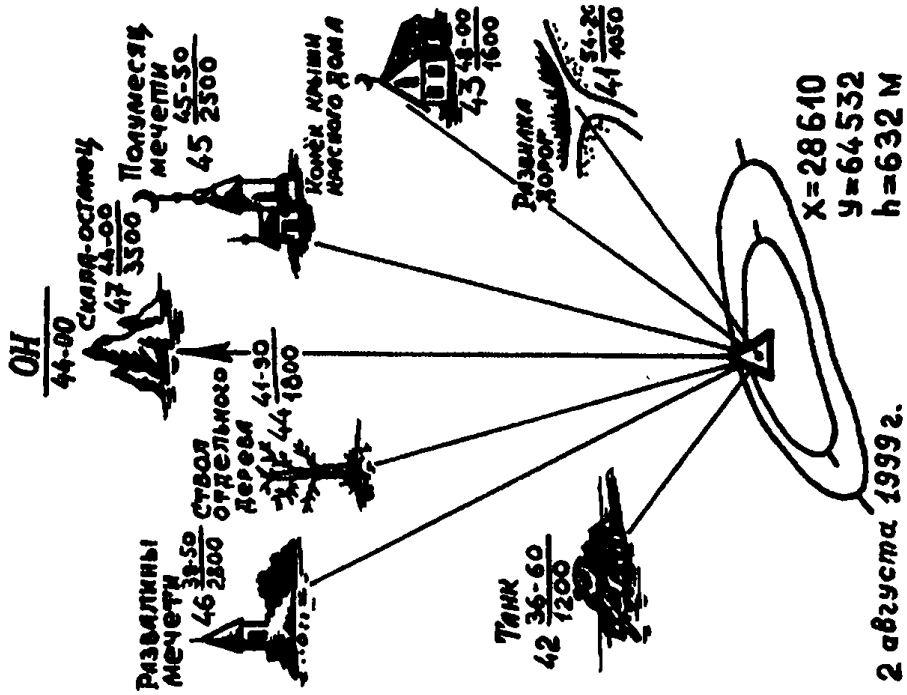
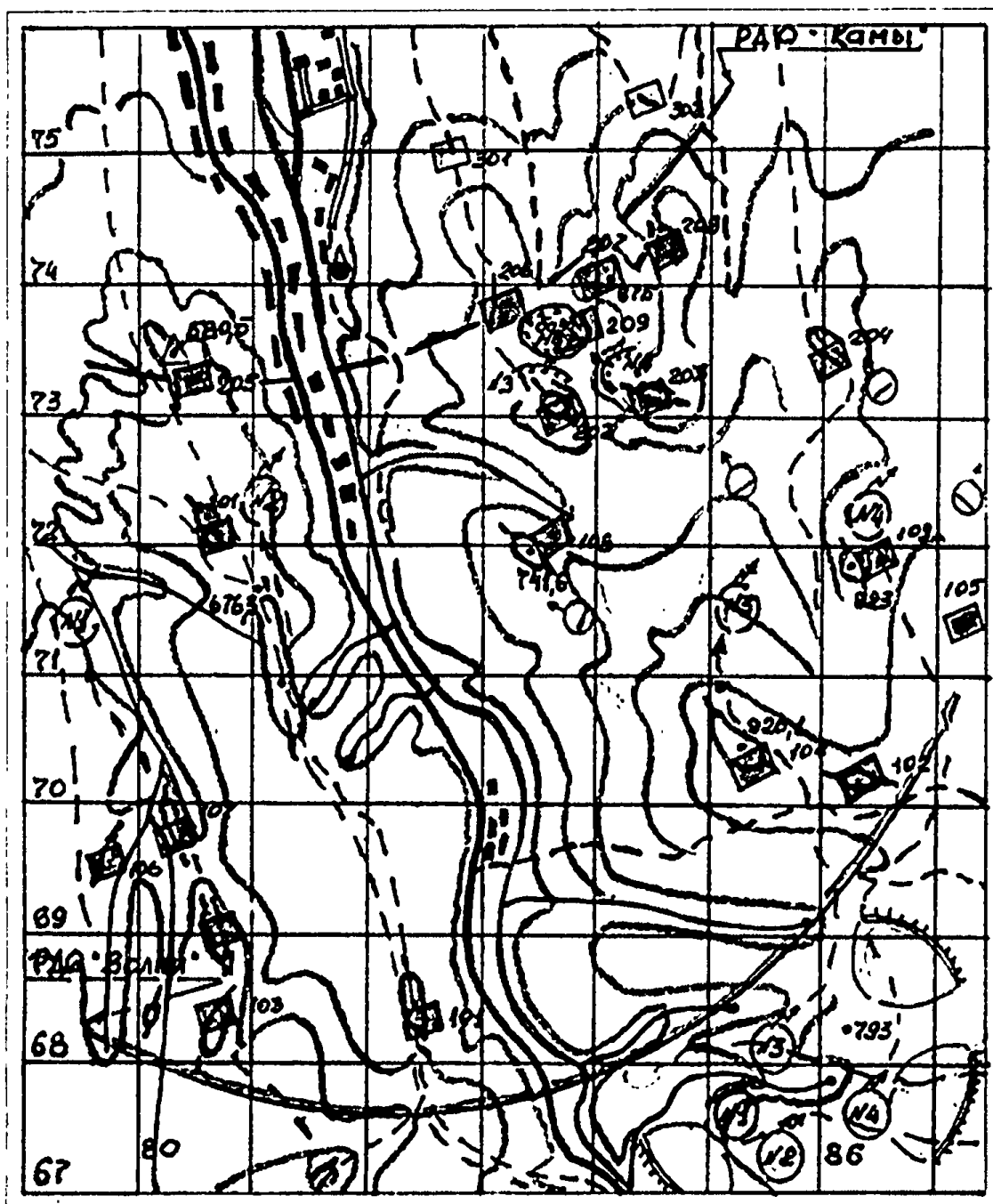

Схема ориентиров НП ГКАО

Рабочая карта начальника ГКАО

«НЕ ПОМНЮ, КАК СЕЛ В ДЕРЬМО...»

«Мои впечатления от подразделений легкой пехоты, таких, как 82-я воздушно-десантная дивизия во время операций «Щит», «Буря в пустыне», морской пехоты и частей 10-й горной дивизии

армии США в Сомали и впечатления, полученные во время учебной подготовки 7-й и 25-й легких дивизий, убедили меня, что многие наши командиры легкой пехоты — от самых низших чинов и до высших армейских кругов — страдают от обычной армейской болезни — НПСД («не-помню-как-сел-в-дерьмо»), касающейся горьких, унижительных уроков Вьетнама...»

(Полковник армии США Дэвид Хэкворт)

«Я ВОЛКОМ БЫ ВЫГРЫЗ БЮРОКРАТИЗМ...»

Наши военные, так же как американцы позабыли Вьетнам, предали забвению весь опыт Афгана и всех последующих внутренних конфликтов и локальных войн. Речь опять, в который уже раз, пойдет о проблемах подготовки передовых авиационных наводчиков (ПАН) и корректировщиков артиллерийского огня (КАО) для групп специального назначения. Даже американские военные специалисты, тщательно изучавшие советскую военную кампанию в Афганистане, считали, что наши вооруженные силы получили огромный опыт ведения боевых действий в сложнейших специфических условиях. Опыт-то был получен, но оказался никем не востребован, а со временем к тому же безжалостно забыт, что еще страшнее. Анализ чеченских войн подтверждает это, показывая полное забвение кровавых уроков Афганистана: подразделения при ведении боевых действий не умели осуществлять взаимодействие с авиацией и артиллерией. Ведь еще после Афгана неоднократно писалось и рекомендовалось в различных документах: **«Необходимо иметь в составе подразделения штатного авианаводчика из числа офицеров, прошедших подготовку на специализированных сборах при ВВС округа. Такие авианаводчики успешно справлялись с наведением вертолетов и штурмовой авиации для нанесения ударов по целям».**

Почему же мы все понимаем актуальность и важность наличия авианаводчиков и корректировщиков артиллерийского огня

Авианаводчики с дальномерами

в составе подразделений спецназа только в минуты смертельной опасности или в минуты гибели своих боевых друзей? Когда, не добившись согласованных действий между родами войск, мы под бомбами, ракетами своей авиации, снарядами своей артиллерии поливаем отборным матом радиоэфир. Когда оплакиваем сослуживцев, погибших из-за отсутствия должного уровня взаимодействия между экипажами вертолетов и десантируемыми различными способами группами спецназа. Ведь находились же в мирной жизни и имели все возможности и время для организации полноценного обучения профессионалов для спецназа! Как всегда у нас, с началом каждой войны этих специалистов по чьей-то большой глупости не оказывается в боевом строю спецназа. **И вот оттуда, уже из пылающей войны новой «горячей точки», вновь пойдут срочные шифротелеграммы проснувшегося генералитета командирам соединений и воинских частей: «Срочно готовить корректировщиков артиллерийского огня и авианаводчиков!»**

А что было до войны? Почему этих специалистов не подготовили? Почему не готовят их сейчас, в мирной жизни? А все дело в том, что сегодня штабные бюрократы-«буквоеды» ставят постоянные препоны проведению данных сборов. Чтобы сегодня «пробить» их в жизнь, необходимо буквально совершить чудо. Одному фанату и энтузиасту таких нагрузок никогда не осилить. А если еще учесть, что на каждом шагу длинной лестницы согласований и решений постоянно вставляются палки в

колеса, то тогда понятно, почему эти сборы прекращают свое существование, так и не начавшись.

Бюрократы же постоянно твердят, что «данных сборов нет в программе боевой подготовки подразделения» (откуда же им в ней появиться, если составляют эту программу они сами, ни с кем особо не посоветовавшись!), что «войны нет и зачем нужны эти корректировщики и авианаводчики; у нас и задачи сейчас другие, и подразделение наше — антитеррористическое».

Странная логика. Ведь даже американское руководство в качестве основного довода, используемого для борьбы с международным терроризмом, рассматривает свои силы специального назначения! У отечественных же горе-начальников свои доводы и... короткая память. Когда была война, спецназовцы почему-то не вылезали из Чечни, борясь там с международным терроризмом, где всегда существовала вероятность встречи с крупным бандформированием или отрядом наемников. Люди не раз подрывались на минах и фугасах. Тогда-то и требовались специалисты по наведению авиации. Но таковые, способные провести метеорологические наблюдения в интересах экипажа, выбрать посадочную площадку для вертолета эвакуации, завести и посадить вертолет на нее, в группах спецназа отсутствовали. Спецназовцы ежеквартально совершают тренировки, которые показывают, что им жизненно необходимо иметь в своем составе подготовленных руководителей полетов — офицеров боевого управления авиацией (то есть авианаводчиков). На летчиков эти задачи не переложить: экипажи-то прилетают каждый раз разные, порой незнакомые со спецификой работы спецназа, имеющие разные уровни подготовленности и квалификации, поэтому столь важно иметь своих специалистов для надежного взаимодействия с авиацией. Чтобы научить спецназовцев наводить авиацию, нужны время и целенаправленная ежегодная сборовая подготовка. А когда «грянет гром», то есть начнется война, будет уже поздно. Но и это не всем понятно в раздутых штабных инстанциях. Вот и приходится печатать мно-

гочисленные справки-обоснования, преодолевать различные бюрократические «пороги», доказывая необходимость таких профессионалов, их систематической полноценной подготовки, а также обеспечения соответствующим снаряжением, оптико-электронными средствами разведки и навигации. Но все усилия, как правило, пропадают зря, все оказывается тщетным. Позже эти бумаги, по несколько раз подправленные, переправленные, уничтожаются задним числом или в лучшем случае подшиваются в пыльное дело, которое никто из руководителей и не читает.

А выводы в этих бумагах самые нелицеприятные для групп спецназа: экипировки и снаряжения для данных специалистов нет, организация связи с авиацией до конца не проработана (она порой односторонняя), нет необходимых средств связи для обеспечения надежного взаимодействия с армейской авиацией, а имеющиеся не отвечают требованиям современного боя из-за малых рабочих дальностей в горно-лесистой местности. Там же, в этих выводах, рекомендовалось: «В КАО и ПАН назначать приказом командира части тщательно отобранных людей, для их боевой подготовки привлекать один и тот же личный состав групп спецназа (из расчета по два человека от группы), проводить с ними боевую учебу систематически, из года в год, совершенствуя их мастерство в высших военных учебных заведениях, учебных центрах ВВС, РВ и А» и далее: «закрепить в таблице положенности для КАО и ПАН необходимое вооружение, приборы разведки, связи, метеорологические приборы, экипировку, штурманское снаряжение, средства навигации, пиротехнические и сигнальные средства обозначения, средства маскировки и документацию» и т.д., и т.п. Но все тщетно... Случись война, люди опять будут гибнуть из-за повсеместного «пофигизма». Чем-то это все напоминает борьбу со штабной бюрократией знаменитого советского разведчика-диверсанта И. Старинова. Отвергнутые «канцелярскими крысами» штабов РККА идеи и планы И. Старинова

о проведении широкомасштабной диверсионной и минной войны в фашистском тылу, основанные на глубоком анализе боевых действий в Испании, Финляндии и Монголии, могли на десятки и сотни тысяч человеческих жизней сократить число наших потерь и кардинально изменить в нашу сторону ход Великой Отечественной войны еще в ее начальный период. Старинова же за эти идеи обвинили чуть ли не в предательстве и несколько раз едва не расстреляли.

История борьбы с некомпетентностью и глупостью повторяется сегодня...

Кто далек от специфики боевой работы спецназа или напрочь забыл ее, тот и накладывает «вето» на организацию проведения сборов. Иные просто банально боятся начальства. Выискиваются новые причины для отказа, очередные возражения против веских аргументов, важные решения переносятся на «потом». Таким образом все перспективные для спецназа планы обучения сводятся на нет. Обидно и больно, что бесценный боевой опыт остается невостребованным, все опять списывается на «авось пронесет»...

Думается, никого не надо убеждать, что в XXI веке ведение войны только стрелковым вооружением изначально проигрышно — это все равно что с луками и стрелами воевать против противника, вооруженного автоматами и пулеметами. Подобное уже было в XX веке, когда в 1914 году в августовских боях под Халеном и Дистом немцы попытались воевать копьями против пулеметов и артиллерии, послав в атаку на позиции врага кавалерию. Страшный приговор лучшим германским драгунам подписали сосредоточенным огнем бельгийские артиллерийские батареи, пулеметчики и стрелки. Тогда ведь тоже писалось, что «в эпоху пулеметов и ручных гранат штык еще более утратил свое значение». Однако это не мешало вновь и вновь бросать кавалерию против пулеметов противника...

Эта история повторяется для нас в самом худшем варианте. Сегодня иностранные спецназы в военных конфликтах и шагу

не ступят без поддержки с воздуха и огня артиллерии, применяют передовые средства электронно-оптической разведки для корректирования огня «бога войны», приборы лазерной подсветки цели авианаводчиком для эффективного и точного поражения противника управляемыми ракетами и авиабомбами. Они сполна используют боевой опыт, полученный нами и в Афганистане, и в Чечне. Мы же этот опыт забываем уже спустя пару лет и начинаем лихорадочно наверстывать упущенное лишь после гибели людей. В свое время мудрую фразу произнес генерал Дуглас Макартур: **«Нам нужно держать свой разум открытым и восприимчивым для применения новых методов и вооружений. Следующая война будет выиграна в будущем, а не в прошлом. Мы должны двигаться дальше, иначе мы пойдем ко дну».**

Хорошо сказал генерал...

«КОГДА В ТОВАРИЩАХ СОГЛАСЬЯ НЕТ», ИЛИ ЛОЖКА ДЕГТЯ В БОЧКУ С МЕДОМ

Но бывает в жизни, что случается настоящее чудо. В обход всех препон энтузиасты подготовки авианаводчиков и корректировщиков артиллерийского огня все же «пробивают» в жизнь простые пути решения данного вопроса благодаря дружеским и личностным отношениям между авиаторами и спецназовцами, сложившимся между ними еще на войне. Фанаты авианаведения стали таковыми после реальных боевых эпизодов, прочувствовав на своей «шкуре» отсутствие необходимых знаний у спецназовцев на войне. Они постоянно интересуются этими вопросами, стараются (порой в отпусках, отрывая деньги от скромного семейного бюджета) посещать учебные центры ВВС, летные и авиационные училища, везде, где только можно, пытаются почерпнуть знания, без которых они были бы «слепыми котятками» во взаимодействии с авиацией на войне. На них, на этих энтузиастах, пока еще держится «на плаву» система подготовки ПАН и КАО.

Казалось бы, все позади: подписан приказ на сборы, есть автотранспорт, выписаны командировочные, командирам и начальникам отданы распоряжения на выделение людей, обеспеченных техническими средствами разведки, навигации и связи. Высокие руководители спецназа вроде бы должны радоваться и поддерживать такие инициативы подчиненных офицеров, когда без копейки денег, «на халяву», организуется реальная боевая учеба для их людей с практическим наведением авиации. Явная экономия средств, которые необходимы на обучение авианаводчиков, на работу летчиков, на ГСМ для вертолетов и самолетов, на использование авиационной техники и авиационного вооружения, и других колоссальных затрат! Но здесь-то и начинается самое интересное, после чего коэффициент полезного действия этих «выцарапанных» невероятными усилиями сборов падает, что называется, до абсолютного «нуля». «Почему?» — спросите вы. Ответ невероятен, но, наверное, характерен для всех российских организаций и ведомств: из-за повсеместного «пофигизма»; бардака и непрофессионализма «ответственных» лиц на местах никакого толку от этих сборов нет.

Во-первых, энтузиастов и фанатов авианаведения (которые, собственно, «пробили» и организовали данные занятия, договорившись с авиаторами), вместо того чтобы отправить со спецназовцами на учебу, руководители на местах вычеркивают из приказа на сборы. Из-за их отсутствия происходит одна нелицеприятная вещь: многие «ниточки» взаимоотношений, особенно личностных, обрываются (на сборы авианаводчиков приехал не спецназовец Вася, который на второй чеченской вытаскивал экипаж из упавшей под Дышне-Ведено «вертушки», а сослуживец Васи, какой-то там Петя). То есть на сборы не попадают именно те люди, которые «в теме», которые знают, как нужно действовать при наведении вертолетов, имеют реальную практику и проходили обучение на подобных сборах не раз, умеют пользоваться средствами связи, приборами разведки, метеонаблюдения и, главное —

горят желанием работать над этим важнейшим вопросом дальнейшего налаживания взаимодействия между спецназом и авиацией на войне. Таким образом, один самонадеянный «буквоед» на местном уровне может нанести такой вред боевой подготовке спецназа, какой не способны нанести все недоброжелатели, вместе взятые. Почему это происходит? Да потому что этот штабной «головотяп» никогда сам не ходил в группах спецназа по Чечне, а пришел в подразделение «со стороны» и совсем не «догоняет», зачем вообще они нужны, эти специалисты.

Во-вторых, казалось бы, эти сборы организуются и проводятся в интересах конкретных боевых подразделений, командиры которых должны быть жизненно заинтересованы в наличии у себя профессионально подготовленных авианаводчиков. Но некоторые из них, не понимая того, что обучение авианаводчика — это целенаправленная, систематическая и поэтапная работа по их «взращиванию», присылали не тех, кто уже имел определенные навыки, а совсем «зеленых» в этом деле спецов, рассуждая примерно так: «Нам надо всех обучить, зачем одних и тех же отправлять на сборы?» Но, минуточку! Снайперской подготовке ведь не обучают 100 процентов солдат подразделения сразу. Выделяют конкретных лиц, которые подходят под эту воинскую специальность, и целенаправленно, систематически их потом готовят под руководством опытных инструкторов.

Почему же тогда столь легковесен подход к обучению передовых авианаводчиков и корректировщиков артиллерийского огня? Это ведь дорогой и штучный «товар», и относиться к их отбору и подготовке следует всегда серьезно и ответственно. Лучшими кандидатами для этой специализации всегда являлись офицеры — выпускники артиллерийских командных и авиационных летных и штурманских военных вузов, «доведенные» позже до «ума» в спецназе на соответствующих сборах и занятиях. Качественная подготовка авианаводчиков стоит денег: это и работа профессионалов ВВС по обучению авианаве-

дению, это и керосин, и авиационные средства поражения для боевого применения вертолетов на полигоне. Да и объем знаний и умений, который необходимо твердо усвоить авианаводчикам, во много крат больше и сложнее, чем при обучении тех же снайперов. Подготовка этих специалистов «по уму» только в течение года состоит из нескольких этапов. Не лучше ли качественно готовить двух-трех профессионалов из подразделения с полной практической отработкой всех тем, чем кое-как всю толпу «для галочки»?!

С таким отношением самих боевых командиров к этой важной теме боевой подготовки в спецназе никогда не будет грамотных передовых авиационных наводчиков и корректировщиков артиллерийского огня, способных уверенно выполнить реальную боевую задачу по своей специализации...

ВЫ — БОЕВОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ, А НЕ СПОРТИВНАЯ КОМАНДА!

В иных подразделениях отношение руководства к подготовке авианаводчиков еще печальней. На вопрос: «Почему не даете того, кто уже проходил обучение, чтобы поддерживать необходимые навыки?» — ответ обескуражил бы любого: «Авианаводчик Иванов у нас в сборной по кроссу на 3 км, авианаводчик Петров в сборной по классической стрельбе из пистолета, авианаводчик Сидоров в сборной по плаванию. Готовятся к ответственным соревнованиям! Выделить их никак не можем, но дадим других — новеньких...»

Получается, что подразделениям спецназа сегодня важнее спортивные достижения, а не то, что необходимо им на войне. Лучше занять несколько первых мест на соревнованиях, чем профессионально обучить нештатных авианаводчиков для подразделения. Если спорт становится на первый план в повседневной жизни спецназа, а важные темы его боевой подготовки отодвигаются на «потом» и «опосля», такие подразделения неминуемо ждет повторение кровавых неусвоенных уроков.

Прекрасные слова по этому поводу в свое время сказал заслуженный и авторитетный командир спецназа, офицер-«афганец», полковник Михаил Дроздов. Напутствуя своих подчиненных на очередные соревнования, он сказал: «Ребята, помните, что вы — боевое подразделение, а не спортивная команда!»

Иные руководители заявляют, что «глубоких знаний нашим авианаводчикам не требуется, так, чуть-чуть обучить, чтобы вертолет могли посадить, а для этого и трех дней достаточно». А как же наведение на цель с применением авиационных средств поражения? «Такого наведения нам не понадобится, и зачем вообще обучать наших бойцов наведению штурмовой и бомбардировочной авиации? В случае чего, возьмем штатных авианаводчиков из частей ВВС».

Потрясающая логика, не правда ли? Группа спецназа, зажатая со всех сторон партизанами где-то в горах, конечно, сначала будет дожидаться появления у себя на позициях с неба свалившегося авианаводчика «из частей ВВС», а уж потом с его помощью даст «духам» прикурить...

Если нас ничему не учит собственный опыт, обратимся к чужому. К примеру, американским «зеленым беретам» и рейнджерам все темы авианаведения и корректирования огня артиллерии нужны, они ни от чего и никогда не отказываются, что касается вопросов боевой подготовки и того, что может пригодиться им на войне. Ведь любая боевая учеба — это лишний прием в арсенале спецподразделения для эффективного и быстрого уничтожения любого противника. А какой именно прием может пригодиться в бою, покажет только сама война. Но чем их больше будет, этих приемов, тем будет больше шансов у спецназовцев успешно выполнить боевую задачу. Именно поэтому так эффективно были подавлены с помощью лазерных целеуказателей — дальномеров подсвета наземных целей для ударов авиации все стратегические цели в начальный период иракской кампании.

А у нас недалекие в этом вопросе «ответственные» лица начинают нос воротить: наведение вертолетов им подай, а наведение штурмовиков — не надо, и все это чтобы «уместилось»

в два-три дня! Но подобное мы уже проходили во время второй чеченской, когда, **во-первых**, штатные авианаводчики физически выдыхались на первом же подъеме в горы от непривычно быстрого передвижения группы, **во-вторых**, когда этих специалистов из ВВС просто не оказывалось в группе в самый необходимый момент, и, **в-третьих**, эти профи должны быть из числа спецназовцев, то есть обладать соответствующим уровнем огневой, тактической и разведывательной подготовки.

Обучить нештатного авианаводчика наводить вертолет для эвакуации группы или раненого не так-то просто, как кажется, и трое суток — срок недостаточный, ведь именно после такого краткосрочного и неосновательного обучения бойцы спецназа допускают катастрофические ошибки: «сажают» вертолет по ветру или на опасную по всем параметрам посадочную площадку. Сколько бортов мы потеряли по этим причинам, начиная с Афгана? Очень много. А в жизни все бывает совсем не так, как в учебном классе: то «духи» на хвосте группы висят — срочно подавай вертолет, то подрыв на mine — опять давай эвакуацию. Только если сами спецназовцы не могут провести метеорологические измерения, оценить погоду в интересах экипажа и выбрать посадочную площадку для вертолета эвакуации, о каком спасении людей может идти речь?! Как может быть такое, что командиры отсылают группы спецназа в горы, не продумывая вопрос, каким образом они будут выводиться обратно в различных ситуациях, в том числе экстренных?

Но вернемся к сборам спецназовцев. Почему же все-таки коэффициент их полезного действия практически равен нулю? Ведь занятия ведут опытные преподаватели по наведению авиации и по метеорологической подготовке, задействованы транспортно-боевые вертолеты с экипажами и авиационными средствами поражения. Да потому, что спецназовцы, выделенные своими командирами и прибывшие на сбор, — «нулевые». Вместо практического авианаведения они должны поначалу получить необходимые теоретические знания, сдать зачеты на допуск к наведению. И только после этого, собственно, присту-

пать непосредственно к основному обучению. Но сроки сборов не позволяют этого сделать полноценно.

И пока этот комплекс проблем не будет решен всеми заинтересованными лицами сообща, не видать спецназу грамотных, а главное — своих авианаводчиков. Как говорил И.А. Крылов: «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет, и выйдет из него не дело, только мука...» И пока «лебедь рвется в облака, рак пьтится назад, а щука тянет в воду», толку не будет...

«Мы были удивлены, насколько высшие офицеры морской пехоты США и армейское командование позабыли уроки Вьетнама... Американский опыт войны во Вьетнаме либо проигнорировали, либо, возможно, утеряли... Сколько жизней было бы спасено, если бы наши руководители не были столь самонадеянны и непрофессиональны...» Это слова полковника Дэвида Хэкворта об американской армии. А кажется — о нашей...

АМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ

Наша отечественная история подготовки авианаводчиков, увы, печальна. У нас сократили центры боевого управления — основное связующее звено между авиацией и «сухопутчиками». Ведь еще в Афгане была создана авиационная структура, представлявшая единый рабочий механизм со спецназом. Подразделениям спецназа и ВДВ были приданы целые авиационные группы или по несколько эскадрилий боевых и транспортно-десантных вертолетов. Вертолетчики были всегда рядом со спецназовцами и десантниками, а это еще больше укрепляло взаимопонимание.

Нет, надо было все поломать, расформировать и реорганизовать. В результате этих шатаний из стороны в сторону было потеряно большинство профессионалов своего дела — офицеров боевого управления и авианаводчиков. Организовать сегодня взаимодействие авиации со спецназом практически невозможно: много лишних связующих звеньев, нет прямого контакта экипажа с авианаводчиком спецназа. И средства связи у них различные...

Многие ответственные лица забывают, что авиационный наводчик и корректировщик артиллерийского огня — это элита, «белая кость» спецназа, специалисты высшей категории. Они требуют к себе особого отношения, внимания со стороны руководства и должны обеспечиваться всем необходимым для войны в первую очередь и «по высшему разряду». Ведь их знания и опыт могут понадобиться в любую минуту. Это хорошо понимают руководители мировых подразделений специального назначения.

Американцы, например, учли свои уроки многочисленных войн и наш опыт боевых действий в Афганистане. Они создали целую структуру, предназначенную для организации взаимодействия между военно-воздушными силами и подразделениями специального назначения, — командование специальных операций ВВС США (*усовершенствованная и модернизированная копия организационно-штатной структуры нашего «афганского» варианта взаимодействия в звене спецназ — авиация — артиллерия. — Прим. авт.*). В задачи командования также входит: организация связи, операций прямого воздействия, прикрытия наземных действий спецназовцев, спасения и эвакуации, ведения специальной разведки. Группы боевого управления КСО направляют ударные группы вертолетов и самолетов во время боя, а рота тактического воздушного управления непосредственно руководит авиационной поддержкой, тесно работая с группами «зеленых беретов» и с другими спецназовцами. У американцев в командовании специальных операций ВВС имеются боевые группы метеорологов. Обеспечивая спецназовцев метеорологической информацией по зоне боевых действий или району заинтересованности, они, в отличие от нас, прекрасно понимают значение метеорологии для спецназа, ведь метеорологические условия — важный элемент воздушной обстановки, и он оказывает огромное влияние не только на взлет, посадку и полеты воздушных судов, но и на боевое применение ими авиационных средств поражения, а также на состояние посадочных площадок.

В центрах боевого применения и переучивания летного состава ВВС России подготовка авиационного наводчика из числа офицеров-авиаторов занимает **два-три месяца**. У американцев на обучение и тренировки боевых контролеров командования специальных операций ВВС США (они выполняют функции авианаводчиков) в школе контроля воздушного движения и на авиабазах уходит **38 недель**.

Для проведения специальных операций разрабатываются и принимаются на вооружение в необходимом для спецназа количестве: компактные легкие лазерные дальномеры — целеуказатели подсветки цели, «маяки» для ударов авиации, специальные самолеты, вертолеты, специфические авиационные средства поражения, оборудование для ночных полетов и многое-многое другое, что нужно спецназу на войне.

Столь серьезный подход к обучению авианаводчиков окупается на войне с лихвой, позволяя сберечь жизни спецназовцев. И подобное ответственное отношение к подготовке авианаводчиков имеется практически во всех иностранных спецназах.

Если сегодня у нас идет ожесточенная борьба между сторонниками и противниками наличия данных специалистов (ПАН, КАО) в группах спецназа, то американские и другие иностранные спецподразделения давно обогнали нас в этом вопросе по всем статьям и шагнули далеко вперед. У них подобных вопросов никогда не возникало: что нужно спецназу, то и дают, а не губят перспективные идеи в рассуждениях и пустопорожних разговорах. Отечественные «головотяпы», как всегда, «бьют по хвостам» вчерашнего дня, а американские военные видят тенденции развития и быстро прогрессируют.

Так, осенью 2007 года в Афганистане одно из наземных подразделений армии США попало под обстрел противника. Была запрошена поддержка авиации. На выручку пехотинцам выслали беспилотный летательный аппарат MQ-9A «Рипер» ВВС США, с которого по талибам были применены две 500-фунтовые управляемые авиационные бомбы GBU-12 с лазерным наведением. Обнаруженная цель противника была уничтожена. «Ну и что? —

спросит кто-то. — Операция как операция, весьма характерная для американцев». Ан нет. Дистанционное управление полетом аппарата осуществлялось операторами... с другого континента — с базы ВВС США Крич в штате Невада!

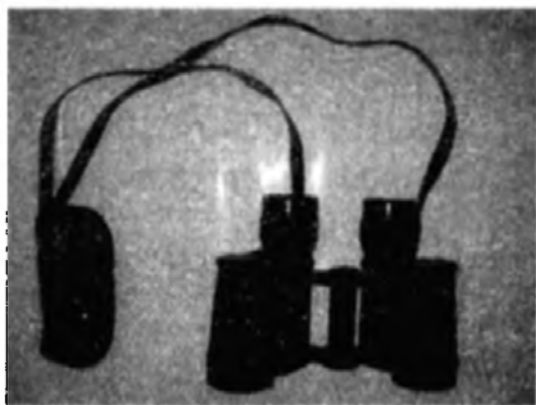
Задумаемся?

ЧТО НУЖНО АВИАНАВОДЧИКУ?

Для успешного выполнения боевых задач в современной войне необходимо оснастить авиационных наводчиков и корректировщиков артиллерийского огня самыми современными приборами разведки, наблюдения, средствами навигации, связи, метеорологических наблюдений, сигнальными и обозначающими средствами. Причем это оснащение должно быть лучшим по всем мировым стандартам и требованиям. Здесь экономить нельзя. Одно из требований к оснащению спецназовцев — это небольшие габариты и вес всех приборов и средств.

Что необходимо иметь в таблице положенности для данных специалистов спецназа? Предложу свой **перечень снаряжения, экипировки и сигнальных средств ПАН и КАО группы спецназа (вариант)**:

- лазерный целеуказатель — дальномер подсвета наземных целей для ударов авиации (компактный и легкий);
- бинокль с углоизмерительной сеткой типа Б-8 (Б-12);
- бинокль-дальномер Leica Vector IV (или лазерный прибор разведки ЛПР-1М) с зарядным устройством и набором по уходу за оптическими приборами;

Бинокль Б-8

Дальномер Leica Vector

Дымовая граната

Компаса, навигатор, курвиметр

Метеоприбор «Кестлер-4000»

Мини-планшет

- приборы ночного видения (очки, монокуляры);
- компас Андрианова (жидкостный компас);
- навигатор типа GPS с приводами на ноутбук и на бинокль-дальномер Leica Vector IV;
- секундомер;
- укомплектованная офицерская сумка или мини-планшет под топографические карты (масштаба 1:50 000, 1:100 000, 1:200 000) и для аэрофотоснимков районов заинтересованности (масштаба 1:8000);
- штурманский набор (микрокалькулятор МК-85, офицерская линейка с транспортиром, артиллерийский круг АК-3, масштабная линейка МПЛ-50, циркуль-измеритель, прибор расчета корректур ПРК-75, хордоугломер, курвиметр, фонарик, палетки,

таблицы, журнал авианаведений, разведки и обслуживания стрельбы, блокнот со справочным материалом);

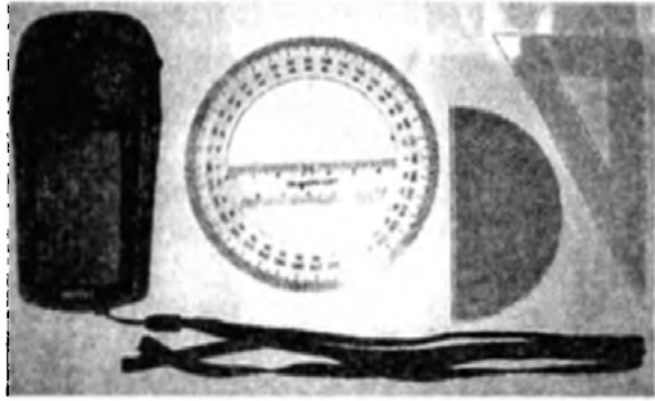
— средства связи (с бесшумной гарнитурой): УКВ-трансиверы авиационного диапазона с большими дальностями работы или авиационная УКВ-радиостанция Р-853-В-1 (В-2) в комплекте с антенной от радиостанции Р-809М2 типа «Зонт»;

— ноутбук ПАНа с GPS — топографическим и метеорологическим спутниковым обеспечением;

— метеорологический прибор «Кестлер-4000» с комплектом запасных батареек (6 штук);

— штурманские часы с секундомером со светящимися стрелками и барометром-анероидом;

— 26-мм сигнальный пистолет СП-81 (или СПШ-44) с набором ракет разных цветов (по 10 штук красного, зеленого, желтого огня, красного и черного дыма);

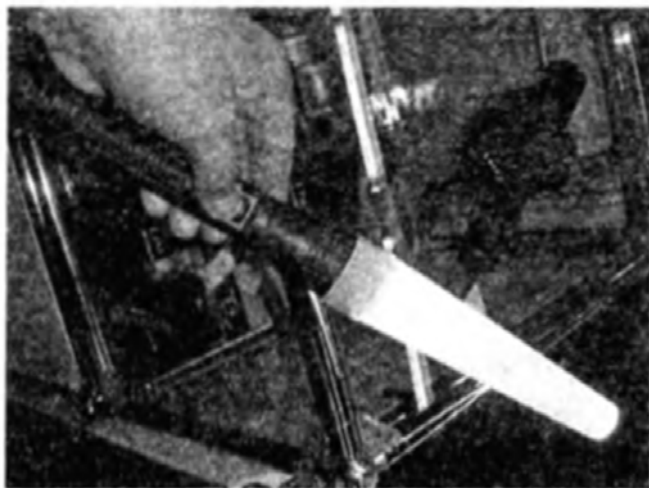
Навигатор, штурманский набор

Сигнальные переломные свечи
PARAT

Радиостанция

Сигнальный фонарь

Сигнальный пистолет

— американские сигнальные фонари авианаводчика фирмы INOVA со съемными конусами-объективами разных цветов (белый, оранжевый, желтый, красный);

— набор сигнальных переломных свечей-огней фирмы PARAT разных цветов (желтый, зеленый, красный, голубой,

оранжевый, белый) разной длины — от 10 до 38 см — и с различными сроками свечения — от 5 минут до 12 часов;

— металлическое сигнальное зеркало;

— набор сигнальных пиротехнических обозначающих средств (сигнальные ракеты, сигнальные патроны дневного и ночного действия, ручные дымовые гранаты, дымы, пирофакелы);

— легкое сигнальное полотнище типа «квадрат» (2 на 2 метра) оранжевого или желтого цвета с возможностью закрепления на грунте.

Перечень необходимого снаряжения определяется характером и родом деятельности авианаводчиков и корректировщиков спецназа и требованиями ко всем их приборам — это надежность, функциональность в любых климатических и погодных условиях, небольшие габариты и вес. Кроме того, это уникальные возможности и тактико-технические характеристики. Например, с помощью швейцарского дальномера квантового типа Leica Vector IV можно определять не только дальности до ориентиров и целей, но и азимуты магнитные до этих же объектов. А дальше, при необходимости работы с артиллерией, ввести поправку — и вот вам, пожалуйста, дирекционный угол по цели. Последние модели этого дальномера эффективно работают в ночных условиях и сопрягаются с навигатором типа GPS, что позволяет после снятия полярных координат (дальности и азимута магнитного по цели) оперативно с экрана GPS считывать географические или прямоугольные координаты це-

ли. Сравнительно удобен и надежен и отечественный дальномер ЛПР-1М (подходящий для спецназовцев еще со времен войны в Афганистане благодаря компактности и небольшому весу — не более 5 кг в боевом положении).

Остальные отечественные приборы весьма массивны и громоздки. Например, масса дальномера ДС-1М-1 в рабочем положении — 34 кг, а в походном — 65 кг. Столь же неподъемен в горы и дальномер артиллерийский квантовый ДАК-2М, его масса в боевом положении — 34 кг, а в походном — 42 кг. Примерно такие же габариты и весовые характеристики, как у ДАК-2М, и у лазерного целеуказателя — дальномера подсвета наземных целей для ударов авиации — 1Д-22 (ЛЦД-2), который по названным выше причинам не может быть взят на вооружение авианаводчиками спецназа. Почему-то у иностранного спецназа давно на вооружении компактные и легкие лазерные целеуказатели — дальномеры подсвета наземных целей для ударов авиации, а наш ВПК выпускает пока что тяжелые аналогичные приборы, не подходящие по всем статьям для спецназа. Средства связи с авиацией иностранного производства также весят практически ничего — от 345 граммов до 1,1 кг, а отечественные радиостанции в десятки раз больше.

Ноутбук авианаводчика с метеорологическим спутниковым обеспечением позволяет оперативно оценивать метеорологическую обстановку по району заинтересованности с помощью российских метеорологических спутников. Отечественный десантный метеорологический комплект ДМК весит все 24 кг, а метеорологический прибор «Кестлер-4000» — всего 102 грамма, последний представляет собой компактный прибор не больше телевизионного пульта, а функции практически те же самые, что измеряет ДМК (за исключением направления ветра). Не одно десятилетие надежно служит авианаводчикам спецназовцев 26-мм сигнальный пистолет СП-81 (или СПШ-44), позволяя эффективно обозначать посадочные площадки для вертолетов эвакуации. Интересные решения для обозначения посадочной площадки экипажу вертолета представлены американскими сигнальными фонарями авианавод-

чика фирмы INOVA со съемными конусами-объективами разных цветов. А набор сигнальных переломных свечей-огней фирмы PARAT полностью соответствует специфике работы групп спецназа. Ими легко и очень быстро можно обозначить периметр посадочной площадки для вертолета эвакуации.

ДРУГИЕ «ПОДВОДНЫЕ КАМНИ» НА ПУТИ ПОДГОТОВКИ

Боевая подготовка сегодня проводится по указанию финансистов, то есть реально решаются не те вопросы, которые жизненно необходимы спецназовцам, а те, которые доступны по деньгам! Приняты также изменения и поправки, существенно усложняющие организацию и проведение подобных межведомственных сборов между спецназом, авиацией и артиллерией — различными обоснованиями необходимости данных сборов на самом высоком уровне, запросами котировок цен на услуги летчиков и артиллеристов и, наконец, заключением государственных контрактов с военными учебными заведениями ВВС и РВ и А. Эти документы, принятые на самом верху, сильно усложнили подготовку всех квалифицированных специалистов для спецназа, приобретение вооружения, снаряжения, обмундирования для нужд военнослужащих.

Таким образом, теперь для закупки снаряжения и экипировки ПАНам и КАО групп спецназа необходимо проводить различные мероприятия, ограниченные по срокам: запросы котировок цен, различные тендеры и т.д., и т.п. Например, спецназовцам требуется для авианаводчиков закупить хорошие дальномеры типа Leica Vector IV. Как положено по закону, проводится тендер с определением всех требуемых показателей к будущему товару. Но после этого тендера побеждает не дальномер Leica Vector IV, а какой-нибудь кустарной фабрики «Кузнечик» дальномер-шагомер мобильный «Эврика», так как последний дешевле. **В результате проведения тендеров на оснащение спецназа идет не все самое лучшее, а все самое дешевое и соответственно — самое дерьмовое!**

Кроме того, так называемые рейдеры добрались уже и до объектов ВПК, составляющих стратегический щит страны, захватывая и разграбляя уникальные военные заводы и предприятия. О какой конкуренции наших предприятий с западными производителями в таких условиях может идти речь? Почему бы власти не провести показательное наказание этих рейдеров, уничтожающих обороноспособность нашей Родины, причем в самой жесткой (а может, в жестокой?) форме. Тогда у нас в скором будущем и появятся отечественные лазерные дальномеры, не уступающие ни в чем тем же Leica Vector IV, и легкие отечественные лазерные целеуказатели — дальномеры подсвета наземных целей для ударов авиации, и многое другое необходимое снаряжение.

Андрей КИРИЛЛОВ

АРТИЛЛЕРИЯ

РУБЕЖ БЕЗОПАСНОСТИ «ПРИЖИМАНИЕ» К РАЗРЫВАМ СВОИХ СНАРЯДОВ КАК ТАКТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ПЕХОТЫ

Здесь необходимо сделать небольшое пояснение, чтобы читатель правильно понял суть последующей дискуссии, которая развернется перед его глазами. В журнале «Солдат удачи» на протяжении ряда лет велись аргументированные споры авторов по самым разным аспектам боевого опыта, каждый отстаивал свою точку зрения. Как раз данный материал А. Маркина «Рубеж безопасности» вызвал большой резонанс и явился «отправной точкой» в одной из таких дискуссий, в которую включились ветераны локальных войн. Так что следующие за статьей А. Маркина публикации, которые вы будете читать далее, являются продолжением темы, поднятой автором (все материалы приведены в хронологическом порядке по ходу дискуссии).

* * *

«Для согласованных действий мотострелковых... а также артиллерийских подразделений, ведущих огонь с закрытых огневых позиций, назначается рубеж безопасного удаления от разрывов своих снарядов и мин (гранат). Безопасное удаление

для мотострелковых подразделений, атакующих в пешем порядке, — 400 м».

«В том случае, когда перед мотострелковым взводом танки не действуют, взвод атакует противника вслед за разрывом снарядов (мин, гранат) своей артиллерии на безопасном удалении от них».

Из п.п. 182, 207 Боевого устава по подготовке и ведению общевойскового боя (2005 г.)

...Холодная зима 1940 года. Финская война. Ценой невероятных усилий советские войска прорывают «линию Маннергейма». Нередко этот успех связывают с введением в боевую практику нашей армии двух тактических приемов.

Первый — использование штурмовых (блокировочных) групп, которым ставились не общие задачи по захвату позиций противника, а ограниченные — по уничтожению конкретных дотов и дзотов либо по воспрепятствованию ведению огня из их амбразур (закрыванию, заваливанию последних, стрельбой в них в упор из танков). В частности, много внимания уделялось использованию прицепных бронированных «саней Соколова», в которых солдаты штурмовых групп, а также взрывчатые вещества доставлялись танками непосредственно к огненным точкам противника, либо ночному проникновению этих штурмовых групп на позиции противника с целью подрыва финских дзотов.

Второй — выведение артиллерии большого калибра (152 мм и 203 мм) на прямую наводку для разрушения укреплений противника. Обстрел дотов и дзотов артиллерией с закрытых позиций и их бомбардировка авиацией не наносили существенных повреждений финским укреплениям. Стрельба же прямой наводкой достигала этой цели, хотя была очень опасна для расчетов артиллерийских орудий, ее осуществлявших. Орудия, стрелявшие прямой наводкой, неизбежно обнаруживались противником и становились мишенью для артиллерии финнов. Для применения этого приема требовалось постоянно обманывать врага, скрывать выдвижение и местонахождение орудий.

Вольно или невольно внимание, уделяемое этим двум приемам, заслоняет другие тактические наработки и выводы финской войны. Действительно, бронированные сани, прицепляемые к танку, и 203-мм орудия на прямой наводке — достаточно яркие решения, использованные в ту войну. Отнюдь не умаляя их значения, нужно все-таки признать, что не только они сделали возможным прорыв «линии Маннергейма». Целесообразность использования этих приемов стала понятна еще в декабре 1939-го, задолго до успешного штурма «линии Маннергейма» 11 февраля 1940 года. Однако, несмотря на их использование, ряд наших атак на многих участках оборонительной полосы финнов захлебнулся, в том числе и атаки, осуществленные 11 февраля 1940 года.

Здесь необходимо обратить внимание на один фактор, оказавший существенное влияние на успех прорыва «линии Маннергейма». На будущем участке первоначального прорыва 1 февраля 1940 года 7-я стрелковая рота 245-го стрелкового полка атаковала позиции финнов, находившиеся на высоте 65,5. Подходя к траншеям, идущим по гребню высоты 65,5, она попала под фланговый огонь, залегла и дальше продвинуться не смогла. С наступлением темноты рота была оттянута на южные скаты высоты, где и окопалась. В дальнейшем при использовании выдвижения 7-й роты здесь был оборудован исходный рубеж для атаки, передовые траншеи расположились на расстоянии 60 метров от надолбов противника, а второй эшелон полка был соединен ходами сообщения с исходным рубежом для атаки.

Ходы сообщения к исходному рубежу длиной до 500 метров были сделаны из снега и созданы для ходьбы пригнувшись. Позиции же второго эшелона находились приблизительно на расстоянии 600 метров южнее высоты 65,5. (Именно на таком расстоянии располагалась исходная позиция для наступления 7-й роты 1 февраля 1940 года.)

Таким образом, ко дню штурма «линии Маннергейма» 11 февраля 1940 года исходное положение передовых подразделений 245-го стрелкового полка было в 150—200 метрах от переднего края противника.

В день штурма после прохода поддерживающих танков и переноса артиллерийского огня на 200—250 метров в глубь обороны противника пехота 245-го стрелкового полка одним броском преодолела отделявшее ее от противника пространство и захватила позиции на высоте 65,5. Огонь, который вел противник во время броска пехоты, характеризовался как «неорганизованный». С этого и начался успешный прорыв «линии Маннергейма».

Как видно, успех обеспечила «классическая» пехотная тактика — бросок к окопам сразу после переноса огня артиллерии в глубь обороны противника. Ничего необычного.

У соседа слева, 255-го стрелкового полка той же 123-й стрелковой дивизии, атака поначалу складывалась неудачно. В период подготовки к штурму оборонительных позиций финнов одновременно с 7-й ротой 245-го стрелкового полка, 1 февраля одна из рот 255-го стрелкового полка атаковала в своем секторе позиции противника, располагавшиеся на высоте «Язык». Рота достигла противотанкового рва, что на южном скате высоты «Язык», где была остановлена организованным огнем противника. На этом рубеже рота окопалась. В дальнейшем 255-й полк оборудовал здесь свои исходные позиции, а также сделал траншеи ко второму эшелону полка. Однако исходное положение для атаки 255-го стрелкового полка было в 200—300 метрах от переднего края, то есть несколько дальше, чем у 245-го полка. 255-й стрелковый полк начал атаку одновременно с 245-м. Большая удаленность исходного рубежа для атаки от переднего края неприятеля потребовала и большего времени на преодоление этого расстояния в день атаки. Именно поэтому противник успел встретить атаку полка более организованным огнем. Наступление было остановлено финнами.

Конечно, столь незначительная разница в удалении исходного рубежа для атаки (50—100 метров) в других условиях, возможно, и не имела бы существенного значения. Но в условиях зимы, когда наступление осуществлялось по снегу, по из-

рытому воронками от многодневных обстрелов полю, эти 50—100 метров значительно изменяли время, необходимое для осуществления броска пехоты до окопов противника.

Таким образом, действуя на одном участке местности, в равной степени используя огонь прямой наводкой для разрушения укреплений противника и штурмовые (блокировочные) группы, подразделения одной дивизии имели разные результаты. Отличалось только время, которое нужно было затратить пехоте соответствующих подразделений на преодоление расстояния до окопов противника после переноса артиллерийского огня в глубь его обороны. Чем меньше это время, тем выше шансы на успех атаки. Если это время значительно, то вероятность успеха резко уменьшается.

Это на первый взгляд очевидное правило на самом деле вызывает вопросы. Разве во время артподготовки артиллерия не «зарывает» окопы противника, не засыпает его блиндажи и подбрустверные ниши, не разрушает укрепленные огневые точки, оставляя атакующей пехоте добить редких «счастливчиков» из числа переживших артобстрел? Какая разница, потребуется ли атакующей пехоте для достижения переднего края противника одна минута, пять или десять? Убитые солдаты противника за это время не оживут. Разрушенные окопы и огневые точки не будут восстановлены, резервы за это время подвести сложно. Однако разница есть.

Только при сверхбольших концентрациях огня артиллерии на узких участках обороны противника, не имеющих хорошо заглубленных или сильно укрепленных укрытий, возможно достижение эффекта практически полного уничтожения обороняющихся подразделений исключительно артиллерийским огнем. В основном же артиллерия лишь подавляет позиции противника, то есть мешает ему вести огонь, пока идет обстрел. Сколько-либо результативно стрелять, когда вокруг тебя рвутся снаряды, практически невозможно. Во время артобстрела не только пехота загоняется в убежища, но и «ослепляются» артиллерийские наблюдатели и экипажи танков.

Однако после переноса огня в глубь обороны или прекращения артобстрела противник, переждав обстрел в убежищах, вновь занимает позиции и обычно может вести огонь почти той же интенсивности, что и до артиллерийской подготовки.

Впечатление всеразрушающей силы, оставляющей после себя лишь лунный пейзаж, производимое артподготовкой, очень обманчиво.

После переноса огня артиллерии в глубь обороны или его прекращения начинается своеобразная гонка между атакующими и обороняющимися — кто окажется быстрее: либо обороняющиеся успеют вновь занять свои позиции и встретят атакующих лавиной огня, либо основная масса наступающих достигнет атакуемых позиций и расправится с выбегающим из убежищ противником. Чем ближе пехота во время артобстрела сможет подойти к атакуемым окопам, тем выше шансы выиграть эту гонку.

Попробуем сформулировать общее правило: ***артиллерийская подготовка должна проводиться таким образом, чтобы к моменту ее окончания наступающая пехота могла сблизиться с атакуемыми окопами на расстояние, которое после окончания артиллерийской подготовки она преодолеет раньше, чем обороняющийся, переждавший обстрел в укрытиях противник откроет эффективный огонь по атакующим.***

Нужно констатировать, что сплошь и рядом артподготовка проводится в нарушение этого правила. Пехота не только не пытается сблизиться с позициями противника во время артподготовки, наоборот, ее специально отводят назад, подальше от обстреливаемых мест. Главная цель такого отвода — избежать опасности поражения осколками своих же снарядов и мин.

Действительно, существует дистанция, ближе которой приближаться к обстреливаемым позициям нельзя. В самом упрощенном виде главными факторами, определяющими эту дистанцию являются: а) зона разлета убойных осколков от разрыва используемого боеприпаса; б) зона рассеивания снарядов при стрельбе конкретным орудием на определенной дальности; в) сострел ору-

дий в батарее. При сложении этих и некоторых других факторов действительно можно выйти на дальности безопасного удаления не только в 400, но и в 600, и даже 800 метров.

Удаление пехоты от разрывов собственных снарядов на такие дальности зачастую делает артиллерийскую подготовку бесполезной и гарантированно обеспечивает срыв атаки или чрезвычайно высокие потери при ее осуществлении. Даже 400 метров по пересеченной местности — это большая дистанция для тяжело нагруженного пехотинца. На ее преодоление затрачивается слишком много времени, достаточного для того, чтобы противник успел опомниться от обстрела, понять, что огонь перенесен вглубь, занять свои позиции и встретить атакующих шквальным огнем.

Здесь следует привести несколько выдержек из боевых документов, касающихся удаления атакующей пехоты от разрывов своих снарядов.

Из указаний командующего войсками Волховского фронта по прорыву укрепленной полосы противника (январь 1943 г.):

«Во время нашей артиллерийской обработки до начала атаки противник сохраняет живую силу в убежищах и траншеях... С переносом нашего артогня в глубину пехота выходит из убежища и в случае задержки в броске нашей пехоты и штурмовых отрядов успевает открывать огонь по [наступающей]... пехоте. Потеря времени нашей атакующей пехотой была неоднократно причиной безуспешных атак и штурмов.

...Действия артиллерии... преследуют одну цель: ...чтобы пехота могла, прижимаясь к своему артиллерийскому огню, овладеть передним краем противника и расчистить препятствия до того, как он сможет вновь организовать огневой отпор.

С момента начала последнего огневого налета артиллерии по переднему краю противника (первый огневой рубеж артиллерии) пехота... начинает наступление и стремится быстро подойти на 150—200 м к артиллерийской огневой завесе».

Из указаний командующего 11-й гвардейской армией по подготовке и действиям штурмовых батальонов (декабрь 1944 г.):

*«...В период артиллерийской подготовки она [пехота] выводится на рубеж атаки, удаленный от противника на **200 м**, с расчетом занятия его за 10—15 минут до начала атаки.*

*Батальонные минометы до подхода пехоты на **100 м** к переднему краю противника ведут огонь по первой траншее...»*

Из инструкции штаба 67-й армии по технике и организации прорыва укрепленной полосы противника стрелковой ротой (апрель 1944 г.):

«5. Техника наступления на сильно укрепленную полосу противника стрелковой роты.

*...Прижимаясь к линии разрывов нашего артминогня (**150—200 м**), ротная цепь... преодолевает полосу заграждения и броском овладевает первой траншеей противника.*

*...Под огнем [минометов] атакующая пехота может подойти к убежищам противника на дистанцию до **50 м**».*

В «Выводах по атаке [«линии Маннергейма»] 11 февраля» указано, что пехота вплотную прижималась к огневому валу и двигалась за ним на удалении **150—200 м**, а некоторые подразделения находились в **75—100 м** от него. Там же отмечалось, что пехоту следует учить «плотнее прижиматься к сопровождающему ее огневому валу, с тем чтобы, не дав противнику опомниться и вылезти из убежищ [после переноса огневого вала в глубь обороны], ворваться в его траншеи, ДОТ и ДЗОТ». Разрыв между переносом артиллерийского огня и атакой пехоты, длившийся 20—30 минут при первоначальных попытках прорыва «линии Маннергейма», приводил к тому, что с переносом огня вглубь финны успевали занять передовые позиции и встретить атакующих огнем.

Итог: не только вывод 203-мм орудий на прямую наводку и прицепные «сани Соколова» взломали «линию Маннергейма», но и подвод пехоты на кратчайшее расстояние к позициям противника, с тем чтобы она сразу после переноса артогня в глубь оборо-

ны финнов одним броском достигла их окопов, до того как финны смогут открыть организованный огонь по атакующим.

Можно констатировать, что в реальных боевых действиях пехоте приходилось приближаться к разрывам своих снарядов куда ближе, чем на 400 метров. Риск получить осколок при «прижимании» к разрывам своих снарядов намного меньше, чем риск получить пулю, если этого не делать. Поэтому положения Боевого устава о назначении рубежа безопасного удаления от разрывов своих снарядов и мин в 400 метрах нужно, как написано во введении к нему, «применять творчески, сообразуясь с обстановкой». Обстановка же навряд ли позволит следовать этому предписанию — нужна слишком удобная местность и не очень подготовленный к обороне противник, чтобы атакующие могли позволить себе прекратить сближение с ним на расстоянии 400 метров. Разумеется, «прижимание к разрывам своих снарядов» может быть парировано противником. Например, обороняющиеся могут поставить заградительный огонь и не дать атакующей пехоте возможности сближаться. Однако то же можно сказать по отношению к любому тактическому приему — вариант контрмер найдется всегда.

Можно поставить вопрос: имеет ли изложенный выше опыт какое-либо отношение к современной «малой» войне? Не является ли прием «прижимания» к разрывам своих снарядов пережитком «старых» войн? Разве можно сейчас найти опоясанную траншеями линию фронта? Ну и пусть артиллерия не уничтожит всех в окопах, но ведь ущерб противнику будет нанесен, его позиции «смягчены». Пехота же сама справится с задачей по прикрытию сближения с противником своим огнем. В конечном счете, а для чего введено разделение на уровне мотострелковых отделений на огневые и маневренные группы?

Несмотря на отсутствие сплошной линии фронта, опоясанной траншеями, пехоте периодически приходится атаковать противника через открытое пространство. Именно в таких ситуациях можно и нужно пользоваться приемом «прижимания к разрывам своих снарядов». Возможности огня артиллерии и огня пехоты по

подавлению противника несопоставимы. Стена разрывов артиллерийских снарядов может обеспечить полную невозможность противнику вести огонь по приближающейся к нему пехоте. Собственный огонь пехоты достигает такого же эффекта и тем более поддерживает его сколько-нибудь значимое время с большим трудом. Неиспользование «прижимания» к разрывам своих снарядов означает отказ при решении задачи на подавление огня противника от более мощного и эффективного оружия в пользу менее мощного, своего рода саморазоружение. А возрастание калибров, используемых при артподготовке, и возможность в связи с этим «зацепить» свои войска — это лишь отговорка, скрывающая неумение применять вверенное оружие. Соответствующий технический «недостаток» вполне может быть компенсирован тактикой применения.

Здесь следует, не претендуя на составление исчерпывающего и универсального перечня, перечислить те способы, которые можно использовать для сокращения дистанции безопасного удаления от разрывов собственных снарядов и тем самым для приближения атакующей пехоты к окопам противника во время артобстрела.

1. Ведение артподготовки фланговым огнем. Как известно, рассеивание снарядов по дальности больше, чем боковое рассеивание. Площадь рассеивания имеет форму эллипса, вытянутого в направлении стрельбы. Поэтому при фланговом огне с точки зрения пехотинца, осуществляющего фронтальную атаку, рассеивание снарядов существенно уменьшается.

2. Переход к концу артподготовки на обстрел артиллерией меньшего калибра. Вариант: разрывы артиллерии крупного калибра переносятся в глубь обороны противника раньше, чем разрывы артиллерии меньших калибров. С уменьшением калибра уменьшается количество взрывчатого вещества в снаряде, соответственно радиус разлета убойных осколков становится меньше, а вместе с ним и дистанция безопасного удаления от разрывов своих снарядов. Следует, однако, помнить, что разлет осколков сильно зависит от угла падения снаряда. При вертикальном падении осколки разлетаются равномерно по кругу. При небольшом

угле падения, когда снаряд входит в землю как бы лежа, осколки летят в основном в стороны от боковых стенок снаряда, меньше осколков летит вперед и еще меньше — назад. Может получиться так, что глубина ближней части зоны действительного поражения осколками (считая точки разрыва в направлении на выстрелившее орудие) у снаряда калибра 152 мм может быть меньше (порядка 7—10 м), чем у 82-мм мины (18 м). При решении вопроса о целесообразности/нецелесообразности уменьшения калибра для сокращения дистанции до окопов противника необходимо также проанализировать, не приведет ли уменьшение калибра к такому снижению степени подавленности обороны противника, что возможным станет эффективный огонь огневых средств обороняющихся по сближающейся пехоте.

Похожий способ — замена артогня на отдельных участках атакуемых траншей противника огнем из станковых пулеметов (пулеметов БМП или БТР), стреляющих фланговым огнем.

3. Переход к концу артподготовки на обстрел снарядами с установкой взрывателя на фугасное действие, если ранее огонь велся с установкой на осколочное действие. Снаряд с установкой на фугасное действие успевает заглубиться в землю, и значительная часть осколков выбрасывается вверх, а не в стороны. Это редко применимый способ, так как укрепления противника сразу начинают обстреливать с установкой взрывателя на фугасное действие.

4. Незначительный сдвиг центра рассеивания снарядов в глубь обороны противника перед концом артподготовки. Обычный перенос огня вглубь на 200 и более метров будет гарантированно замечен противником, а незначительный сдвиг примерно на 50 метров — навряд ли. Зато на величину этого сдвига рубеж безопасного удаления от разрывов снарядов своей артиллерии приблизится к окопам противника. Следовательно, пехота сможет еще ближе подойти к атакуемым укреплениям во время артподготовки. Если ввести столь незначительную поправку в установку прицела орудия нельзя (например, деления

прицела соответствуют 100 м на местности), то немного повышают точку наводки орудия.

5. Частичное прекращение огня или его перенос наиболее удаленными батареями, если в артподготовке участвуют батареи, расположенные на значимо разных дальностях от обстреливаемых позиций. С увеличением дальности растет и зона рассеивания снарядов, поэтому эллипсы рассеивания от более удаленных орудий имеют большую площадь.

Наиболее существенно рассеивание снарядов уменьшается, если завершают артподготовку орудия, выведенные на прямую наводку.

6. Сближение пехоты с обстреливаемыми позициями противника за танками, БМП, БТР. Бронетехника прикрывает пехоту от летящих в ее сторону осколков и позволяет подойти ближе к разрывам своих снарядов. При использовании такого способа сближения следует обеспечить максимально возможную одновременность переноса огня артиллерии в глубь обороны противника и бросок пехоты из-за бронемашин к окопам противника. При четкой синхронизации переноса артогня и высадки солдат из БМП и БТР для осуществления ими броска до позиций противника, сближение можно осуществлять и в бронемашинах. С учетом насыщенности современного поля боя противотанковыми средствами малейшие задержки в осуществлении броска пехоты при использовании каждого из указанных способов повлекут быстрое уничтожение бронетехники противником. Здесь следует напомнить, что предусмотренные в уставах атаки на БМП (БТР) без спешивания имеют шансы на успех, если все время в течение сближения с противником атакуемые позиции обстреливаются артиллерией, а во время переезда через оборонительные позиции противника поверх бронетехники имеется «зонтик» из разрывов снарядов с готовыми убийными элементами. В этом случае противотанковые средства противника имеют мало шансов быть использованными.

Во время финской войны были попытки использовать бронированные щитки, поставленные на лыжи, для приближения к финским окопам. Ничто не мешает и сейчас применять что-то

подобное в зимних условиях для сближения с противником во время артобстрела его позиций. Разумеется, это можно рекомендовать только при условии немедленного броска пехоты из-за щитков к атакуемым окопам сразу после переноса артогня в глубь вражеской обороны.

7. В условиях позиционного противостояния дистанция сокращалась путем максимального сближения своих окопов с окопами противника. Такое медленное, но планомерное сближение осуществлялось либо путем выкапывания ходов сообщения от своих окопов по направлению к противнику, не выходя на поверхность, либо прокапыванием пехотой ходов сообщения назад к своим позициям после осуществления ею внезапного броска вперед на заранее определенное расстояние.

8. Наконец, можно использовать метод «непростреливаемого коридора». Он заключается в том, что в завесе артиллерийского огня оставляются достаточно узкие необстреливаемые участки, по которым пехота может сближаться с противником и даже достигать его окопов. Вариант: за некоторое время до общего переноса артогня вглубь огонь с заранее определенного узкого участка переносится на другие участки, что также образует «непростреливаемый коридор». Следует отметить, что другие способы, указанные выше, также могут применяться не на всем фронте обстрела, а лишь на заранее определенных сравнительно узких участках, где атакующая пехота сосредотачивает свои основные усилия.

9. Как известно, дистанции действительного поражения пехоты осколками снарядов при нахождении в рост и лежа отличаются. Поэтому при приближении к разрывам снарядов пехоте в некоторых случаях можно перейти на передвижение переползанием для еще большего приближения к позициям противника.

С учетом изложенного выше следует признать, что при назначении рубежа безопасного удаления пехоты от разрывов своих снарядов не следует механически использовать постоянную величину в 400 метров, зафиксированную в Боевом уставе, а нужно, насколько позволяют условия, сокращать эту дистанцию.

Андрей МАРКИН

РУБЕЖ МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Категорически не согласен с рядом утверждений А. Маркина («Рубеж безопасности»). Его теоретические измышления могут быть вредны и опасны, если перенести их в реальную боевую обстановку. Сокращение рубежа безопасного удаления может повлечь за собой увечья и гибель наших военнослужащих.

ЭТО — НЕ «ШАБЛОН», ЭТО НАПИСАНО КРОВЬЮ!

Теперь, спустя годы, с большой благодарностью вспоминаю наших преподавателей воздушно-десантного факультета Коломенского высшего артиллерийского командного училища, которые с самого начала внушали нам — будущим офицерам, что необходимо неукоснительно выполнять требования всех инструкций, руководств, уставов, наставлений, потому что каждая строчка этих документов **«написана кровью, и отступление от правил, хоть на шаг, грозит гибелью или тюрьмой...»**.

*«При назначении рубежа безопасного удаления (далее — РБУ) пехоты от разрывов своих снарядов не следует механически использовать **постоянную величину в 400 метров**, зафиксированную в Боевом уставе, а нужно, **насколько позволяют условия, сокращать эту дистанцию**»,* — пишет автор вышеупомянутого материала Андрей Маркин (выделено мною. — А.К.). Откуда эти измышления? Может быть, автор использовал свой опыт боевых действий в Республике Дагестан или Чечне? Или он присутствовал на научно-практической конференции с боевой стрельбой ракетных войск и артиллерии по проблематике уменьшения величины РБУ при стрельбе в непосредственной близости от своих войск?

С точки зрения офицера подразделения специального назначения — да, лучше отказаться от вызова огня артиллерии, чем подвергнуть личный состав группы риску быть накрытым

ею же! Глупые эксперименты с уменьшением РБУ в реальной боевой обстановке могут закончиться весьма плачевно. Есть руководящие документы, определяющие четкий порядок действий офицера-артиллериста, и это нужно представлять себе очень четко. Отступать от них можно лишь в крайних, критических случаях боевой обстановки (при вызове огня артиллерии «на себя»).

Ничего общего с шаблоном здесь нет, так как *величина РБУ определена рядом ошибок и погрешностей, которые обязательно предшествуют открытию огня артиллерии и сопровождают его*. В процессе пристрелки эти ошибки исправляются корректирами дальности и направления, и разрыв постепенно подводится к цели. После завершения пристрелки дается команда на поражение цели всем артиллерийским подразделением (батарея, дивизион и т.д.).

Для общевойскового командира РБУ — постоянная величина (400 м — для пехоты, 300 м — для БТР (БМП), 200 м — для танков), а для офицера-артиллериста эта величина отнюдь не является постоянной, и зависеть она будет от многих факторов. Ведь РБУ (L6) рассчитывается в строгом соответствии со статьями Правил стрельбы и управления огнем артиллерии и зависит от характеристики точности определения установок для стрельбы по дальности Ед, максимального радиуса разлета убойных осколков и рассеивания снарядов по дальности Вд (приведено в таблицах стрельбы для используемой артиллерийской системы). Характеристики точности определения установок для стрельбы по дальности Ед будут зависеть от способов определения установок для стрельбы: полная подготовка, сокращенная подготовка (при двух отступлениях от условий полной подготовки), сокращенная подготовка (при приближенном учете условий стрельбы) и глазомерная подготовка. Кроме того, РБУ будет зависеть от способов пристрелки цели, от дальности стрельбы, от рельефа местности, от высоты наблюдательного пункта (наших войск) относительно высоты цели.

А ЕСЛИ ТАКАЯ «ОТГОВОРКА» — ДА ПО ГОЛОВЕ?

Рассмотрим, как будет изменяться РБУ в зависимости от вышеприведенных условий.

РБУ для открытой пехоты (группы специального назначения) с пристрелкой по наблюдению знаков разрывов (далее — НЗР) составит 400 метров, без пристрелки по НЗР при дальности стрельбы до 10 километров — уже 500 метров, а при дальности стрельбы более 10 километров — 700 метров.

В горных условиях, когда наши войска находятся ниже уровня цели, РБУ без пристрелки по НЗР будет соответственно 375 метров (при дальности стрельбы до 10 км) и 525 метров (при дальности стрельбы более 10 км); когда наши войска выше уровня цели — 1000 метров и 1400 метров соответственно. А РБУ при стрельбе реактивной артиллерии будет отличаться кардинальным образом: для обычного калибра — не ближе 1000 метров, для крупного калибра — не ближе 2000 метров.

Особенно эти величины актуальны сегодня для групп специального назначения, которые с помощью артиллерийских корректировщиков вызывают огонь «бога войны» по обнаруженным бандформированиям и их базам. Перед вызовом огня следует постоянно определять (уточнять через пункт управления огнем) **рубеж безопасного удаления** группы от разрывов своих снарядов.

(Все эти данные для наглядности приводятся здесь в таблицах).

БЕЗОПАСНОЕ УДАЛЕНИЕ ОТ РАЗРЫВА СВОИХ СНАРЯДОВ

С пристрелкой НЗР	РБУ, м
Открытая пехота (ГСпН)	400
БТР (БМП)	300
Танки	200

БЕЗОПАСНОЕ УДАЛЕНИЕ ОТ РАЗРЫВА СВОИХ СНАРЯДОВ

Без пристрелки НЗР	РБУ, м	
	Д стрельбы до 10 км	Д стрельбы более 10 км
Открытая пехота (ГСпН)	500	700
БТР (БМП)	300	500
Танки	300	500

БЕЗОПАСНОЕ УДАЛЕНИЕ ОТ РАЗРЫВА СВОИХ СНАРЯДОВ В ГОРАХ

В горных условиях	РБУ, м
Наши войска ниже уровня цели	РБУ уменьшают на 25%
Наши войска выше уровня цели	РБУ увеличивают в 1,5—2 раза

А. Маркин пишет: «При сложении этих и некоторых других факторов действительно можно выйти на дальности безопасного удаления не только в 400, но и в 600, и даже 800 метров». Видимо, не очень ясно представляя себе, что в ином случае, если отступить от вышеперечисленных правил, **может последовать удар по своим войскам**, автор упорствует в своей статье: «Возможность «зацепить» свои войска — это лишь отговорка, скрывающая неумение применять вверенное оружие».

Да уж, «отговорка»... Если по голове — мало не покажется...

«ВСЕ БАТАЛЬОН ДО ПОСЛЕДНЕГО ЧЕЛОВЕКА ПОГИБ...»

Даже история той же советско-финской войны, на которую ссылается в своей статье А. Маркин, опровергает его доводы.

Так, **28 февраля 1940 года советская артиллерия нанесла ошибочный удар по своим войскам** (Э. Энгл, Л. Паананен. Советско-финская война. Прорыв «линии Маннергейма». М.: Центрополиграф, 2006, с. 197). Цитируем отрывок из книги: «...Два дня спустя на Карельском перешейке финны стали свидетелями трагедии русских. Противник провел массированную артиллерийскую подготовку, и финны ожидали неминуемой атаки. Но ее не последовало. Впоследствии один из офицеров так описывал то, что произошло: «...Два акра земли были буквально усеяны лежащими бок о бок **телами 400 человек** (здесь и далее выделено мною. — А.К.). У многих в руках были куски хлеба, свидетельствующие о том, что люди погибли во время приема пищи. Теперь стало ясно, что в ночь на 28 февраля огонь артиллерии противника был сосредоточен на 1 километр ближе и пришелся не по финским позициям, а накрыл свой батальон, недавно прибывший на фронт. **Войска находились всего в 200**

*метрах от финских позиций и готовились начать окружение, но во время двухчасовой артиллерийской подготовки **весь батальон до последнего человека погиб**. На своем месте был даже обнаружен артиллерийский наблюдатель, сжимавший в руках карту и телефонную трубку...»*

Согласитесь, картина страшная. Добавить нечего.

А. Маркин, обосновывая довод о сокращении РБУ, в частности, пишет: «...После переноса огня в глубь обороны или прекращения артобстрела противник, переждав обстрел в убежищах, вновь занимает позиции и обычно может вести огонь почти той же интенсивности, что и до артподготовки».

В ответ на это приведу факт из истории той же советско-финской войны, о которой говорит автор. Он не упоминает о тактическом приеме под названием **«ложный перенос огня»**, который потребовал практиковать командующий войсками Северо-Западного фронта Тимошенко С.К. в феврале 1940 года. Было принято решение **по-новому проводить артиллерийскую подготовку**. Как раз по той причине, что противник привык определять ее окончание и успевал занимать позиции для отражения атак. Наши отреагировали на это по-умному, начав «поддавливать» противника. Суть в том, что после артподготовки артиллерия искусственно создавала задержку, после чего вторично накрывала огнем пехоту финнов. **Рекомендовалось делать два-три ложных переноса огня**. На мой взгляд, это наиболее удачный боевой тактический элемент применения артиллерии за период советско-финской войны.

ЩИТ НА КОЛЕСИКИ — И КОПЬЕ В РУКИ

Пойдем дальше. Говоря о способах сближения пехоты с обстреливаемыми позициями противника, А. Маркин, в частности, пишет: «Во время финской войны были попытки использовать бронированные щитки, поставленные на лыжи, для приближения к финским окопам. Ничто не мешает и сейчас применить что-то подобное в зимних условиях для сближения с противником во время артобстрела его позиций...»

Ему стоило бы лично «обкатать» в боевой обстановке эту «рацуху» — например, в августовских боях 1999 года в Дагестане за гору Алиленд («Ослиное ухо») при штурме хорошо оборудованных укреплений боевиков, возглавив «экспериментальную штурмовую группу». Учитывая летний период, поставить, может быть, щитки на колесики? А в штурмовую группу стоило бы включить и ряд депутатов и чиновников, принявших 122-й закон о монетизации льгот, дабы дать им на собственной шкуре почувствовать тяготы и лишения военной службы.

Теперь, как говорится, расставим точки над «і». Во время финской войны эти щитки не пользовались популярностью у красноармейцев, и они не способствовали успеху атаки, постоянно цепляясь за надолбы и проволочные заграждения. Укрепления «линии Маннергейма» имели в среднем 30 рядов проволочных заграждений каждое, надолбы — до 12 рядов, 350 сооружений были железобетонными, а 2400 — дерево-земляными. Надеясь на защиту броневых щитков, подпираемых лыжами, красноармейцы несли большие потери. Добавим полутораметровый снег, 40-градусный мороз. Многочисленные лобовые атаки проводились буквально по трупам боевых товарищей.

Из журнала боевых действий 245-го стрелкового полка 123-й стрелковой дивизии (РГВА, фонд 34980, опись 12, документ 410):

«1.2.1940 г. Поставлена задача усиленной ротой перерезать траншею между дот № 006 и 008.

13.00. Началось наступление 7-й ср (стрелковой роты. — А. К.) с приданным пульвзводом пульроты и взводом разведчиков из 8-й ср.

19.00. Рота медленно продвигается вперед, прикрываясь бронещитками. Часть бронещитков поломана, часть застряла в надолбах и проволоке (выделено мною. — А.К.). Противник периодически ведет минометный и пулеметный огонь по наступающей 7-й ср.

22.00. Рота подошла частью своих сил к траншеям противника на расстояние 60—100 метров. Противник открыл фланговый огонь справа от дот № 008 и слева от дот № 006.

Пехота залегла и продвинуться дальше не смогла».

Для чеченских боевиков такие щитки послужили бы хорошей мишенью, особенно если бы штурмовая группа стала преодолевать с ними минно-взрывные заграждения. Да и для надежной защиты от пулеметов и снайперского оружия такого рода щитки должны были бы весить килограммов под 20, даже с учетом применения новых облегченных технологий брони... Вопрос: с какой скоростью двигался бы боец с подобным «чудо-приспособлением» в гору, на штурм укрепленной высоты?

ПЕРЕД БРОСКОМ ВПЕРЕД — ОГОНЬ АРТИЛЛЕРИИ

Немного расширив рамки темы, затронем вопрос тактики применения артиллерии для групп специального назначения (об РБУ в этом контексте скажем чуть дальше). Она может быть различной. Вообще спецназ действует бесшумно, но везде и всегда бывают исключения.

На вероятном пути продвижения крупного бандформирования командир группы может выбрать и назначить рубежи неподвижного заградительного огня (далее — НЗО). НЗО можно прикрыть и отход группы после выполнения боевой задачи. Перед налетом на укрепленный и охраняемый объект (базу боевиков) целесообразно, блокировав его, провести артиллерийский огневой налет для поражения живой силы и огневых средств как на подступах к объекту (например, на господствующих высотах), так и на самом объекте. Затем досмотровыми группами оценить результаты налета. В случае продолжения противником сопротивления повторить огневое воздействие по нему, действуя по правилу: «если враг не сдается — его уничтожают».

Возможно развертывание группы для налета, но ему должна предшествовать инженерная разведка, в случае необходимости под прикрытием дымов и огня артиллерии. Для этого на-

до правильно рассчитать время и порядок ведения огня. **При выходе группы на РБУ огонь должен переноситься в глубину и в сторону флангов.** Правило таково: *перед броском вперед — огонь артиллерии.* В свою очередь, результаты огня должны быть немедленно использованы для продвижения вперед или маневра. Обходящие действия могут быть прикрыты *сковывающим или отвлекающим огнем артиллерии.* Для прикрытия маневра можно использовать и дымовые снаряды. Управление действиями подразделений в условиях локальных войн и внутренних конфликтов осуществляется только с использованием кодированной карты.

О ГЕРОЯХ

И последнее. Артиллеристы, которых А. Маркин упрекает в «неумении применять оружие», в сложной боевой обстановке проявили мужество и героизм, высокое мастерство. Среди тех, кто за особые отличия удостоен высокого звания Героя России, выпускники воздушно-десантного факультета Коломенского ВАКУ: командир артиллерийского полка полковник Аркадий Корольков, который в одном из боев вызвал огонь на себя, командир батареи майор Александр Силин, уничтоживший в ходе первой чеченской кампании пять танков, используемых боевиками. Герой России полковник Баатр Гидеев прошел обе чеченские кампании, участвовал во множестве сложных специальных операций, был тяжело ранен. Капитан Г., находясь в Чечне с группой специального назначения в качестве корректировщика, грамотно вызвал и двое суток (!) корректировал огонь артиллерии, в результате чего было уничтожено несколько сот (!!!) бандитов.

А командиру батареи капитану Виктору Романову звание Героя России было присвоено посмертно. Он корректировал огонь, находясь в окружении боевиков вместе с легендарной 6-й парашютно-десантной ротой, подвиг которой никогда не померкнет...

Андрей КИРИЛЛОВ

РУБЕЖ БЕЗОПАСНОСТИ. КАКИМ ОН МОЖЕТ БЫТЬ?

Прочитал статью А. Маркина «Рубеж безопасности». Она читалась живо и с интересом. Честно говоря, я не вникал в достоверность тех фактов, которые там приводились, да и не имел я доступа к архивам, чтобы это выяснять. Но статья меня зацепила и всколыхнула целый пласт воспоминаний.

Потом увидел отклик А. Кириллова «Рубеж между жизнью и смертью», увидел таблицы и заскучал. А прочитал, так на меня сразу же пахнуло прошлым, мирным временем, когда перед боевыми стрельбами, учениями нас доставали многочисленными списками по мерам безопасности, актами технической готовности, инструкциями, бесчисленными инструктажами, бирками и бирочками, ограничителями и многим, многим другим, что напрочь отбивало желание стрелять. Статья господина А. Кириллова написана добросовестно, академично, но ее содержание, упоминание различных наставлений, руководств, правил стрельбы выдает в нем штабиста, который основную свою службу прослужил в штабах разных уровней.

Так уж сложилась моя артиллерийская судьба, что за 28 «календарей» я прошел путь от солдата до подполковника, от орудийного номера до начальника артиллерии мотострелкового полка, без учебы в артиллерийском училище. Да, мне здорово не хватало этой училищной подготовки, но все это я с лихвой возмещал самоподготовкой и большим практическим, артиллерийским опытом и в 1982 году сдал экстерном экзамены в Коломенском высшем артиллерийском командном училище. Поэтому, может быть, я не так «зашорен» различными инструкциями, наставлениями и руководствами. Мое личное мнение таково: все эти наставления, руководства, правила стрельбы — это не догма, а фундамент, на котором грамотный артиллерист, исходя из сложившейся обстановки, личной подготовки и подготовки его подразделения, должен творчески применять свои

знания и умения, а также, если того требует обстановка, идти на разумный риск. Тогда ему всегда будет сопутствовать успех.

В этой связи хочу рассказать о двух моментах своей службы.

1976 год, Группа советских войск в Германии (ГСВГ), я командир второго огневого взвода 122-мм гаубиц Д-30, молодой, амбициозный прапорщик, только что выпущенный из школы прапорщиков, участвую в совместных учениях с немецкими артиллеристами на полигоне Либерозенн. По ходу учения посредники объявляют «убитыми» старших офицеров батарей у нас и у немецкой батареи рядом. Дают распоряжение — отбой, переместиться на 500 метров вперед, развернуться и открыть огонь по цели. По этой команде, согласно наставлению, я должен был произвести отбой огневой позиции, загрузить боеприпасы, имущество, свернуться в батарейную колонну, совершить марш в 300 метров, развернуться во взводные колонны, потом в линию машин и занять огневую позицию. Все батареи — наши и немецкие так и начали действовать. Я же принял другое решение: не сворачиваться в батарейную колонну, а как мы стояли на позициях, так и двигаться на новую огневую позицию. В итоге я значительно сократил время, и когда немцы и остальные наши батареи начали занимать огневую позицию, я уже произвел три выстрела и поразил цель, тем самым утер нос как немцам, так и своим офицерам, а также подтвердил в глазах немцев высокий авторитет русских артиллеристов.

Второй момент. Первая Чечня, я командир противотанковой батареи 9П148, майор. Я требовал от своих подчиненных, чтобы они искали позиции боевиков, постоянно вели разведку, наблюдение и уничтожали противника любыми способами и средствами, а не открывали огонь, когда по ним стреляли боевики, как это было во многих подразделениях. Да, тратил дорогие ракеты 9М111, 9М113, когда стрелял по одиночным боевикам. Пару раз меня вызывал командир полка, и у нас происходил примерно такой диалог:

— Товарищ майор, до меня доходят сведения, что вы своими ракетами стреляете по одиночным боевикам. А вы знаете, сколько стоит ваша ракета?

— Так точно, знаю — легковой автомобиль «Волга».

— Так вот получается, что вы автомобилем «Волга» убиваете одного человека.

— Товарищ полковник, а если этот боевик из гранатомета уничтожит наш танк. Сколько это «Волг»? Или же убьет нашего солдата: тут как оценивать жизнь — во сколько «Волг»?

...Как правило, разговор на этом прекращался, и меня выгоняли... Зато за батареей официально числилось, с записями в журнале боевых действий полка, 70 уничтоженных боевиков. Я не буду перечислять, сколько батареей было уничтожено танков, БМП, БТР, автомобилей, огневых точек и других целей. Хочу только добавить, что только в феврале 1995 года у нас в полку было уничтожено 10 наших танков, а за пять месяцев боевых действий в полку погибло 120 солдат и офицеров. С какой ценой это можно сравнить? И я думаю, что если бы все подразделения уничтожили по 70 боевиков, то второй Чечни просто не было бы...

А наставления, боевые уставы, руководства — они всегда менялись, дополнялись и будут меняться исходя из велений времени. Только за мою службу Правила стрельбы менялись несколько раз, вносились изменения в наставления и различного вида руководства. По итогам второй чеченской кампании мною было направлено в письменном виде в Генеральный штаб 19 изменений и дополнений в Боевой устав артиллерии.

Конечно, легко рассуждать, сидя в канцелярии или же на научно-практической конференции, о рубежах безопасного удаления. А когда ты сидишь в окопе или же просто в какой-то яме и тебе нужно вытаскивать наших парней, то ты о каких-то рубежах и не думаешь, а действуешь. Лишь потом, после боя, у тебя болезненно сожмется сердце и ты покроешься холодным потом, только подумав: «А если бы я ошибся? Или же ошибся наводчик, старший офицер батареи и другие?..» Хватанешь стакан коньяка и махнешь рукой. Главное, своих вытащили...

Теперь о «рубеже безопасности». Опыт афганской, первой и второй чеченских войн, где применение артиллерии носило массированный характер, к сожалению, как в Советской, так и в Рос-

сийской армии не был обобщен, изучен должным образом и внедрен в боевую подготовку. Что интересно, немногочисленные попытки привнести свой опыт в боевую учебу на занятиях и на учениях подвергались обструкции со стороны старших начальников. В нашей дивизии мы, «чеченцы», командованием воспринимались негативно. Не раз слышали от командира дивизии и от других высших начальников (которые нигде не воевали) в свой адрес суждения типа: «Вы там дальше уборных не ходили», «Только водку там хлестали да ордена себе на грудь вешали»...

В таких условиях о передаче боевого опыта не имело смысла даже и говорить.

Действия артиллерии, которой я руководил во второй чеченской войне, проходили в сложных условиях. В октябре, ноябре и декабре воевать приходилось на сильно пересеченной местности. С конца декабря и весь январь боевые действия велись в городских условиях, февраль и март — в горно-лесистой местности. Негативным во всех этих условиях являлось наличие

Смена групп корректировщиков капитана П. и капитана С. («Скрипач») в Грозном (январь 2000 года)

сплошь и рядом полей невидимости, когда не видно действий ни своих подразделений, ни боевиков. Когда зачастую приходилось принимать решение на открытие огня вслепую и с большим риском поражения своих подразделений. И о каком-либо рубеже безопасности не приходилось даже задумываться. И принимали решения, и несли за это ответственность. В этой связи вспоминается такой случай, который чуть ниже прокомментирую.

15 января 2000 года... Постепенно первая рота и разведчики без единого выстрела заняли всю территорию вплоть до стадиона. И здесь, обогнув восточную трибуну и проникнув на территорию парка, разведчики нос в нос столкнулись с большой группой боевиков. Одновременно с обеих сторон затрещали выстрелы, полетели гранаты. Боевиков было гораздо больше, и разведчики сразу же оказались в критическом положении. Если первая рота находилась вся на виду и в 200—250 метрах впереди нас, то разведчики были от нас в 400 метрах, и поле боя заслоняли трехэтажная трибуна стадиона и кроны деревьев. Корректировщик капитан С., который был с разведчиками, сразу же вышел на связь и стал запрашивать помощи огнем артиллерии, но толком не мог объяснить точное место разведчиков или боевиков. Единственное, что я смог понять, это то, что боевики были в 30 метрах от разведчиков и так зажали их огнем, что подняться и отойти не было никакой возможности.

Стрелять в таких условиях было рискованно — можно было накрыть и боевиков, и своих. Но и разведчики долго продержаться не могли. Я вновь прильнул к окулярам большого прибора и стал разглядывать парк за стадионом, пытаюсь хоть что-то разглядеть, но тщетно. Схватил микрофон радиостанции и вызвал капитана С. на связь:

— «Скрипач», я — «Лесник 53». Начинаю работать одним орудием, как только увидишь разрыв снаряда, докладываешь отклонение в метрах.

— «Лесник 53», я — «Скрипач», я башку поднять не могу, тут же пулю в лобешник получу... Так что не смогу наблюдать за разрывами.

— «Скрипач», ты хоть один засеки, а дальше я сам сработаю. «Самара», я — «Лесник 53», работаем основным. «Варшава 5, точно семь». Один снаряд. Огонь!

«Выстрел», — прозвучало из наушников радиостанции, и я стал смотреть на восточную трибуну. Есть. Снаряд разорвался прямо в центре трибуны, выкинув в воздух куски бетона.

Быстро передал корректировку на огневую позицию и, услышав команду «Выстрел», схватил микрофон:

— «Скрипач», лови разрыв.

Тихо прошелестев над нами, снаряд упал в глубине парка и разорвался. Поднявшийся над кронами деревьев серый дым обозначил место разрыва. Судя по звукам перестрелки, снаряд упал метров на сто сзади боевиков.

— «Лесник 53», сто метров сзади боевиков. Я — «Скрипач».

Я довольно хмыкнул: опыт не пропьешь.

Тщательно просчитав доворот, передал корректировку на дивизион и внутренне сжался. Если наводчик основного орудия ошибется хотя бы на единицу угломера, снаряд ляжет прямо среди разведчиков. Снова тихо прошелестел снаряд, и облако разрыва поднялось среди деревьев. А я перевел взгляд на радиостанцию — что мне сейчас доложит капитан С.

— «Лесник 53», я — «Скрипач». Отлично. На этих же установках дайте залп.

— Э нет, товарищ С. — Я положил наушники на карту и взял микрофон радиостанции с дивизионом. — «Самара», основным, шесть снарядов, двадцать секунд выстрел, огонь! Наводку восстанавливать после каждого выстрела. Я — «Лесник 53»!

— Подполковник, а чего ты залп батареей не даешь? Так ведь в одну точку долбить будешь. — Генерал Малофеев до этого молча только наблюдал за моими действиями, а сейчас зашел в мою ячейку.

— Нет, товарищ генерал-майор, нельзя, — категорично ответил я и тут же стал объяснять: — Для того чтобы дать точный залп в этих условиях прямо по позициям боевиков, я

должен буду пристрелять каждое орудие. Лишь после этого я могу дать залп. А это время, которого у разведчиков нет. Их уничтожат, пока я пристрелку буду проводить. Поверьте мне — этих снарядов будет достаточно. А естественный разнос снарядов накроет всю позицию «духов».

Шесть разрывов снарядов предрешили исход боя. Огонь со стороны боевиков быстро ослаб, и разведрота лишь с одним легкораненым смогла выскользнуть из ловушки.

Только мы облегченно перевели дух, как боевики, незаметно пробравшись по узким улочкам частного сектора, внезапно атаковали с двух сторон первую роту, которая еще не успела закрепиться на новых позициях...

Таких случаев, когда приходилось во время боя «подтаскивать» снаряды почти вплотную к нашим подразделениям, было много. Времени же для того, чтобы пристрелять каждое орудие, как правило, не имелось, а стрелять надо было. И, учитывая реальные возможности своих подразделений, приходилось работать в таких случаях основным орудием, а не батареей или дивизионом. Артиллерист мирного времени мог бы мне возразить: а почему бы не посчитать «полную подготовку» («полная подготовка» — ряд математических расчетов, учитывающих воздействие на траекторию полета снаряда множества факторов, таких, как температура воздуха, давление, направление ветра в различных слоях атмосферы вплоть до высоты в 4000 метров, вращение Земли, деривация, разность весовых знаков снарядов, поправка на уступ и много других поправок, в том числе и индивидуальные поправки каждого орудия)?

Разговоры о «полной подготовке» уместны в мирное время, когда ты десятки раз выезжаешь на один и тот же полигон, с четко «привязанными» контурными точками и стреляешь в один и тот же «котел» («котел» — артиллерийский жаргон, обозначающий участок местности, куда должны падать снаряды на учениях). Когда ты в спокойной обстановке можешь подготовить данные, которые у тебя тут же перепроверят контрольные группы. Уместно добавить, что метеобюллетень, на основе которого и

считается «полная подготовка», должен обновляться каждые 2 часа. Каждый артиллерийский офицер знает и умеет считать «полную подготовку». Когда я ее считаю только с карандашом в руке, то лично у меня уходит на это 10—13 минут. Конечно, применяя даже простой калькулятор, время подготовки можно сократить, но не всегда в бою этот калькулятор был под рукой...

В каждом моем дивизионе, на каждой огневой позиции разворачивался метеорологический пост на основе ДМК (десантный метеорологический комплект), но с тем комплектом метеорологических приборов и ветровым ружьем можно было составить лишь приближенный метеобюллетень. Слово «приближенный» говорит само за себя. Да и координаты цели с КНП мы могли дать тоже приблизительные. Но самое опасное при стрельбе в непосредственной близости от своих — это человеческий фактор. Наводчики и командиры орудий. На конечном этапе подготовки данных и наводки орудий это было то звено, от которого зависело, попадем мы в цель или промажем. Парадокс. Вроде бы по идее чем больше воюешь и стреляешь, тем все точнее и точнее работают расчеты. (С 1 октября по 10 марта двумя дивизионами и двумя минометными батареями полного состава было выпущено по боевикам 75 000 снарядов и мин.) Но на практике этого не произошло. Опыт совершенствовался и повышался, а рост, дойдя до определенного уровня, остановился. И мы стреляли то лучше, то хуже — в принципе по точности достаточно ровно. Причин тому было несколько. Первая — это усталость. Командиры орудий, наводчики, радиотелефонисты, ячейки управления, офицеры изо дня в день, из месяца в месяц воевали, находились в постоянном напряжении, накапливалась усталость как физическая, так и психологическая. Люди зачастую работали на «автомате» и все чаще и чаще ошибались. Вторая причина — естественная (для войны) убыль личного состава.

Немного цифр. Артиллерия полка 1 октября 1999 года, когда мы пересекли границу Чечни, насчитывала 480 офицеров и солдат. За пять месяцев активных боевых действий в артиллерии было убитых 10 человек, раненых и больных было 78 человек. Из 24

Результаты работы артиллерии полка. Уничтожена группа боевиков на машинах в одном из населенных пунктов Аргунского ущелья (февраль 2000 года)

наводчиков дивизионов в течение пяти месяцев ранеными и больными убыли в тыл 13 человек. Больше, чем каждый второй. Из 46 офицеров, от которых зависела точность огня, ранеными и больными убыли в тыл 11 — каждый четвертый. Второе: разный уровень подготовки, опыта старых и вновь прибывших наводчиков, старых и новых офицеров не давал твердой уверенности в точности огня в непосредственной близости от своих войск. Поэтому и приходилось работать в наиболее сложных случаях одним основным орудием и выжимать из этого максимальные результаты. Третье: непросто чисто психологически было решиться артиллерийскому офицеру на стрельбу на грани, когда или «грудь в крестах», или ты преступник, если снаряды легли по своим.

«Дружественный огонь», или огонь по своим, по тем или иным причинам — это трагическая неизбежность на любой войне. Нравится это кому или нет. И тот, кто любит рассказывать, как мы «колбасили» по своим, или там не был, или тыловая крыса, которая жрет тушенку глубоко в тылу, а потом хвастает, как он героически воевал. Я, не стесняясь, говорю — да, и у нас был огонь по своим. И не раз и не два. Была и траге-

дия. Когда мы прикрывали артиллерийским огнем отход разведчиков с ранеными из школы в Старопромысловском районе, радиотелефонист ошибся в приеме координат и первый залп лег по первой роте, в результате чего погиб один солдат. Трагедия, кто спорит. И мы, артиллеристы, остро переживали гибель солдата. Был произведен «разбор полетов». Сделали вроде бы все, чтобы не допустить в дальнейшем таких ошибок. Но через два дня второй дивизион положил уже два залпа опять по первой роте, которая предприняла попытку отбить злосчастную школу. Слава богу, обошлось только двумя контужеными.

Интересный момент: боевики, как только чувствовали или понимали, что по ним сейчас артиллеристы откроют огонь, сразу же делали рывок вперед и как можно ближе прижимались к нашим позициям. Иной раз они приближались на 50, а то и на 30 метров к нашим подразделениям...

Итог: исходя из собственного боевого опыта, могу сделать следующий вывод — принимая то или иное решение в боевой обстановке, трезво оцените реальную ситуацию, возможности своего подразделения и, главное, не переоцените свои. Считаю, что рубеж безопасного удаления огня каждый артиллерийский офицер должен определять исходя из сложившейся реальной боевой обстановки.

Борис ЦЕХАНОВИЧ

ИЗ ПУШКИ ПО ВОРОБЬЯМ, ИЛИ ВНОВЬ О РУБЕЖЕ БЕЗОПАСНОСТИ...

Ответ Андрея Кириллова на статью Бориса Цехановича

Автор статьи «Рубеж безопасности. Каким он может быть?» Борис Цеханович (далее — автор) поддерживает идею А. Маркина. Заранее извиняюсь перед уважаемыми читателями, что вынужден в своей публикации расширить тему и коснуться в

ней не только вопроса о рубеже безопасного удаления (РБУ), дабы завершить спор с автором до конца.

Во-первых, «господином» и «штабистом», «который основную свою службу прослужил в штабах разных уровней», рассуждающим о РБУ, «сидя в канцелярии или же на научно-практической конференции», ощущать себя как-то неуютно. Вот я и вынужден защищаться и вести этот спор, отвечая уважаемому автору.

Он пишет, что находился на войне и все время был практически то в яме, то в окопе... Это в должности-то начальника артиллерии? Может быть, автор просто исполнял чьи-то обязанности рангом ниже, поэтому иногда и бывал в окопе КНП, проверяя и контролируя работу подчиненных офицеров? Но все же, как я обычно видел в Чечне, основное место пребывания начальника артиллерии на войне — это либо теплая командно-штабная машина, либо благоустроенный командирский кунг, или основной вариант — натопленная штабная палатка начальника артиллерии в пункте временной дислокации войск.

Во-вторых, знакомые слова, встреченные автором в моей статье, такие, как «наставления», «руководства», «правила стрель-

бы», послужили ему «зацепкой», и он, блеснув фантазией, решил дополнить их «многочисленными списками по мерам безопасности, актами технической готовности, инструкциями, бесчисленными инструктажами, бирками и бирочками». Короче, решил повесить на меня всех собак военного «дурализма» и армейской действительности. Тут смело можно было бы добавить и покраску травы зеленой краской, и выравнивание придорожных бордюров с помощью артиллерийской буссоли, и собирание шишек по всей территории полевого учебного центра и т.д., и т.п. Вероятно, уважаемый автор думает, что я в армии не служил, раз начинает напевать «военные песни» и травить байки про бирки? Все служивые люди ведь знают, что «солдат — без бирки, как... — без дырки»! Куда без нее, родимой-то, в армии? Это основной стратегический секрет обороноспособности и непобедимости нашей армии, и он вселяет настоящий ужас в души солдат армий США и блока НАТО!

В-третьих, если бы уважаемый автор прочел мою статью всю полностью и более внимательно, то, наверное, кардинально изменил бы свое мнение и желание писать отклик на нее пропало бы само собой. Ведь моя статья с ее таблицами РБУ для различных условий была в первую очередь предназначена разведчикам и спецназовцам, чтобы они знали и учитывали эти табличные данные перед вызовом огня артиллерии. А грамотные офицеры-артиллеристы эти данные всегда держат в своей голове, ведь безопасность своих войск — это первое и важное условие применения артиллерии в бою. **Пренебрежение РБУ при работе с артиллерией в мирной жизни — это двойка на зачетных и контрольно-проверочных занятиях, а на войне двойку поставит сама жизнь после непрямого удара по своим войскам с гибелью и увечьями наших военнослужащих.** Последнее автор и подтверждает собственными трагическими боевыми примерами.

В-четвертых, автор укоряет меня, что я зашорен различными инструкциями, наставлениями, руководствами, правилами стрельбы, ссылаюсь постоянно на руководящие документы РВ и

*А. Но тогда зачем сам он подавал в Генеральный штаб 19 изменений и дополнений в Боевой устав артиллерии по итогам второй чеченской кампании? Для чего автор тогда это делал? Еще раз повторяю, что **все руководящие документы написаны кровью наших солдат и офицеров**, при их составлении и всех их последующих изменениях учитываются приобретенный свой и зарубежный боевой опыт, используемые новые вооружения и боеприпасы в различных условиях их применения.*

В-пятых, автор постоянно говорит о грамотном толковом офицере-артиллеристе (подразумевая себя, конечно), который может точно уложить снаряд между своими подразделениями и так, что осколки разорвавшегося снаряда вопреки физическим законам рассеивания и теории вероятности своих бойцов даже не заденут. Браво! Это, конечно, похвально, что он такой профессионал артиллерийского огня. Но у меня есть ряд существенных замечаний по опыту, описанному в его публикации.

В первую чеченскую автор, будучи командиром противотанковой батареи, требовал от своих подчиненных, чтобы те долбили дорогостоящими ракетами ПТРК по одиночным боевикам. **Так было уничтожено 70 одиночных боевиков — 70 ракетами 9М111 и 9М113**, о чем он хвalebно и пишет в своей статье, наверное, полагая, что это очень хорошо. А вот противоположная сторона — боевики НВФ это уникальное дорогостоящее оружие использовали более грамотно и эффективно, чем подчиненные автора.

9 августа 1999 года боевики, выпустив четыре ракеты ПТРК, подбили пять вертолетов федеральных сил на стоянке (два Ми-24 взорвались и сгорели, два Ми-8 и один Ми-26 получили повреждения). Двумя днями позже боевики одной ракетой, выпущенной из ПТРК, подбили вертолет с тремя генералами и офицером ФАПСИ на борту!

ПТРК — это оружие в первую очередь ПРОТИВОТАНКОВОЕ, хотя может применяться и для уничтожения САУ, бронированных целей, а также других важных огневых средств противника. Конструкторы ведь не зря и для каких-то целей «забивали» в ТТХ

противотанковых ракет большие дальности стрельбы и высокие уровни бронепробиваемости. Автор же в статье приводит в оправдание себя и свой диалог с командиром полка про себестоимость ракеты ПТРК в сравнении с автомобилем «Волга». В связи с этим высказыванием проведем еще и свои несложные математические расчеты. Автор проводил расчеты «в свою пользу», а мы посчитаем иначе. **Если бы эти 70 ракет ПТРК оказались в руках боевиков НВФ, то у федеральных сил были бы уничтожены десятки и даже сотни вертолетов. А сколько бы людей погибло!** Наверное, почти все вертолеты группировки войск были бы сожжены при такой результативности стрельбы НВФ. Да, это точно подметил автор, что при таком раскладе «второй Чечни просто не было бы...». Тогда бы не то что второй чеченской не было, Россия была бы давно поставлена террористами на колени с таким странным подходом и непонятной логикой автора. Слава богу, что его подчиненные израсходовали эти ракеты, стреляя «из пушки по воробьям», и они не попали в руки боевиков!

*Почему-то вражеские операторы ПТРК стреляли не по одиночным фигурам солдатиков оцепления на посадочной площадке, а выбирали **наиболее важные и групповые цели «федералов»** (вертолеты с генералами на борту).* Наверное, бандлидеры строго следили за выбором целей для стрельбы и за результативностью попаданий каждой выпущенной ракеты ПТРК, приобретенной за немалые деньги в республиках СНГ. А у автора боевая работа была организована по-другому: если страна богатая, то деньги налогоплательщиков можно пустить на ветер. Поэтому и стреляли его подчиненные так, как им приказал командир: дорогостоящими ракетами по одиночным фигуркам боевиков. Но ведь еще с Афганистана писалось в различных источниках: «Известны случаи неоправданного применения реактивных батарей и даже дивизионов по целям, которые могли быть подавлены огнем ствольной артиллерии или отдельными боевыми машинами реактивной артиллерии. Незнание технических характеристик реактивных систем приводило к неоправданному расходу снарядов при стрельбе на малые дальности и особенно по малоразмерным

целям». В Афганистане наши военные эффективно применяли комплексы ПТУР для уничтожения стратегических, труднодоступных для других видов вооружений целей: огневых точек в пещерах, оборонительных сооружений и иных групповых целей...

**Кроме того, автор, израсходовав БК батареи, подверг бое-
способность целого полка угрозе и реальному риску быть бес-
препятственно атакованному танками и другой бронетехникой
дудаевцев, ведь в то время танков, САУ и бронетранспортеров
у бандитов было немалое количество. Об этом свидетельствуют
прямые боестолкновения начала 1995 года, когда артиллеристы-
десантники под руководством командира батареи 122-мм гаубиц
Д-30 Героя России гвардии капитана А. Силина уничтожили в
бою пять дудаевских танков огнем прямой наводкой. Смелый
командир огневого взвода той же батареи, орденоносец гвардии
старший лейтенант Павел Пятаченко в огневой дуэли с враже-
ским танком лоб в лоб вышел победителем. А заместитель ко-
мандира батареи гвардии капитан К. тоже огнем орудия прямой
наводкой уничтожил ДШК противника, оборонявший стратеги-
ческий рубеж НВФ. Вот это, я понимаю, цена каждого снаряда и
результативность каждого выстрела артиллерийской батареи. Ге-
рой России гвардии рядовой ВДВ М. Ланцев, прикрывая отход
своей разведгруппы, грамотно выбрал момент для открытия огня
из огнемета РПО-А и одним метким выстрелом уничтожил 12
боевиков, когда те скучились около своего главаря. Вот это и
есть эффективное использование вверенного государством
вооружения!**

И наши деды в Великой Отечественной войне, вооруженные порой лишь сорокапятками, показывали чудеса артиллерийского мастерства и мужества в борьбе с фашистами, не стреляли из пушек по воробьям. В конце мая 1942 года фашисты предприняли очередную танковую атаку на позиции 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Особенно жаркий бой развернулся перед фронтом противотанковой батареи Героя Советского Союза старшего лейтенанта И. Быкова из 32-го гвардейского артиллерийского полка. Командир батареи был ранен, но продолжал руководить боем.

Противник понес ощутимые потери — **18 фашистских танков было уничтожено огнем батареи** отважного комбата!

Ну а если у автора было просто такое хобби — охота на живую силу противника (за одиночными боевиками НВФ), то надо было для решения этой задачи просто создать в батарее нештатную снайперскую группу, а не тратить почем зря дорогостоящие ракеты ПТРК.

В-шестых, еще со времен афганской войны анализировались причины наших потерь и подчеркивалось, что одними из главных «явились пренебрежение детальной проработкой возможных вариантов действий при подготовке к боевым действиям и слабая организация».

Что касается описанного автором случая боестолкновения 15 января 2000 года, преклоняю голову перед всеми погибшими солдатами и офицерами вашего мотострелкового полка и других соединений федеральных сил РФ, воевавших в Чечне за мирное будущее нашей страны. В связи с этим не будет корректно здесь писать «если бы»... Просто приведу пример, как мы строили свою работу с артиллерией **перед выходом группы на боевую задачу**. Скрупулезно, до мелочей продумывали каждый участок передвижения ГСпН, прогнозируя, исходя из рельефа и условий местности, ставя себя на место противника, определяли возможные места расположения засад и его огневых точек. Исходя из всего вышеперечисленного, наносили многочисленные огни артиллерии на кодированную карту по всему маршруту передвижения группы (как правило — заградительный и сосредоточенный огни артиллерии). Налаживали взаимодействие между ГСпН и артиллерией дотошно, до частных и мелочей, продумывая все возможные варианты развития хода событий. Координация обеспечивалась и тем, что мы оставляли своего человека со средствами связи на пункте управления огнем артиллерии дивизиона. Лучшему взаимодействию и координации между родами войск всегда помогало личное знакомство командиров, должностных лиц артиллерии и спецназа. Работали не через Ханкалу, а напрямую с соседним артиллерийским дивизионом. Все эти меры и обеспечивали немед-

ленную огневую поддержку группы в случае необходимости. И во время начала движения ГСпН все опасные места были уже на прицеле артиллеристов, туда были наведены стволы орудий дивизиона благодаря заблаговременным командам командира группы или нештатного корректировщика ГСпН:

— «Дунай», стой! НЗО «Клен», зарядить!

Могли для подстраховки засадоопасных мест проверить их одним-двумя дымовыми снарядами, заодно убедиться в точности и своевременности открытия огня артиллерии. Время исполнения было сравнительно коротким, ведь оно включало только подачу команд на батареях плюс полетное время снарядов в район цели. И не нужно было метаться под пулями и гранатами противника, когда каждый шаг нашего подразделения расписан, поэтапно просчитан и надежно обеспечен своевременной артиллерийской поддержкой. При сомнении в безопасности дальнейшего продвижения группы места возможного нахождения боевиков «кошмарили» артиллерией, вскрывая и уничтожая засады врага. Именно по такой схеме действовал корректировщик артиллерийского огня Герой России капитан ВДВ Г., приданный ГСпН, когда группа была атакована многочисленным бандформированием. От нанесенных на свою карту огней Григорий командовал только корректуры в дальность и доворот по новым целям. Результат своевременной грамотной работы артиллерийского корректировщика блестящий: у нас потерь нет, у НВФ — несколько сотен уничтоженных бандитов.

Вот на этапе подготовки к выдвигению и надо было автору как начальнику артиллерии полка «творчески применить свои знания и умения» грамотного артиллериста, а не бить события «по хвостам», стреляя потом «на грани» и подвергая риску накрытия своим артиллерийским огнем наши подразделения.

В-седьмых, что касается вопроса о РБУ непосредственно. Мы подошли наконец к основной теме затянувшейся дискуссии. От всех вопросов, затронутых ниже, напрямую зависит точность артиллерийского огня и выдерживание РБУ при стрельбе.

Автор пишет, что «разговоры о **«полной подготовке»** уместны в мирное время». Возражу ему нашим опытом боевых действий в ДРА, где артиллерийские подразделения выполняли требования полной подготовки практически всегда. «Проводимая метеорологическая, баллистическая и техническая подготовка перед стрельбой обеспечивала поражение цели без пристрелки...» — писал Е. Никитенко в книге «Афганистан. От войны 80-х до прогноза новых войн». То есть даже в зонах боевых действий необходимо проводить подготовку артиллерийского подразделения перед стрельбой как можно в большем объеме (желательно — полную подготовку), чтобы обеспечить быстрое и точное поражение цели.

Дальше Борис Цеханович пишет: «Но самое опасное при стрельбе в непосредственной близости от своих — это **человеческий фактор...**» Соглашусь и дополню здесь автора. Если сегодня наводчики орудий имеют, образно говоря, три класса образования, в слове «еще» делают четыре ошибки, а большинство должностей командиров огневых взводов занимают «пиджаки», то человеческий фактор может сыграть роковую роль при сокращении РБУ. Кроме того, вспомним здесь и **техническую подготовку артиллерии** на войне, которую должны проводить и контролировать командиры подразделений. Так вот, как правило, командиры соединений и частей отправляли на войну самую «убитую» артиллерийскую технику, чтобы можно было побыстрее ее потом списать. Зачем новую технику отправлять в зону боевых действий, если в пункте постоянной дислокации необходимо будет что-то представлять на проверке штабным комиссиям? Техническая неготовность бронетехники и изношенность материальной части большинства артиллерийских орудий не прибавляли точности стрельбе артиллерии.

Дальше автор пишет про удивительные вещи, что **«координаты цели с КНП мы могли дать тоже приблизительные»!** А как же насчет применения наиболее точных способов определения установок для стрельбы, чтобы обеспечить безопасность своих войск при стрельбе по целям, расположенным вблизи от

них? О какой тогда стрельбе «на грани» говорит автор в этих условиях? И что, «рубеж безопасного удаления огня каждый артиллерийский офицер должен определять, учитывая сложившуюся реальную боевую обстановку»? **Это и есть самый настоящий русский пофигизм, а не трезвая оценка ситуации: «авось да пронесет!»** Поэтому с таким подходом не «зачастую», а выходит, что практически всегда автору «приходилось принимать решение на открытие огня вслепую и с большим риском поражения своих подразделений»!

Низкое качество выполнения технической, баллистической подготовки и топогеодезической привязки вызывало большие погрешности и ошибки при стрельбе артиллерии, приводившие в итоге к ударам по своим войскам. Вспомним здесь первую чеченскую. Зимой 1994/95 года в боях за город Грозный, как сообщается в различных источниках, потери от «дружественного» огня составили от 40 до 60%. Штурмовая группа разведбатальона мотострелковой дивизии, захватившая и удерживавшая больничный комплекс, находилась трое суток под непрерывным огнем дудаевских бандформирований и своей артиллерии. Были потери...

И зря автору не приходилось задумываться о каком-либо рубеже безопасности. А задумываться о РБУ надо было всегда в любых условиях боевой обстановки и местности, ведь автор честно сообщает, что «и у нас был огонь по своим. И не раз и не два»... После первого случая в практике автора погиб солдат, но и последовавший после этого ЧП разбор полетов ни к чему не привел: **«через два дня второй дивизион положил уже два залпа по первой роте»**... Вот это и есть уже собственный кровавый боевой опыт, который почему-то недостаточно глубоко анализировался, так как не приводились в порядок координация и управление в вверенных автору подразделениях артиллерии и их взаимодействие с мотострелками.

О каком опыте Афганистана и первой чеченской говорит Цеханович, если даже исходя из своих ошибок не делается никаких выводов и поправок к улучшению положения с

взаимодействием в своем полку? Кроме того, он ратует за статью А. Маркина — за снижение РБУ! Зачем снижать еще РБУ, если и без этого при такой координации артиллерия «долбанет» по своим, поскольку нет должного уровня взаимодействия между подразделениями родов войск?

Р.С. Исходя из статьи автора, непонятно, какой боевой опыт он советует брать на вооружение? Не учитывать РБУ при вызове огня артиллерии, полагаясь на русский авось, чтобы артиллерия в очередной раз «лупанула» по своим войскам? Или снайперским огнем из ПТРК поражать одиночных боевиков НВФ?

Также непонятно, что заставило «заскучать» автора при прочтении моей публикации «Рубеж между жизнью и смертью», но зато вызвало море положительных восторженных эмоций при чтении статьи «Рубеж безопасности» А. Маркина о том, как делать нельзя, но которая зато читалась живо и с интересом. Содержание для автора, наверное, не самый главный критерий оценки материала. И вместо того чтобы давать дельные советы из своего боевого опыта, автор поддерживает непонятные фантастическо-утопические идеи А. Маркина, опасные для жизни военнослужащих наших подразделений.

Начитавшись «идей» и «откровений» в СМИ о том, что на РБУ можно «наплевать», разведчики и спецназовцы порой и вызывали огонь артиллерии по противнику, находящемуся в 50—200 метрах от себя (а в жизни получалось — по себе), что и приводило к трагедиям с человеческими жертвами. Поэтому такие публикации ничего, кроме вреда, нашим военнослужащим разведки и спецназа не принесут. А РБУ при вызове огня артиллерии нужно учитывать всегда!

Вот так и поспорили. Кто прав в этом споре, пусть решают наши уважаемые читатели. Я же в завершение приведу слова Героя Российской Федерации генерала Г. Трошева: **«Бывали и приказы открыть огонь по противнику, находящемуся от наших войск всего в 70—100 метрах. А это чаще всего — верная гибель от своих же осколков. Нельзя было повторять трагические ошибки, вторично наступать на те же грабли...»**

Андрей КИРИЛЛОВ

ПРО ТЕПЛЫЕ КУНГИ, ТЕПЛЫЕ ПАЛАТКИ И ПРО ТО, КАК МЫ ДАЛЬШЕ УБОРНЫХ НИКУДА НЕ ХОДИЛИ

Борис Цеханович — в ответ на статью Андрея Кириллова «Из пушки по воробьям...»

Уважаемый А. Кириллов! Я сразу же прошу прощения за то, что назвал вас «господином». Конечно, вы для меня — товарищ. Как и все, кто служил в армии, — независимо от того, служил ли он офицером, прапорщиком или солдатом. Главное, мы все принадлежим к тому армейскому прошлому, которое вспоминаем и которым гордимся.

Но всегда есть это проклятое «но». Я ни в коем случае не хочу сомневаться в вашей компетенции, в вашем опыте, но все-таки оно существует, это «но». Знаете, в чем разница между мной и вами, товарищ Кириллов, и что дает мне право свободно рассуждать о рубежах безопасности, о стрельбе ракетами по одиночным боевикам и о многом другом? Это то, что я сам лично прошел через все это: не прикрывался нормативами и статьями из наставлений и боевых уставов, а брал на себя ответственность и стрелял. И, надеюсь, тем самым спас не один десяток солдатских жизней.

Вот я взял в руки июньский номер «Солдата удачи». На обложке журнала — фотография гаубицы Д-30. Красивая фотография. Любой, глядя на нее, скажет или подумает: «Во, бабахнули артиллеристы... Все в дыму...»

А я смотрю и думаю: «Показные занятия, судя по чистой и новой форме, начищенным сапогам и беленьким повязкам. Отбой орудию делает расчет (именно «отбой», а не «к бою»)... И я на месте командира взвода сделал бы капитальное замечание командиру орудия, который безучастно наблюдает (а не руководит), как расчет с нарушениями делает «отбой». Заодно и указал бы на недостаточное внимание за содержанием Д-30».

Вот вам задачка на профессионализм, товарищ Кириллов, найдите хотя бы четыре недостатка из шести... И я здесь не критикую редакцию журнала, разместившую фотографию расчета, а показываю, что такое опыт артиллериста, прослужившего на Д-30 восемь лет (только на механических домкратах), выполнившего сотни и сотни раз все, какие положено, нормы. Мое тело по прошествии 35 лет до сих пор помнит, с каким усилием нужно тянуть на себя рукоять механизма для поднятия колес гаубицы и в какой момент шатнуться влево, чтобы зубцы рукояти механизма зашли в зубчатый венец. Это я вам отвечаю на ваши слова, цитирую: **«Если сегодня наводчики орудий имеют, образно говоря, три класса образования, пишут с ошибками, а большинство должностей командиров огневых взводов занимают «пиджаки»...»**

На это я вам могу только сказать: заниматься надо, планомерно, эффективно и творчески подходить к этому делу. Не кивать головой на трудности, а обходить их и заниматься.

Хочется вспомнить свою срочную службу. Она проходила с 1973 по 1975 год, и тогда всеобщее образование было восьми-классное. В батарее у нас были с десятью классами только сержанты. В моем, втором расчете проходили службу четыре человека. Я с десятью классами образования. Рядовой Руфулаев — азербайджанец с девятью классами. Так как он плохо говорил по-русски, то был заряжающим. Ефрейтор Камалетдинов — восемь классов образования. Наводчик. Рядовой Дмитриев — пять классов. Замковый. В батарее служили восемь человек с высшим образованием. Остальные — 5—7 классов. Был у нас рядовой Назаров. Узбек. Четыре класса образования. Но мы все сомневались по этому поводу. Ни читать, ни писать даже по-узбекски он не мог. Такой расклад был и в остальном полку. И это в арtpолку, куда все-таки был отбор. Ну а в пехоте сами понимаете, какой был уровень образования. Но на это никто не обращал внимания, а занимались и еще раз занимались, доводя действия до автоматизма. Я усваивал все легко, играючи, но вот формула «тысячных» никак не давалась. Не мог запомнить,

и все. Как-то на занятиях командир взвода старший лейтенант Барабанчук (тоже, кстати, окончил среднее училище) мудро посмотрел на меня и изрек:

— Цеханович, высота слона 2,5 метра. Наблюдаешь в бинокль под углом в 0-02. Значит, дальность до слона 1250 метров... (Это про творческий подход.)

На всю жизнь после этого формулу «тысячных» запомнил. И ведь армия с такими «малообразованными» парнями была сильнейшей в мире. Достаточно хотя бы вспомнить царскую армию, где солдатами служили крестьяне, но мы ведь гордимся воинской славой наших предков...

А если насчет «пиджаков», то ко многим из них я отношусь с большим уважением. На первой чеченской у меня служили командирами взводов старший лейтенант К. и старший лейтенант Ж., которые окончили военную кафедру Челябинского сельскохозяйственного института, где изучали противотанковую установку 9П148. Большое спасибо офицерам кафедры, которые подготовили таких классных специалистов.

А во вторую чеченскую только в дивизионах у меня было девять командиров взводов — двухгодичников. В декабре 1999 года у них заканчивался срок службы, и мы все хором уговаривали их остаться довоевать, но парни решили увольняться. И это их выбор. Им тоже большое спасибо за честно выполненный воинский долг. Кстати, бывший начальник Генерального штаба Квашнин тоже был, как вы тут говорите, из «пиджаков».

...Недавно я ехал в поезде в командировку. Соседом по купе оказался интеллигентный мужчина. Неглупый, но с «дерьмократическими» замашками и суждениями. Ни дня не служил в армии и все сведения о ней черпал *«из различных источников»*. Когда в разговоре коснулись армейской тематики, то сосед по купе с апломбом заявил:

— А что вы хотите? Если у них (то есть в армии) на время проведения учений запланировано 3 процента потерь...

Старая байка гражданских, но он в нее свято верил и все талдычил и талдычил о трех процентах, даже не вдумываясь в

эту цифру. Спокойно выслушав этот «бред сумасшедшего», я ему предложил:

— А давайте посмотрим, что это за 3 процента потерь? Мотострелковая рота — 100 человек — проводит учения. 3 процента — это трое убитых. На батальонных учениях в 500 человек — 15 человек убитых. На полковых и дивизионных — 75 и 330 соответственно.

Выслушав мои цифры, сосед смущенно-глуповато захихикал и сказал:

— Да, что-то я сглупил... Я даже не задумывался над этой цифрой...

Вы тоже, А. Кириллов, черпаете сведения *«из различных источников»* и даже не задумываетесь над тем, что вы написали в своей статье. Цитирую: ***«Зимой 1994/95 года в боях за город Грозный, как сообщается в различных источниках, потери от «дружественного огня» составили от 40 до 60%».***

276-й полк, осуществлявший боевые действия в Грозном с новогодней ночи и до последнего дня штурма, подразделения которого в числе первых, а может быть, и самыми первыми, ворвались во дворец Дудаева, потерял только убитыми 120 человек. Так, по вашим словам, получается, что от 48 до 72 человек были убиты нашим огнем? Вы, прежде чем писать, почитали бы официальные источники. А то после ваших слов напрашивается вывод, что моя артиллерия под моим руководством при штурме Старопромысловского района тоже 40—60% потерь 21-й бригаде ВВ нанесла. А это уже граничит с оскорблением.

Я не отрицаю того факта, что потери от огня своих в городских условиях, где наши солдаты захватывают подъезд, а в соседнем еще боевики, или мы на одной стороне улицы, а боевики — на другой, конечно, больше, чем на равнине. Но те цифры, которые вы приводите, лживые, и вы их только бездумно повторяете.

Вот настоящие цифры потерь. Источник — журналы боевых действий 276-го и 324-го полков: первая и вторая Чечня. За первую Чечню 276-й полк потерял убитыми 182 человека.

324-й — 181 человек. За вторую Чечню 276-й полк за восемь месяцев потерял 67 человек убитыми.

Цифры потерь моей артиллерии 276-го полка: убитых — 10 человек (сержанты и солдаты). Ранены 33 человека. 1 человек без вести пропавший. Больные (эвакуированные в госпиталь) — 42 человека. 2 дезертира — к сожалению, кадровые офицеры.

Расклад потерь следующий: из 10 человек убитых — 5 человек погибли в бою. Остальные 5 человек — двое утонуло (механик-водитель КШМ не справился с управлением, и машина упала с моста в реку), один контрактник — самоубийца, двое контрактников умерли в ходе употребления спиртных напитков.

33 ранено: 8 офицеров (все ранены во время боев), 25 солдат и сержантов, из них 8 ранены в бою, остальные — неосторожное обращение с оружием и самострелы.

Фельдшер первого дивизиона нарушила приказ командира дивизиона, покинула огневую позицию, попала в засаду и пропала без вести.

В процентном соотношении расклад потерь в точности повторялся и по другим подразделениям полка.

Прочитав вашу статью, я заинтересовался в Интернете, как обстоят дела в этом вопросе у нашего потенциального противника. За основу взял операцию «Буря в пустыне». Вытащил все, что сумел, и удивился. Американцы и их союзники не просто хорошо подготовились — они подготовились прекрасно. Прочитал такую вещь про артиллеристов. Передовой артиллерийский наблюдатель поднимает к глазам бинокль (это по-нашему так называется), а в этом бинокле — дальномер, чуть ли не топоривязчик, связанный со спутником. Артиллерист наводит бинокль на цель, нажимает кнопку — и все данные: дальность до цели, координаты наблюдателя, картинка цели — уходят через спутник на геостационарной орбите в вычислительный центр в Австралию. Там в течение нескольких секунд данные обрабатываются и опять же через спутник, но уже в виде готовых данных поступают на огневую позицию, на каждое орудие. После чего следует залп. Красота! Только при такой

прекрасной подготовке и технике в боях на равнине (не в городе) от неоднократного «дружественного огня» у них погибло более 40 человек. Да и сейчас иногда просачивается в прессу информация по Афганистану и по Ираку, где американцы наносят удары то по свадьбе, то по похоронной процессии, то по своим автоколоннам.

Я не злорадствую... Когда «Буря в пустыне» начиналась, американцы и их союзники целый месяц долбили ракетами, авиацией все, что стреляло, и все, что могло нанести им урон с иракской стороны. Не жалели дорогостоящих ракет, боеприпасов, авиационного топлива — только бы свести к минимуму потери среди своих солдат. А вы лицемерно сожалеете о «дорогостоящих противотанковых ракетах». Кстати, ракетах не первой свежести, но об этом чуть позже.

После возвращения с Кубы, где служил начальником разведки одного из учебных центров, я принял противотанковую батарею. На вооружении были 100-мм противотанковые пушки МТ-12, и я не переживал. Прямую наводку знал, умел стрелять и не раз получал за стрельбу благодарности. На срочной службе в 1975 году в ходе учений на дальности более 1500 метров пятью снарядами из Д-30 уничтожил пять движущихся целей. За что был командующим первой танковой армией поощрен отпуском с выездом на родину.

Но когда меня перевооружили на 9П148, я слегка «задергался». Теоретически я знал по ним все, но практически стрелять не давали. Я командовал кадрированной батареей. Развернутой батарее соседнего полка выделяли на год только 2—3 ракеты и лишь в 1993 году по невыясненной причине им дали целых 13 ракет на летние лагеря. Вот на хрена было жалеть эти ракеты — непонятно. Еще больше я «задергался», когда узнал, что через две недели из ЗабВО подадут личный состав и после десяти дней боевого слаживания нас отправят на войну. Тем более что я прекрасно понимал, какой личный состав нам подадут. Среди прибывших были повара, ремонтники, химики, бывшие осужденные, милиционеры, но ни одного противотанкиста. И вот тут, то-

варищ Кириллов, хочу вас разочаровать. Не знаю как другие округа, но командование нашего округа, штаб артиллерии округа и лично генерал-майор С.Л. Шпангель сделали все, чтобы укомплектовать полки добротной техникой, имуществом — словом, всем необходимым, чтобы мы там нормально воевали. Так произошло и с моей батареей. На базе Екатеринбургского артиллерийского училища в течение трех дней были проведены интенсивные занятия с командирами установок и командирами взводов. На четвертый день на учебном центре были проведены боевые пуски. Из 15 ракет 13 попали в цель.

С января по июль 1995 года батарея под моим командованием выпустила по противнику 157 ракет. Из них 19 не сошли с пусковой установки, а 8 после пуска вертикально ушли на максимальную высоту, где и самоликвидировались. 27 ракет — это 27 неуничтоженных целей. А причина одна — длительное хранение в неподобающих условиях. Так зачем их хранить? Дайте их в войска. Пусть их пускают по мишеням, хоть таким образом освежим запасы.

А теперь цитирую вас: ***«Так было уничтожено 70 одиночных боевиков — 70 ракетами 9М111 и 9М113, о чем он хвально и пишет в своей статье, полагая, что это очень хорошо».***

Как получилась цифра 70 уничтоженных боевиков? Из вашей статьи складывается впечатление, что мы просто «пуляли» этими ракетами куда ни попадя. Но простая арифметика говорит другое. Если взять за основу 160 дней — столько я командовал батареей в Чечне, то получается по одной ракете в день, а это уже говорит о том, что, прежде чем сделать пуск, цель тщательно разведывалась и лишь затем уничтожалась ракетой. В батарее стреляющих было 13 человек: командир батареи, три командира взвода и девять командиров машин — операторов. То есть в среднем каждый сделал по 12 пусков за всю войну — за 160 дней. Так что нечего грешить на тех, кто воевал. На самом деле мы не каждый день стреляли. Нет целей, мы не стреляли. Есть цели — делали пуски. Вы довольно прямолинейно

воспринимаете мои слова: **«Да, тратил дорогие ракеты 9М111 и 9М113, когда стрелял по одиночным боевикам».**

А вот как происходило на самом деле.

6 февраля в ходе развертывания на огневых позициях у н.п. Ч. был обнаружен склад ГСМ с четырьмя 20-тонными цистернами, откуда боевики таскали канистры с топливом. Я решил открыть счет в батарею и с переносной установки в сложных условиях (ветки деревьев и провода высоковольтной линии закрывали цистерны; ракеты, попадая в ветки, разрывались, не долетая до склада) шестью ракетами уничтожил три цистерны. Четвертую уничтожили танкисты.

21 февраля в ходе боя был обнаружен артиллерийский наблюдательный пункт с тремя боевиками, откуда корректировался огонь по позициям морской пехоты. Он был уничтожен двумя ракетами.

13 марта. Мы только что захватили берег реки Аргун и закреплялись на нем. Уже смеркалось, когда на перекрестке дорог Шали — Нижние Атаги из развалин, где засели боевики, вышел вооруженный «дух» и нагло, не спеша направился через дорогу. Сержант Е. мгновенно среагировал и сделал по нему пуск. Когда до смерти боевику оставалось несколько секунд, на перекресток стремительно выехал БТР «духов» с десантом на борту. Командир установки самостоятельно принял решение, быстро перенацелил ракету на бронетранспортер и поразил его, когда тот уже почти скрылся в зарослях «зеленки». Правда, десант, заметив ракету, успел спрыгнуть на землю.

14 марта вдоль позиций боевиков на расстоянии 2 км от нашего переднего края медленно двигался «КамАЗ», откуда «духи» вытаскивали ящики с боеприпасами. Ни пехота, ни танкисты, ни зенитчики не смогли вовремя открыть огонь. Лишь сержант Н. навел пусковую установку и сделал пуск. Но в этот момент «КамАЗ» остановился и оказался в створе с огромной березой, которая мешала поразить автомобиль боевиков. Командир установки плавно поднял траекторию полета ракеты

над березой и в резком пикировании поразил «КамАЗ» с двумя сопровождающими боевиками.

19 марта. Командир взвода старший лейтенант К. наблюдал за щебеночным заводом, где располагался мощный опорный пункт боевиков на противоположном берегу реки Аргун. Шла бомбежка завода фронтовой авиацией. В один из моментов старший лейтенант К. заметил, как три боевика под разрывами бомб пробрались к не замеченному ранее укрытию, открыли дверцу и скрылись внутри, оставив дверцу открытой. Командир взвода сделал пуск и сумел вогнать ракету внутрь укрытия, о чем и доложил мне после дежурства. Я, в свою очередь, вечером доложил в штаб полка о трех уничтоженных боевиках и укрытии. На следующий день боевики по радиосвязи вышли на командование полка и попросили на два часа прекратить огонь в районе щебеночного завода. На вопрос «зачем?» ответили: «В ходе вчерашней бомбежки противотанковая ракета, пущенная с вашей стороны, попала в укрытие, где в это время укрывались от бомбежки 30 боевиков. Все они от взрыва ракеты погибли, и их надо оттуда убрать и похоронить». Старший лейтенант К. был представлен к ордену Мужества.

21 марта противотанковая установка под моим командованием и группа прикрытия в количестве восьми человек из офицеров штаба полка и солдат скрытно совершила марш по лесу, контролируемому боевиками, и вышла в их ближайшие тылы с задачей «оседлать» дорогу и не дать по ней перекинуть подкрепления в район завтрашнего наступления соседнего полка. В ходе противостояния 21 и 22 марта 15 противотанковыми ракетами были уничтожены: автомобиль «Волга» с пятью боевиками (две ракеты), «КамАЗ» с боеприпасами и двумя боевиками (две ракеты), бензовоз на базе «КрАЗа» (бензовоз подбили лишь с третьей ракеты — мешали ветки деревьев), грузовой автомобиль с шестью боевиками (четверым удалось убежать), один за другим сожгли четыре грузовых автомобиля, появлявшихся на дороге. Уничтожили легковой автомобиль с четырьмя боевиками, МТЛБ с механиком-водителем (две ракеты). То есть

15 ракетами было уничтожено 18 боевиков с техникой. У нас потерь не было.

Это лишь несколько боевых эпизодов. Может быть, и больше уничтожили, чем 70. Гибель боевиков была зафиксирована не только нами — противотанкистами, но и сторонними свидетелями, то есть была твердая уверенность, что они уничтожены.

12 мая ко мне обратились артиллеристы нашего полка с просьбой в очередной раз показать класс и сбить огромное зеленое полотнище, развевающееся на самой высокой трубе цементного завода Чири-Юрта. Оно висело уже сутки, и никто не мог его сбить, что очень задевало самолюбие всех. Через 15 минут с противотанковой установкой сержанта Е. я был на переднем крае первого батальона, и оттуда первой же ракетой на дальности 2600 метров сержант поразил древко знамени и свалил его на землю со 120-метровой высоты. По просьбе командира батальона тремя ракетами сержант поразил еще три цели, после чего я разрешил сержанту сделать пуск ракетой по огромной куче цемента — ему хотелось посмотреть, какой разрыв получится. И я разрешил дорогую ракету использовать для этого. Поверьте, сержант Е. своей службой заслужил это развлечение. Красивого разрыва, к сожалению, не получилось — куча оказалась слежалой и старой.

Помимо 70 уничтоженных боевиков за батареей записано в журнале боевых действий три танка, два БМП, БТР и два десятка различных целей — НП, дотов, ретрансляторов, автомобилей и др. Одиночных боевиков было семь человек.

В феврале — марте 1995 года в полосе действия 324-го полка было зафиксировано три случая пуска противотанковых ракет 9М113 по нашим танкам с дальности 3000—3500 метров (время подлета ракеты 15—17,5 секунды). Так вот, у хваленых дудаевских противотанкистов ни в одном случае пуска не хватило духа и выдержки, чтобы довести ракеты до цели, то есть до нашего танка. Через 10—12 секунд «духовские» операторы бросали управление ракетой, переносную установку и убегали, боясь, что танкисты засекут позицию пуска и уничтожат их. По-

этому-то 9 августа 1999 года чеченцы спокойно расстреливали беззащитный аэродром, не боясь ответного удара.

Во второй чеченской кампании о случаях применения противотанковых ракет боевиками я не слышал.

Тогда, в 1995 году, нашлись умники, которые стали устанавливать лимиты расхода боеприпасов в день. Сколько снарядов, сколько патронов и бомб мы должны использовать в течение дня. Абсурд. Меня коснулось это тем, что мне стали со склада поставлять ракеты 9М111. А цели у меня, как правило, находились на дальности от 2 до 4 км (дальность полета ракеты 9М111 — 2 км, а 9М113 — 4 км).

Слава богу, министр обороны Грачев, когда приехал в Чечню и узнал о лимитах на боеприпасы, возмутился. Он заявил на совещании буквально следующее: «Если боевик произвел по нашим солдатам хоть один выстрел, то не только позиция его должна быть уничтожена любым средством, но и дырка на карте на этом месте должна образоваться».

После этого поднял нашего командира полка и спросил, что ему надо. Командир попросил нанести авиационный удар по щебеночному заводу, где был оборудован мощный опорный пункт боевиков. Через два часа прилетели двенадцать вертолетов, стали в круг и хорошо обработали позиции боевиков, а ночью прилетела фронтовая авиация... После интенсивной обработки «духи» отступили, и мы при продвижении вперед не понесли потерь...

Опять цитирую ваши слова: **«Но все же, как я обычно видел в Чечне, основное место пребывания начальника артиллерии на войне — это либо теплая командно-штабная машина, либо благоустроенный командирский кунг, или основной вариант — натопленная штабная палатка начальника артиллерии в пункте временной дислокации войск».**

Да... Давненько вы не опускались до уровня артиллерии полка, что даже не знаете, что имеется по штату у начальника артиллерии. Какая КШМ? Какой командирский кунг? Какая отдельная палатка начальника артиллерии? Вы о чем говорите?

По штату у меня, начальника артиллерии, и во взводе управления начальника артиллерии были ПРП-4 (правда, новенькое — с завода) и гнилой БРДМ-2, который последний раз ездил лет пять назад. И это на штаб артиллерии (начальник артиллерии, старший помощник начальника артиллерии, помощник начальника артиллерии и начальник разведки штаба артиллерии) и на десять человек солдат и сержантов взвода с командиром взвода. Мне матрасы и имущество взвода некуда было грузить, а вы тут про командирский кунг толкуете. Командиры самоходных дивизионов и батарей в этом плане богаче были. Не буду грех таить, теплый кунг у меня все-таки был. Я попросил у командования автомобиль «Урал» для перевозки имущества взвода и офицеров, чтобы впоследствии на нем оборудовать кунг для себя и своих подчиненных офицеров. Но я тут же был вызван к командиру дивизии и жестоко «отодран». Меня обвинили в обмане, сибаритстве и в жесткой форме потребовали, чтобы я больше не поднимал вопроса об автомобиле. Ах так! Хорошо... Я обманом увел заштатное МТО-АТ на базе «ЗИЛ-131» в хоро-

3 декабря 1999 года. Палатка ЦБУ. (Теплая штабная палатка.)
Старший помощник начальника артиллерии майор Х. доводит до офицеров
планируемые огневые налеты

шем состоянии, безжалостно выдрал оттуда всю начинку и оборудовал для себя и своих подчиненных офицеров (5 человек) хороший кунг. В первые же дни боевых действий на трофейном прицепе оборудовал теплый кунг для своего взвода. Теперь у меня, у моих подчиненных офицеров и солдат было место, где тепло и светло, где они могли обсушиться, обогреться, перевести дух, в более-менее нормальных условиях поспать. Поверьте, это — немаловажное обстоятельство для поддержки психологического состояния воюющих.

Была большая и теплая палатка, только не начальника артиллерии полка, а штабная полковая. Где рядом друг с другом дежурили оперативный дежурный полка и дежурный артиллерист, который находился на постоянной связи со штабом артиллерии группировки и со всеми артиллерийскими подразделениями полка. Дежурный артиллерист принимал решение на открытие огня по поступающим командам сверху или в случае обострения обстановки на том или ином участке переднего края полка. А полк двухбатальонного состава занимал оборону на фронте 18 километров.

Рабочий день начальника артиллерии на войне, как и у остальных офицеров, составлял в основном 19—20 часов. Зачастую 20—22 часа. Так что на сон в кунге уходило от 2 до 5 часов. И это каждый день. Если взять за 100 процентов рабочий день начальника артиллерии, то его можно разбить на следующие сегменты.

10% времени уходило на совещания, отдачу указаний, постановку задач на день и на ночь, работу с документами. Иной раз сам лично дежурил у радиостанций. Это происходило, как правило, в штабной палатке.

5% времени занимали обход и проверка дивизионов, минометных батарей и ПТБ как на огневых позициях, так и на НП.

85% времени я, начальник артиллерии, проводил на переднем крае, рядом с командиром полка, и руководил огнем своей артиллерии. Любой командир мотострелкового полка, любой начальник артиллерии полка, воевавший в Чечне, подтвердит это.

Все перемещения подразделений вперед проходили под неусыпным контролем командира полка, а рядом с ним всегда работал со своей артиллерией начальник артиллерии. По-другому и быть не могло. Если бой планировался заранее, то саперная рота под покровом ночи оборудовала КНП полка почти под носом у противника. Исходя из обстановки КНП оборудовался минимум в 400 метрах от переднего края противника до 1200 метров, так, чтобы вся картина боя наблюдалась визуально. Саперная рота умела строить. Мы до сих пор вспоминаем просторные, удобные и порой уютные КНП командира полка. Да, в ходе боя иной раз приходилось в качестве КНП использовать и ямы, что вас, товарищ А. Кириллов, очень задевает. Один раз я занял НП на городской свалке на окраине Грозного, и ничего — три дня воевал. Командир роты третьего батальона тогда занял свой ротный НП на русском кладбище среди развороченных могил. Вспоминаю и КНП 21-й бригады ВВ. Узкий, мелкий и неудобный. Мне там выделили маленькую ячейку размером 80х60х100 см. Я туда втискивал свой большой оптический прибор, скрючивал ноги и в таком состоянии при минусовой температуре находился весь

25 декабря 1999 года. НП начальника артиллерии на мусорной свалке (Старопромысловский район). Боевики в 2,5 км впереди на высоте отм. 284.4

световой день, руководя огнем артиллерии. И так каждый день в течение недели. Да, конечно, можно было бы сидеть в ПРП и отсюда руководить огнем артиллерии, но так как я офицер «старой школы», то мне ближе и понятнее были открытые наблюдательные пункты. В ближайшем укрытии ставил ПРП, делал вынос связи в НП, расставлял приборы — и вот все поле боя перед моими глазами, без всяких ограничений. Да и с остальными проще общаться. Честно признаюсь, ни тепловизор, ни станцию СНАР я ни разу не использовал, и однажды мне было стыдно слушать рассказ одного из начальников артиллерии о том, как он ночами по тепловизору вычислял позиции боевиков.

Правда, война частенько подкидывала разные сюрпризы, не считаясь с должностями и званиями, да и с вашим мнением, что начальник артиллерии должен сидеть в КШМ или в теплой палатке. Люблю смотреть видеопленки боевых действий нашего полка (три часа времени), их записывал на маленькую видеокамеру наш начальник клуба. Особенно мне нравится фрагмент, как мы (разведрота, в том числе и я) 7 декабря 1999 года вышли на окраину поселка Кирово и сразу же сцепились с несколькими снайперскими группами прикрытия. И тот момент, когда я ползу по канаве, одновременно даю команду на перенос огня второму дивизиону, а по мне бьет снайпер. Тонко свистнула пуля, пройдя практически впритирку с головой. Вроде бы я должен ткнуться мордой в землю и затаиться, но я только шутливо заметил: «Во... снайпер лупанул». И пополз дальше. Я не хвастаюсь, просто это была обычная жизнь, обычная военная ситуация. Разведчики засекли позицию снайпера, ночью пробрались в здание мукомольного комбината и на девятом этаже нашли его лежку. Сверху на стене углем была сделана надпись: «Здесь работал снайпер Махмуд. Смерть офицерам!» Кстати, он здорово досаждал нам и 15-му полку. День работал у нас, день — у соседей в Черноречье, на следующий день опять у нас. 19 декабря он в 15-м полку сразу убил троих офицеров, четвертого ранил. Ранил еще девять солдат, когда они пытались вытащить тела офицеров и раненого.

За два дня до этого, 17 декабря, командир полка оставил меня на этом же участке изучить и вникнуть в неясную на тот момент обстановку. После его отъезда я остался единственным офицером на данном участке обороны. Через час обстановка резко изменилась: начальник инженерно-саперной службы полка и восемь сопровождавших его солдат на ИМР были внезапно атакованы боевиками, и мне пришлось поднимать саперную роту в дикую, лобовую атаку по открытой местности на высоту, занятую боевиками, для того чтобы отвлечь на себя их огонь и дать возможность попавшим под обстрел оторваться от напавших. Задача атаки была выполнена, саперы вырвались из западни, отделавшись двумя легкоранеными. Правда, ИМР была подбита и сгорела. Через месяц после прорыва боевиков из Грозного в числе трофеев нам попался чеченский «Журнал боевых действий за Грозный». Там я прочитал следующие строки: «17 декабря 1999 года группа ополченцев в районе н.п. Кирово атаковала и уничтожила ракетную установку «Ураган». Установка была уничтожена и вместе с ней группа прикрытия в

7 декабря 1999 года. НП в канаве на окраине пос. Кирово.
До боевиков 200 метров. В центре старший сержант А. Шароборин.
Он погибнет 17 января 2000 года в бою вместе с генералом Малофеевым

количестве восьми человек. Успешно отразив три атаки русских, уничтожив при этом еще одиннадцать русских солдат, ополченцы благополучно отступили...»

Интересно, сколько фальшивых долларов было выдано в качестве вознаграждения за уничтоженную «ракетную установку» и русских солдат?

5, 6 или 7 января 2000 года, точно числа не помню, волей случая я на своем ПРП с четырьмя своими солдатами и БМП с отделением разведки разведроты оказались в городе Аргун в тот момент, когда его захватывали боевики. Коварно захватывали. Большая группа возбужденных женщин собралась у городской комендатуры. Комендант города и его офицеры, ничего не подозревая, вышли к ним, чтобы разобраться с причинами возбуждения. Толпа внезапно напала на них и практически разорвала офицеров. Это и послужило сигналом для проникших в город боевиков. Они напали на все пункты, где располагались наши военнослужащие. Уцелевшие сумели с боем отойти на вокзал, где закрепились и продержались до прихода наших через двое суток. Я в этот момент на двух машинах метался по городу, пытаюсь найти колонну генерала Малофеева, от которой оторвался. Насторожившись от того, что на улицах находились только мужчины, я в очередной раз остановился и связался по радиостанции с генералом, наблюдая за тем, как две наши машины стали окружать чеченцы. Правда, пока без оружия, что и останавливало меня дать команду «Огонь», хотя бойцы были готовы выполнить мой приказ. «Духи» даже не сомневались, что они сейчас без единого выстрела захватят растерявшихся, как они думали, русских. Наблюдая за приближавшимися боевиками и убедившись, что генерал в безопасности и движется в сторону полка, я выждал и дал команду механику: «Дави!»

С дикими воплями, визгом, опрокидывая друг друга, «духи» выскальзывали из-под гусениц и разбегались в стороны. Мы вырвались из города и благополучно практически вернулись в полк, где я получил хороший втык от командира полка за то,

что отстал от колонны. О подробностях захвата боевиками городов Аргун и Шали, а также разгрома нескольких наших крупных автоколонн я узнал на совещании в Ханкале и пожалел, что не отдал тогда приказ на открытие огня.

17 января 2000 года я со своим разведчиком А. Шаробориным с группой генерала Малофеева выдвинулся в Старопромысловский район. Генерал хотел разобраться, почему штурмовые группы ВВ, захватившие овощехранилище, не идут вперед. А я должен был узнать, почему мои корректировщики слабо ведут огонь. Простое разбирательство на месте плавно перетекло в просачивание нашей группы вместе с взвэшниками в ближайший тыл боевиков и захват цеха, где мы вступили в бой и были окружены. Генерал погиб, как настоящий русский офицер, в бою. Погиб и старший сержант Шароборин, а нам поодиночке пришлось пробиваться к своим.

Мой старший помощник майор Х. был ранен в ногу, но отказался от госпитализации, сказав: «Пока мы не возьмем эту высоту, в госпиталь не лягу». И в течение нескольких дней сходил в семь атак, пока высота не стала нашей.

Командир первой минометной батареи старший лейтенант И. был ранен минометным осколком в голову, но тоже отказался от госпитализации и еще две недели руководил своей батареей. И так воевали многие и многие.

Так что теплые палатки и кунги мы видели и ощущали их тепло только поздней ночью.

Ну а теперь о том, с чего начался наш спор, — о рубеже безопасности. Вы невнимательно прочитали мою статью, особенно то место, где я пишу: ***«Итог: исходя из собственного боевого опыта, могу сделать следующий вывод — принимая то или иное решение в боевой обстановке, трезво оцените реальную ситуацию, возможности своего подразделения и, главное, не переоцените свои. Считаю, что рубеж безопасного удаления огня каждый артиллерийский офицер должен определять, учитывая сложившуюся реальную боевую обстановку».***

Из этих слов видно, что я не отказываюсь от этих 200—400 метров рубежа безопасного удаления, как он описан в Боевом уставе. Я лишь говорю — уверен в себе. Уверен в своем подразделении. Что ж, ради того чтобы помочь пехоте, почему бы и не сократить рубеж безопасности. Не уверен — тогда есть эти 200—400 метров, и никто тебя не осудит. Но главное, что хочется сказать, не надо **трусливо** прятаться за статьи устава, наставлений, когда необходимо срочно принять решение и взять за это на себя ответственность.

Вы пишете, что содержание вашей статьи и таблицы предназначены для разведчиков и спецназовцев. Их, внештатных артиллерийских корректировщиков из разведчиков и спецназовцев, надо просто обучать, организовывать хорошие, на солидной основе сборы. Как минимум месяц, по окончании которого дать пострелять на полигоне каждому до 20 снарядов. Чтобы корректировщик не только выполнил простейшую артиллерийскую задачу, но и «погонял» снаряд по полю, почувствовал, как от его изменений корректур снаряд «гуляет» по полигону. Вот тогда будет толк.

2 января 2000 года. КНП полка. Позиции боевиков — в «зеленке» и в разрушенных зданиях на заднем плане в 400 метрах

Давайте посмотрим глазами тех же разведчиков и спецназовцев на тот случай, когда нужно вызвать огонь артиллерии. Хочу напомнить, что задачи этих разведгрупп — не ведение боевых действий или уничтожение противника, а разведка, банальное добывание информации. И в бой эти группы ввязываются только тогда, когда их обнаружили и зажали. Как правило, превосходящими силами. Вот зажали в «зеленке» группу, в ней разведчик-арткорректировщик, с которым накануне полковой артиллерист в течение нескольких часов проводил занятия по корректировке. Рассказывал о НП и ОП и о том, что он (корректировщик) должен всегда помнить, с какой стороны от траектории полета снарядов должен находиться НП. Глядя в широко раскрытые удивленные глаза разведчика, полковой артиллерист рассказывал про правило «правой и левой руки» и о многих других артиллерийских штучках, которые изучаются месяцами. Вы что думаете, что этот разведчик, отбиваясь изо всех сил от боевиков на расстоянии 40—50 метров, в лесу, когда он перебегает с одного места на другое, даст на ОП точные координаты или хотя бы нормальную команду? Да никогда. Ситуации иной раз были такие, что даже нормальный артиллерист в бою не сразу сообразит.

17 января 2000 года. Я вырвался с остатками вэвэшников из цеха, где погибли генерал Малофеев и мой разведчик. Моя радиостанция разбита. Есть только связь с командиром вэвэшников — позывной «Пихта», у него на русском кладбище развернуты три минометные батареи. Принимаю решение нанести по занятому боевиками цеху огневой налет минометами. Цель от нас в 50 метрах. ОП минометчиков в 4,5 км. А это практически огонь на себя. Открываю карту и передаю открытые координаты, а меня не понимают. Координаты X=00 000, Y=54 300, H=154 (это реальные координаты цеха, где погиб генерал). «Пихта» не понимает координаты «X», и все тут, как бы я ему по радиостанции ни объяснял про пять нулей и другие варианты. Лишь после того, как я его обматерил и прика-

зал посмотреть на карту, только тогда «Пихта» все понял и открыл огонь.

Часто, наблюдая со стороны за работой артиллеристов, глядя, с какой легкостью они руководят корректировкой, многие разведчики, да и другие офицеры считают, что так же легко смогут работать с артиллерийскими подразделениями. Эта болезнь не обошла и наш полк. С начала боевых действий не сложились отношения между моими артиллеристами и полковой разведкой. К концу ноября разведчики возомнили себя подготовленными корректировщиками, способными грамотно и толково руководить огнем. Вступали в споры с артиллеристами и пытались навязывать свое видение решения разных артиллерийских проблем. День прозрения настал 3 декабря 1999 года. Разведрота готовилась сделать бросок и захватить важные позиции. Командир разведывательной роты капитан Н., умный, грамотный офицер, но в силу своей молодости чересчур самонадеянный, впервые в категорической форме отказался от офицера-корректировщика.

— Товарищ подполковник, я и сам срулю, если что, — с апломбом заявил молодой офицер.

Рота пошла вперед, а через 15 минут была атакована с трех сторон превосходящими силами противника. Первую команду капитан Н. подал довольно уверенно и быстро. Но когда я дал первый залп по его координатам, то ни дальнейшей корректировки, ни еще чего-то добиться от него не мог. Он просто перестал мне отвечать. Ну а я не мог стрелять, так как не знал, где наши, а где боевики. И лишь увидев на гребне холма отступающую цепь разведчиков, я дал команду на открытие огня, чтобы отсечь боевиков от наших. Результат неудачного боя — трое раненых: двое тяжело, один легко. Вернувшись, капитан Н. подошел ко мне и честно признался в своих заблуждениях. На мой вопрос, почему он не отвечал, офицер откровенно сказал: «Борис Геннадьевич, первую команду я еще подал, но потом у меня просто не было времени не только корректировкой руководить, но даже вам отвечать. Я понял одно: каждый должен

заниматься своим делом: командир роты — руководить боем, а артиллерист — руководить корректировкой. Давайте дружить».

После этого никаких разногласий в полку между артиллеристами и разведчиками не было.

Или еще показательный случай, закончившийся трагически.

27 декабря 1999 года группе спецназа была поставлена задача захватить в Старопромысловском районе жилые здания, являвшиеся ключевой позицией на данном направлении. Закрепившись в них, они должны были «вытаскивать» на себя остальных и с их помощью продвигаться вперед, расширяя захваченные позиции. В качестве корректировщика им придали командира минометной батареи. Капитан-артиллерист оказался трусом и непосредственно перед атакой напился до такой степени, что его не могли растолкать. Майор, старший группы спецназовцев, принимает решение: «А, ерунда, пойдем без него... Я видел, как артиллеристы корректируют...»

В результате безграмотной корректировки майор вызвал огонь минометной батареи на себя — семь трупов и куча раненых спецназовцев. Атака была сорвана, что`потянуло невыполнение задач другими подразделениями. Я застал концовку напряженного разговора между майором спецназа и начальником артиллерии, откуда был капитан-минометчик, над телами погибших спецназовцев, завернутых в блестящую пленку.

— ...Вот смотри, артиллерия: я их всех не один год знаю. Не один гекалитр водки вместе выпит, не на одну операцию вместе ходили. Я их жен, детей прекрасно знаю, и они меня тоже. И я их убил из-за этого трусливого капитанишки. Как я вернусь обратно? Как я им в глаза смотреть буду? Майор, пойми, у меня сейчас только один выход — это смерть в бою. Но перед этим отдай мне капитана, и мне легче умирать будет. Отдай, я прошу...

Как говорится, без комментариев. Но комментарии все же необходимы.

Корректировкой должен заниматься артиллерист или же хорошо (подчеркиваю, хорошо) подготовленный внештатный спецназовец, о чем я писал выше.

В 2003 году, когда я уже был на пенсии, ко мне обратилась группа спецназовцев, знавших меня как артиллериста по первой и второй чеченским войнам. Обратились с просьбой провести с ними трех-, четырехчасовые занятия по корректировке. Они через две недели уезжали в командировку в Чечню и должны были действовать в горной местности. Я согласился и организовал занятия на базе полкового лазерного артиллерийского полигона. Результаты меня поразили. Во-первых, я удивился тому, как много должен знать и уметь арткорректировщик. Во-вторых, 3—4 часа это крайне мало. В-третьих, чем больше я рассказывал, тем больше они запутывались в обилии понятий, способов и методов корректировки. После занятий понял, что у них в головах мешанина. Не от того, что я бестолково объяснял, а от того, что они не были готовы к занятиям, считая корректировку «плевым делом». После всего этого я сделал им встречное предложение.

— Договаривайтесь со своим начальством. Мне не нужна зарплата — деньги у меня есть. Я увольняюсь с работы, еду вместе с вами и буду ходить с каждой группой в качестве корректировщика, благо я в прекрасной физической форме...

Их начальство отказало. Впоследствии им пришлось действовать на равнине и в других операциях без привлечения артиллерии.

Хочу немного сказать насчет осколков снарядов, которые могут поразить наших бойцов при близком разрыве снарядов. Это только в кино: наш дал очередь — и десять немцев, смешно дрыгая ногами и руками, падают убитыми. Показал командир позицию вражеского пулеметчика — и через минуту туда прилетает снаряд, а из окопа в одну сторону вылетает пуле-

мет, а в другую — сам пулеметчик. На настоящей войне, не киношной, все по-другому. Осколочно-фугасный снаряд, прежде чем разорваться, углубляется в землю сантиметров на 50—80. И от 50 до 80 процентов осколков остается в земле, а остальные под углом 70—80 градусов уходят вверх и падают за спинами атакующих. Так что находиться в 20—30 метрах от разрыва снаряда достаточно безопасно. В крайнем случае можно получить контузию или же ранения фрагментами грунта. Я знаю около десятка случаев сокращения рубежа безопасности до 30 метров до своих, и не было ни одного случая поражения осколками. Страшно здесь лишь прямое попадание или близкий (5—10 метров) разрыв снаряда. В этом плане гораздо опаснее для живой силы минометный разрыв, где осколки буквально стелются по земле и выкашивают все кругом.

Да, я во многом согласен, что опыт локальных войн не подходит для полномасштабной войны, где придется применять на 80—90% все статьи уставов, наставлений и различных руководств, в полном объеме выполнять все мероприятия в подготовке и открытии огня.

Но меня беспокоит другое. Изношенное и старое артиллерийское вооружение, минимальнейшие поставки новой техники и вооружения в подразделения, сокращение артиллерийских училищ, сокращение срока срочной службы до одного года, контрактники, которые не внушают доверия, и так далее, и тому подобное...

В первую чеченскую войну мы, артиллеристы, не испытывали нужды в различных боеприпасах. Сколько нам было надо — столько и поставляли. После первой войны я был в командировке на одном из складов ГРАУ, где мне рассказали, что с этого склада ежедневно отправляли в Чечню по эшелону артиллерийских снарядов и за полтора года такой поставки сумели вывезти лишь 10% запаса данного склада. Меня это очень обнадежило — есть в стране запасы. Но во вторую войну картина изменилась. С самого начала не стало осветительных ра-

кет. Потом мы стали ощущать капитальнейший недостаток осветительных снарядов. Причем 30% осветительных снарядов были негодными: смерзшиеся парашюты не раскрывались или не загорался сам факел. В январе 2000 года мы столкнулись с фактом отсутствия осколочно-фугасных снарядов переменного заряда, и нам из-за этого поставляли снаряды на полном заряде или, что еще хуже, на специальном заряде, что снижало по известным причинам эффективность артиллерийских подразделений. Я уже не говорю о том, что применение данных зарядов приводило к выходу из строя сначала противооткатных устройств, а уж потом остальной самоходки. Много было вопросов и к самим снарядам. В результате неправильного хранения на складах усиленные крышки в гильзах разгерметизировались и внутри гильз было достаточно много воды. Скорость горения пороха снижалась — снижалась точность, я уже не говорю о дальности полета снаряда. Непременным атрибутом пейзажа Чечни являлись торчащие из земли неразорвавшиеся ракеты «Ураганов», что тоже говорило о ненадлежащем хранении боеприпасов. В нашей Свердловской области есть завод, который выпускает тротил для начинки снарядов. В результате отсутствия оборонного заказа предприятие обанкротилось. Государство ничего не сделало для того, чтобы сохранить это предприятие. И это тоже меня беспокоит как офицера и гражданина...

Р. С. Большое спасибо вам, товарищ А. Кириллов, за то, что вы втянули меня в этот спор. Он всколыхнул целый пласт воспоминаний. Каждый из нас имеет свой опыт, свой взгляд на артиллерию, и после этого спора каждый из нас останется при своем мнении. Да ради бога. Если какой-нибудь артиллерист или не артиллерист почерпнет из наших статей хоть крупицу чего-то полезного, крупицу нашего с вами опыта — это и есть самое главное.

Хотелось бы, чтобы к нам присоединились и другие артиллеристы и поделились своим опытом и видением дальнейшего развития артиллерии.

Борис ЦЕХАНОВИЧ

ЧТОБЫ АТАКА НЕ ЗАХЛЕБНУЛАСЬ...

В своей статье «Рубеж между жизнью и смертью» А. Кириллов высказывает несогласие с требованием сокращения дистанции безопасного удаления наших войск от разрывов своих снарядов для повышения эффективности атаки на позиции противника. Поскольку этот материал является откликом на мою статью «Рубеж безопасности», постараюсь ответить на основные вопросы, поднятые в данной публикации.

В статье Андрея Кириллова были обозначены факторы, влияющие на подсчет офицером-артиллеристом величины рубежа безопасного удаления (далее — РБУ) пехоты от разрывов своих снарядов (в том числе точность определения установок для стрельбы, максимальный радиус разлета убойных осколков, рассеивание снарядов по дальности, дальность стрельбы и др.). Теперь рассмотрим те факторы, которые влияют на величину РБУ, с точки зрения общевойскового командира.

После того как наш артиллерийский огонь по оборонительным позициям пехоты противника прекращается либо переносится в глубь ее обороны, вражеской пехоте требуется некоторое время, чтобы выйти из укрытий, занять свои позиции и быть готовой к отражению атаки (далее — время изготовки). В свою очередь, атакующей пехоте требуется некоторое время, для того чтобы преодолеть расстояние, отделяющее ее на момент прекращения (переноса) огня от оборонительных позиций противника (далее — время броска). В том случае, если время броска атакующих больше, чем время изготовки обороняющихся, атакующей пехоте придется часть времени наступать под огнем противника. Чем дольше атакующим придется находиться под огнем обороняющейся пехоты противника, тем выше вероятность, что атака захлебнется.

Разумеется, и время изготовки обороняющихся, и время броска атакующих сильно зависят от конкретных условий и

конкретного противника, но ряд цифр, которые можно использовать в качестве ориентировочных, следует привести.

По опыту Второй мировой войны немецкая пехота обычно была в состоянии открыть огонь по атакующим через 8—12 минут после переноса артогня. В некоторых случаях немцам удавалось сократить время изготовки до 4—5 минут (Боевой опыт артиллерии. М.: Военное издательство Министерства вооруженных сил СССР, 1946, с. 201).

Может возникнуть вопрос: а почему так долго? Ведь, для того чтобы вылезти из подбрустверной ниши или блиндажа и добежать до своей огневой позиции, требуется лишь несколько секунд. Дело в том, что побывавшему под обстрелом нужно сначала понять, что огонь перенесен с его позиции, прийти в себя и только после этого занять позицию и изготавиться к ведению огня.

Теперь приведем цифры, с какой скоростью могла сближаться наша пехота с немецкими позициями.

При сближении бегом в среднем скорость составляла 100 метров за 2,5—3 минуты (30—40 метров в минуту).

В боях на Карельском перешейке в июне 1944 года при планировании прорыва исходили из того, что 150—200 метров пехота преодолет за 5—8 минут, что дает скорость 100 метров за 3,3—4 минуты. При сближении бегом при глубоком снежном покрове с преодолением рытвин, ям и воронок — 100 метров за 5 минут. При сближении перебежками в среднем скорость составляла 100 метров за 8 минут (там же, с. 184, 193, 201, 212, 320).

Аналогично может возникнуть вопрос: а почему так медленно? Ведь средняя скорость идущего (даже не бегущего) человека считается равной 5 км/ч, или 83 метра в минуту. Дело в том, что сближение осуществляется не по ровной местности, бойцы, как правило, нагружены боеприпасами и вооружением, двигаются нередко в полусогнутом положении, стреляя и перезаряжая оружие на ходу.

Понимая всю ориентировочность приведенных цифр, попробуем подсчитать, сколько времени потребуется атакующей

пехоте для преодоления 400 метров, если РБУ назначен именно таким, и сравним с временем изготовления обороняющихся.

При сближении бегом в общем случае потребуется 10—16 минут.

При сближении бегом при снежном покрове — 20 минут.

При сближении перебежками — 32 минуты.

Как наглядно видно из приведенных цифр, расстояние в 400 метров атакующая пехота успеет преодолеть до открытия по ней огня пехотой противника только в том случае, если мы принимаем в расчет наиболее быструю скорость сближения атакующих и практически наиболее медленную реакцию обороняющихся, что в общем случае чересчур оптимистично. В остальных случаях атакующие гарантированно попадают под огонь обороняющейся пехоты.

Здесь следует сделать небольшое отступление. Вот что указывалось в Объяснительной записке к вышедшим сразу после Второй мировой войны Правилам стрельбы наземной артиллерии 1945 года (п. 380): «Задача подавления и уничтожения огневых средств пехоты противника в решающие моменты атаки имеет столь важное значение, что с возможностью отдельных случайных поражений осколками своих снарядов не приходится считаться». Там же, описывая движение пехоты за огневым валом, указывается: «При подходе на 200—250 метров к... рубежу [огневого вала] пехота подает условный сигнал о переносе огня». То есть пехота в момент наибольшего приближения к разрывам своих снарядов во время атаки была от них на расстоянии 200—250 метров. И это при том, что в той же Объяснительной записке применительно к неподвижному заградительному огню (п. 361) указывается, что норма удаления разрывов при нахождении нашей пехоты вне укрытий устанавливается в 400 метров. Эта норма удаления складывалась из максимально возможного отклонения отдельного разрыва от средней точки падения снарядов (200 м) и расстояния, на котором осколки 122—152-мм снарядов сохраняют убойную силу (еще 200 м).

Столь существенное отличие нормы удаления при поддерж-

ке атаки пехоты огнем валом (200—250 м) и при постановке неподвижного заградительного огня (400 м) объясняется необходимостью обеспечить атакующей пехоте возможность достигнуть оборонительных позиций противника до того, как он сможет открыть огонь по атакующим. Риск того, что пулеметы противника выкосят атакующих, считался куда более значимым, чем риск поражения отдельных солдат осколками своих снарядов. Фактически санкционировался завод атакующей пехоты в опасную близость от разрывов своих снарядов.

Если мы не хотим заводить атакующую пехоту в опасную близость от разрывов своих снарядов и не хотим, чтобы ее выкосил огонь обороняющихся, то при организации взаимодействия пехоты и артиллерии необходимо сделать так, чтобы РБУ был не дальше от оборонительных позиций противника, чем расстояние, которое в конкретных условиях подразделение атакующей пехоты может преодолеть до открытия по ней организованного огня обороняющимися. Не всегда это можно реализовать полностью, но стремиться максимально сократить величину РБУ нужно всегда. «Уставную» дистанцию в 400 метров нужно по возможности сокращать.

Подчеркну — я не призываю заводить войска в опасную близость от разрывов своих снарядов. Речь идет о том, чтобы тактическими приемами сокращать опасную дистанцию.

Приведу в качестве примера описание тактики боевиков, использованной в Чечне, из книги Николая Гродненского «Первая чеченская»: «На штурм горы арабы идут, как правило, группой из 20 человек. С собой — три миномета... Под прикрытием минометов поднимаются по склону. Причем с какой-нибудь соседней высоты их может поддерживать еще и снайпер. К моменту завершения минометного обстрела арабы «выныривают» уже перед самым носом обороняющихся бойцов. И начинается сплошной автоматный огонь. Да такой, что головы не поднимать... Если вовремя не «просчитать» их действия, то 15—20 подготовленных наемников могут взять взводный опорный пункт на горе буквально за 30—40 минут...»

Здесь «выныривание перед самым носом обороняющихся» означает, что дистанция, на которую атакующие сблизилась перед прекращением минометного огня, намного короче «уставных» 400 метров. Причины, по которым РБУ сократился, очевидны — близость расположения миномета к обстреливаемой позиции и меньший радиус разлета убойных осколков мины. Играет свою роль и нахождение атакующих ниже точек падения мин.

Полагаю, что изложенное выше показывает, что имеются основания не рассматривать «уставные» 400 метров как непреклонное требование для любых ситуаций и условий.

Следующим вопросом, поднятым в статье «Рубеж между жизнью и смертью», был вопрос увеличения риска удара по своим войскам при попытках сократить величину РБУ. Следует признать, что такой риск действительно возрастает, но только при наличии двух факторов: а) нахождение своей пехоты ДО начала открытия огня ближе, чем расчетная величина РБУ и б) невозможность предварительной пристрелки.

Например, если своя пехота находится на расстоянии 250 метров от позиций противника, а в целях соблюдения внезапности артналета пристрелку провести нельзя (иначе противник поймет, что по нему пристреливаются, и попрячется в убежища), тогда действительно пехоту нужно отводить назад, чтобы не попасть под первые залпы своей артиллерии. В случае если своя пехота начинает сближение с оборонительными позициями противника с дистанции большей, чем расчетная величина РБУ, у артиллеристов имеется достаточно времени, чтобы скорректировать огонь и вывести разрывы туда, куда они предназначаются.

Если своя пехота находится ближе, чем расчетная величина РБУ, но имеется возможность провести пристрелку, то безопасность пехоты также может быть обеспечена. Например, делают заведомо «перелетные» выстрелы, а потом разрывы постепенно подводятся к позициям противника уменьшением величины «перелета» без производства «недолетных» выстрелов.

Известны случаи, когда проводилась артподготовка, а наша пехота занимала при этом исходное положение в 100—150 метрах от переднего края обороны противника. Правда, такой артподготовке предшествовала очень тщательная пристрелка.

Наконец, следует отметить, что само по себе назначение РБУ в 400 метров не означает, что ошибка в 400 метров невозможна. Удар по своим возможен при нахождении своих войск как на РБУ в 400 м, так и на большей дистанции, хотя риск намного снижается.

Завершая ответ на этот вопрос, следует подчеркнуть, что после получения первых наблюдаемых разрывов и внесения соответствующих корректировок дистанцию безопасного удаления можно сокращать.

Еще один вопрос касался необходимости самой постановки проблемы сокращения РБУ при существовании такого тактического приема, как ложный перенос огня. Безусловно, ложный перенос (ложное прекращение) огня — один из действенных тактических приемов, способствующих успеху в бою. Однако, как практически любой другой тактический прием, он может быть парирован обороняющейся стороной. Сам по себе он основан на том, что обороняющаяся пехота, услышав, что обстрел своих наземных позиций прекращен, стремится занять их для отражения атаки. Чтобы парировать тактику ложного переноса огня, занявшие оборонительные позиции покидают свои убежища только после перехода пехоты противника в атаку или, точнее, после подхода атакующей пехоты на дистанцию, делающую невозможной для артиллерии атакующих возобновление огня по прежнему рубежу. То есть покидание убежищ связывается не с прекращением огня по обороняемой позиции, а именно с подходом пехоты противника на заранее установленную дистанцию.

Покидание убежищ происходит только по сигналу, поданному специально назначенными наблюдателями. Позиции таких наблюдателей стремятся расположить в местах, обычно не обстреливаемых артиллерией атакующих в ходе артиллерий-

ской подготовки, например, впереди заграждений перед передним краем обороны (в скрытой огневой точке, выдвинутой вперед траншее) либо несколько в тылу. Сигнал такие наблюдатели могут подавать не только голосом (свистком) или по радио, но и стрельбой по противнику очередями заранее согласованной длины. Кстати, огонь таких наблюдателей также замедляет сближение пехоты атакующих с обороняемыми позициями и дает дополнительное время для подготовки к отражению атаки. Функцию таких наблюдателей может выполнить и собственная артиллерия обороняющихся, которая откроет огонь по сближающемуся противнику.

В связи с существованием «контрприемов» для придания эффективности ложным переносам огня атакующим нередко нужно имитировать не только перенос огня, но и пехотную атаку.

«Киношный» способ с показом из своих окопов чучел, одетых в солдатское обмундирование, и с имитацией шума атаки (криков «ура», стрельбы, бряцание котелками), полагаю, известен почти всем. А вот о том, что приходилось выделять отдельные подразделения для имитации пехотной атаки во время ложного переноса огня, — известно меньше. Эти подразделения «притягивают» на себя весь огонь вражеской обороны и могут понести значительные потери.

Еще одна проблема ложного переноса огня — в момент обратного переноса огня на передний край обороны противника его точность и действенность могут снизиться.

«Недостатками здесь могут являться: во-первых, одновременный, немассированный перенос огня, что, несомненно, снижает его эффективность; во-вторых, вертикальная наводка орудий и минометов, выполняемая наспех, не отвечает тому положению средней траектории, которое было до переноса огня в глубину. В результате этого траншея противника будет поражаться незначительным количеством отдельных снарядов и мин» (Боевой опыт артиллерии, с. 160).

Поэтому встречаются рекомендации меньше трех ложных переносов огня не делать (результат не оправдывал затрат). О

рекомендациях делать два-три ложных переноса огня говорится также в статье А. Кириллова «Рубеж между жизнью и смертью».

Разумеется, обмануть противника, тем более несколько раз подряд, удастся не всегда.

От ложных переносов огня и периодов молчания могут отказаться по тактическим соображениям — сокращая время артподготовки, чтобы противник не успел подвести резервы к атакуемому участку.

Одним словом, существование такого тактического приема, как ложный перенос огня, далеко не всегда означает, что пехота сможет беспрепятственно сблизиться с оборонительными позициями противника. Он не всегда снимает проблемы, которые решает уменьшение РБУ. Противопоставлять здесь не следует.

Наконец, была подвергнута критике возможность использования бронешитков, поскольку они будут только притягивать огонь противника.

Перед тем как отвечать на данный вопрос, хотелось бы сказать, что есть и «летний» вариант того же тактического приема. Имеются упоминания, что японцы во время войны в Китае «при наступлении вдоль улиц... вынуждены были применять различного рода укрытия, катили перед собой бочки с землей, защищавшие их от пуль». Об этом, например, писал А. Шталь в своей книге «Малые войны 1920—1930-х годов».

Поскольку принцип их использования одинаков, полагаю, что их следует рассматривать как разновидности одного и того же тактического приема.

Величина РБУ в значительной степени определяется радиусом разлета убойных осколков от разрыва снаряда (мины). Соответственно использование щитков может позволить сократить опасную дистанцию на величину этого радиуса (не полностью, но в значительной части). Цель щитков — защищать не от пуль противника, а от осколков своих снарядов во время сближения с его позициями.

Если сближение с бронешитками осуществлять не под прикрытием огня собственной артиллерии, то действительно их ис-

★ *Афган. Чечня. Боевой опыт*

пользование будет очевидно вредным для атакующих. Они будут только «притягивать» огонь противника.

Приведенный в статье «Рубеж между жизнью и смертью» пример из Финской войны как раз иллюстрирует, что функцию по обеспечению относительно безопасного сближения с противником щитки выполнили — они позволили пехотинцам добраться до финских надолбов. Если щиток застрял в надолбах, значит, пехотинец под его прикрытием до надолбов смог добраться. То есть преодолел расстояние, которое при отсутствии щитка было бы нужно преодолевать по открытому полю совсем без защиты.

Было бы странным ожидать, что с помощью щитков можно будет безопасно заползти в окопы противника.

Как практически любой тактический прием, использование бронещитков имеет свои ограничения (в том числе при движении в гору). Но это не означает, что его нужно отметить как заведомо неверный.

Андрей МАРКИН

ГОРНАЯ ПОДГОТОВКА

ВСТРЕЧА В ГОРАХ

Горные стрелки спускались с Эльбруса, а мы поднимались им навстречу...

Внесем в нашу книгу и маленький элемент чисто юношеской непосредственности. Перед вами материал, который пришел в «Солдат удачи» от юноши, собирающегося уходить служить по призыву в армию и считающего журнал своим лучшим другом. Очень интересен взгляд призывника, увлекающегося горным туризмом и альпинизмом, на бойцов горной бригады, с которыми его случайно свела судьба.

НУ И КАК ОНО — В ГОРАХ, ПО ПОЛНОЙ БОЕВОЙ?

В августе мы три недели провели в горах Приэльбрусья. Не буду рассказывать о наших занятиях (скальные, ледовые и т.д.) и о «выходах» на вершины (трех- и четырехтысячники). Расскажу о встрече с горнострелковой ротой.

За несколько часов до восхождения на Эльбрус я позвонил домой и сказал батю, что скоро мы пойдем туда, в ответ услышал: «О, так там сейчас рота одной из горных бригад, в новостях только что показали». Я обрадовался, что, возможно, увижу новый род войск «вживую».

Выгрузились у подножия Эльбруса, на канатной дороге проехали две очереди. Дальше — пешком. Вот мы уже вышли к альплагерю, который находится на конечной станции канатной дороги. За ней начинается ледник. Тут мы увидели двух бойцов, сидевших возле «канатки». Судя по экипировке, те самые, из горной бригады. Подойти к ним и пообщаться я не успел — надо было идти дальше.

Издалека мы увидели длинную цепочку солдат, которые спускались с седловины Эльбруса. Примерно возле «Приюта-11» (высота 4000 м) мы поравнялись, но находились по разные стороны ледника. Когда же перешли на их сторону, практически вся рота была уже внизу. Метрах в 50 от нас ниже по склону я увидел двух бойцов. Решил пообщаться. Не снимая рюкзаков, спустились к ним со своим другом Женькой. Как оказалось, это были контрактник (рядовой) и инструктор по горной подготовке. Разговор получился примерно следующего содержания.

— Здравствуйте, а вы из какой бригады?

Бойцы 33-й горной бригады

— Из 33-й, из Дагестана, — ответил инструктор.

— Ну и как оно — в горах, по полной боевой? — спросил я у контрактника.

Ответ был лаконичным:

— Ж... полная.

Тут друг хлопает меня по плечу, глядя на инструктора:

— Как бы вот этого к вам определить? А то ему в армию скоро.

— Да без проблем, — ответил инструктор, обращаясь ко мне. — Попадешь в часть, в которую пошлют, прослужишь там полгода, а потом напишешь рапорт на перевод к нам, в горную бригаду, подпишешь контракт.

— А без контракта никак?

— Нет, у нас только контрактники. Давай к нам, горники нам нужны. Вон, видели, рота прошла? Из всей роты ни один в горах не был! Я у тебя буду горную подготовку вести. — Инструктор посмотрел на значок «Альпинист России», который висел у меня на груди, и добавил: — Или не буду...

— На хрен оно тебе надо? Такие перегрузки даже космонавты не испытывают, — сказал мне контрактник.

Да, я его понимаю. Тут рюкзак со «снарягой» (килограммов 35) тащить тяжело, а у него такой же, весит не меньше, но вдобавок еще и пулемет с полным боекомплектom.

— Ха! Не, срочную отслужу и домой, — сказал я.

— Ну, не я эти контракты придумал, — ответил инструктор.

Разговор продолжался. И нам, и им было интересно.

— Так вы как, вообще с ходу на «седловину» пошли? — спросил Женек. — Горняшка (горная болезнь) никого не накрыла?

— Накрыла. Сначала двоих бойцов на подъеме, потом двоих наверху, ну и генералу досталось...

Мы еще немного поговорили, «сфоткались» и разошлись. Они вниз, а мы вверх — своих догонять.

«НЕПЕРЕВАРЕННЫЙ» СУХПАЙ

Скоро увидели, как наша группа поднимается на скалы, чтобы лагерь поставить, а несколько ребят стоят в стороне и чем-то набивают и без того полные рюкзаки. Рядом с ними стоят четыре бойца. Мы подошли. Бойцы «скинули» нам сухой паек.

— Держите, пацаны, вам нужнее, — сказал один из них.

— Ну, спасибо, пригодится.

— Мы запарились эти пайки туда-сюда тягать...

От редакции

Интересный момент. После восхождения роты на Эльбрус неоднократно отмечался тот факт, что специально разработанные для горных бригад сухие пайки, имеющиеся у бойцов, при всей своей калорийности, питательности и хороших вкусовых качествах не подходили для зоны высокогорья. На высотах свыше трех тысяч метров человеческий организм, подвергнутый предельной нагрузке в условиях недостатка кислорода, требует не белков и жиров (они вызывают лишь отвращение), а прежде всего витаминной «подпитки» (витамин С и группа витаминов В), углеводов, напитков с необходимыми добавками и т.д. (питание в зоне высокогорья — это отдельная тема для разговора).

Ребята спросили курева, у них ничего не было, но угостить их, к сожалению, было нечем — мы некурящие.

Поговорили еще немного. Они рассказали о том, что это у них первый выход, что их «выгнали» снаряжение испытывать, ну и о нелегкой службе говорили (ругались на горы). Один из них жаловался на «кошки», которые постоянно спадают, другой — на неподъемный рюкзак...

МЫСЛИ ВСЛУХ

Хочется как-то выразить возникшие тогда личные впечатления от этой встречи. Конечно, было заметно, что ребятам тяжело. Но они хорошо держались, были общительными и дружелюбными. А еще чувствовалось по их разговору, что, несмотря на «штормовое» состояние после восхождения на Эль-

Занимаются делом

брус, служба им интересна и их устраивает (иначе и не были бы здесь). Значит, они делом занимаются, а не ерундой.

Вот у нас в городе стоит полк ВДВ (7-й воздушно-десантной дивизии), солдаты какие-то «не такие»... В городе часто можно встретить этих десантников за занятиями, явно не связанными с воинской службой (например, разгрузка машин на оптовых складах). К таким подходишь поинтересоваться, как им служится, они опускают глаза и говорят: «Не хрен в армии делать!» Спросишь о боевой подготовке, ответят: «Слышь, пацан, отвали!»

Понятное дело, они в этом не виноваты. Шел в армию, а «попал» на склад или на стройку... Отсюда и раздражительность. Да, вывозят их на Раевский полигон, пострелять. Но я так понимаю, что выезд на полигон (раз в один-два месяца) не компенсирует повседневного идиотизма.

С «горниками» же, видимо, все несколько иначе. Ладно, может, эти бригады и «сколотили» наспех, чтобы отчитаться, может, и опытных инструкторов остро не хватает, и рядовые бойцы не

имеют горной подготовки. Но ведь эти бригады создали для того, чтобы учиться, а потом уже выполнять боевые задачи.

Ну а чего ожидать? Того, что горные стрелки сразу будут готовы выполнять задачи? Так не бывает. Они только начали учиться. Дайте несколько лет на их подготовку — тогда посмотрим.

НЕМНОГО ЮМОРА

Давайте опять вспомним вышеупомянутую 7-ю воздушно-десантную дивизию.

Как-то в одной из немногих военных передач по телевизору я увидел знакомые места. Присмотрелся — и узнал Раевский полигон, мимо которого я часто ездил в Новороссийск, а один раз довелось пострелять там на стрельбище. Так вот, в этой передаче один из старших офицеров рассказывал о том, что теперь 7-я дивизия стала «горной».

Да кто ее горной назвал?! Но в передаче говорили, что 7-я ввдд, единственная в ВДВ, располагает горным (!) полигоном. То есть имеется в виду Раевский полигон.

Да где вы там горы видели? Не горы, а сопки. Я это еще несколько лет назад понял, когда в походы ходить начал. После того как с Эльбруса вернулся, мне эти сопки кочками кажутся.

А дивизию надо было еще не только «горной», но и «водоплавающей» назвать, так как у нас море под боком. Дали бы акваланги — и вперед. А что? Вы только представьте: «7-я воздушно-десантная, горно-штурмовая, водоплавающая дивизия». Да американцы, если бы узнали, что в России такие части имеются, сразу бы потеряли интерес к Евро-Азиатскому континенту или изменили бы свою политику на более мирную...

Если же кроме шуток, то я это все к тому, что в таких «горах», как в Раевке, кроме теории, ничего горного быть не может. Но теории слишком мало, чтобы дивизию горной называть. Может, их на другие, горные полигоны учиться вывозят?

ЧТО НАС НЕ УБИВАЕТ, ДЕЛАЕТ НАС СИЛЬНЕЕ

Ну и напоследок о горной подготовке. Расскажу на своем опыте.

Что касается повышения квалификации (по альпинизму), мы подготовку проходили в Архызе и в Приэльбрусье, с инструкторами и членами Новочеркасского горного клуба.

Система простая. Организуется выезд в горы на 10—20 дней. Участников мероприятия разбивают на отделения, в зависимости от уровня подготовки.

«Первая ступень» — достижение квалификации, подтвержденное значком «Альпинист России». Для получения требуется пройти занятия — скальные, ледовые, снежные, на травянистом склоне, а также по теории — техника безопасности и первая медицинская помощь. После занятий — зачетные восхождения (две вершины по маршрутам сложности 1б и 2а).

«Вторая ступень» — третий альпинистский разряд. Занятия (расширенный курс) и восхождения (четыре вершины разных категорий сложности).

Ну и дальше — больше.

У нас ребята за 20 дней из новичков чуть-чуть недотянули до третьего разряда. Не хватило маршрута 2а на Эльбрусе, погода не позволила.

Чтобы получить хорошую горную подготовку (не горного туриста, а альпиниста) и более-менее уверенно чувствовать себя в горах, где и без боестолкновений довольно опасно, достаточно 4—5 выездов по 10—20 дней. То есть в среднем три месяца полноценной подготовки. Если взять контрактника горного подразделения, который служит как минимум несколько лет, срок становления сравнительно небольшой.

Вопрос в том, как целесообразнее готовить горного стрелка — по программе альпинистов или горных туристов? Зачастую склоняются к последнему варианту. Бесспорно, он оптимален для военного альпиниста. Но это очень непросто для людей, которые видели горы только на картинках.

Мне кажется, начинать надо с альпинизма, чтобы солдат привык к горам и научился обращаться со снаряжением. Иначе, если поспешить, можно «загнать лошадей».

С другой стороны, что нас не убивает — делает нас сильнее...

Ладно, говорить об этом можно долго, но решать, как на самом деле будет, все равно не нам.

Евгений ПОПОВ

ГОРЫ. ДОРОГА. ЗАСАДА. БОЙ

Северный Кавказ стал основной ареной террористических акций. Здесь активно действуют бандформирования, которые используют различные приемы и способы вооруженных действий. Сотрудникам милиции и военнослужащим внутренних войск противостоит хорошо обученный, коварный и мстительный противник. Использование чеченскими боевиками тактики организации засад, ведения диверсионно-разведывательных действий мобильными группами очень дорого стоит правоохранительным органам, участвующим в контртеррористических операциях.

Нападение на колонны из подготовленных засад всегда было тактически наиболее удобным и малонаказуемым видом боевых действий. Преимущество нападающих заключается во внезапности нападения, в использовании скрытых и выгодных для стрельбы позиций на тактически преобладающих высотах, обустройстве и организации засады в тактически невыгодном для колонны месте, где затруднены маневры техники и встречные атакующие действия. Задачей нападения на колонну является как уничтожение живой силы, так и грабеж ценного груза.

Хуже всего то, что ни бойцы, находящиеся в кузове автомобилей, ни командиры, ни тем более высокое милицейское начальство, несмотря на потери, часто не знают, что же все-таки нужно делать при нападении на колонну.

Надеемся, что настоящая публикация позволит получить эти дополнительные знания по проведению специальных операций и организации профилактических мероприятий при маршевых передвижениях колонн в условиях горно-лесистой местности.

ТАКТИКА ДЕЙСТВИЙ БАНДИТОВ ПРИ НАПАДЕНИИ НА КОЛОННЫ ИЗ ЗАСАД

Общий принцип нападения

В горах враг № 1 для противника — наша штурмовая авиация и вертолеты огневой поддержки. Поэтому для нападения выбирается нелетная погода. В момент нападения противник включает портативные приборы РЭБ (радиоэлектронной борьбы) и глушит нашу радиосвязь.

Головная походная застава (ГПЗ) пропускается вперед и отсекается от основных сил (вот почему ГПЗ должна быть очень сильной). В самой колонне подбивают 1-ю, 3-ю и последнюю единицы бронетехники. Это делается для того, чтобы заблокировать колонну. Обязательно «обездвиживаются» танки (потому что танк не сбросить с дороги). ГПЗ затем сковывается силами отдельной бандгруппы.

Огнем тяжелых средств из засады противник в первую очередь старается поразить опасные для него цели в следующей последовательности: САУ, танки, БМП, БТР, машины связи и уже потом — живую силу. С самого начала нападения по живой силе работают пулеметчики и снайперы. Наши потери при этом неоправданно возрастают по причине перевозки личного состава под тентом, спиной к противнику, на незащищенных и неприспособленных грузовиках.

Тактика построения засады

Тактика нападающих зависит от рельефа местности, на которой происходят события. На ровной открытой местности противник может действовать крупными силами, но он боится маневренной бронетехники, которая передвигается быстро и

уничтожает огнем цели на больших дистанциях. К тому же на равнине колонна может развить большую скорость, при этом намного уменьшая свои потери от обстрела из засады.

Поэтому противник старается организовать засаду в местах, где колонна вынуждена сбавить ход: в горных теснинах, перед туннелями и мостами, на спусках и подъемах, в горных кишлаках (с одной стороны — пропасть, с другой — крутой скат), в местах скопления горных туманов, на извилистых участках дороги, на узких и неровных дорогах, до и после поворотов дороги, на участках дороги, где ограничена видимость и где транспорт теряется из виду. Очень удобное место для засады — на скате перед поворотом дороги (или на скате, оставшемся после поворота), когда машины идут прямо на стреляющих или от них (см. рис. 1). В таком случае транспортные средства представляют собой цели, не имеющие для стрелков противника бокового смещения, а следовательно, цели почти неподвижные и наиболее поражаемые.

В любом случае нападающим для ведения огня необходимо, чтобы колонна оказалась на достаточно простреливаемом месте и не имела возле себя естественных укрытий. Засада может устраиваться и так, чтобы на противоположной от огневых позиций стороне были обрывы, крутые скаты, водные преграды, заболоченные места, чтобы военнослужащим из колонны негде было укрыться. Если же на рельефе такого нет, по

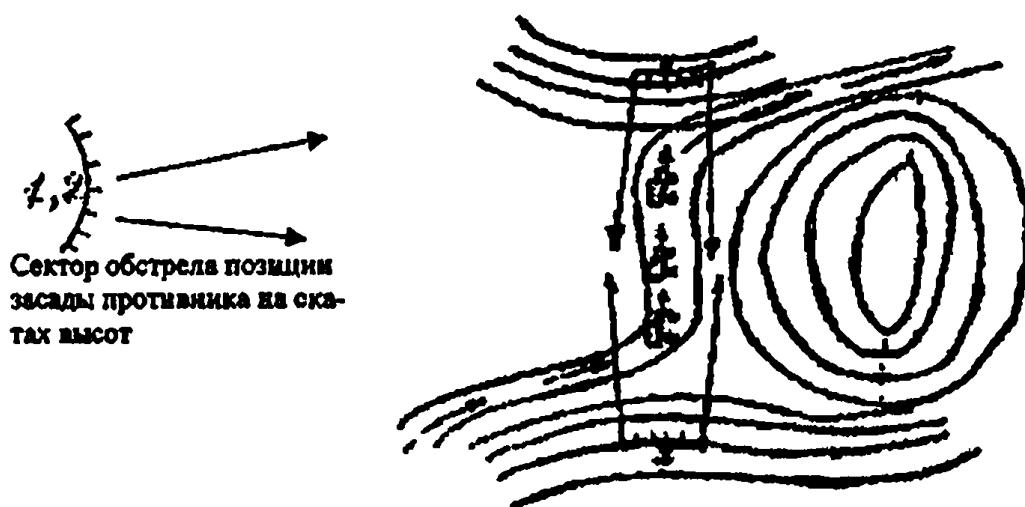

Рис. 1

другую сторону дороги могут быть минные постановки, пулеметки и снайперы противника. Противник очень не любит, когда колонна может «расползаться» в стороны — этим уменьшаются потери в колонне. Кроме того, для противника весьма нежелателен агрессивный переход живой силы колонны в наступление. Поэтому часто минируются обочины дороги, и огневые позиции засады устанавливаются за естественными непроходимыми препятствиями: обрывами, водными преградами и т.д., чтобы наступающие до позиций противника не дошли. Огневые позиции противника практически никогда не находятся на гребнях высот — там противник хорошо проецируется на фоне неба. Они располагаются на скатах, обращенных к дороге, в затененных или поросших кустарником местах, в нагромождениях камней или под этими нагромождениями. Перед такими позициями противника с вашей стороны будут «голые», ничем не поросшие места. Это или естественные, или искусственно расчищенные противником сектора обстрелов.

В горах боевики обычно делают засады согласно инструкциям, принятым для общевойсковой разведки во всех армиях мира. Обычно ближе к дороге расположена группа нападения, значительно выше ее — группа отвлечения и прикрытия, которая и начинает обстрел колонны и в начале событий приковывает к себе внимание попавших в засаду. Это дает возможность группе нападения скрытно маневрировать и наносить внезапные кинжальные фланговые удары по живой силе колонны в очень неожиданные моменты. При хорошей погоде в горах прямая видимость дальше, чем на равнине, но в долинах и ущельях бывает густая атмосферная дымка, утром и вечером туман. Видимость при этом хуже. Поэтому при плохой видимости больше вероятность расположения противника для засады ближе к подножию горы, где тумана меньше и видимость лучше. При туманах и низкой облачности группа прикрытия противника может располагаться невысоко и недалеко от дороги. При этом от группы нападения до позиций группы прикрытия и отвлечения могут быть оставлены следы.

При постановке засады противник обязательно просчитает, откуда и по каким дорогам к нам может выдвинуться помощь, какими силами и за какое время. Поэтому обычно в 2—3 км от засады противник может выставить группу задержки с соответствующими огневыми средствами или же заминирует дорогу для задержки или уничтожения колонны, выдвинувшейся на выручку своих.

Как правило, в наше время засады не делаются «на авось», а основываются на весьма достоверных сведениях, полученных противником различными путями (маршрут колонны, время выхода, численность бойцов, характер груза и т.д.). Постоянную информацию о выходе, следовании и приближении колонны противник получает от агентуры и наблюдателей с рациями, выставленных по маршруту движения (под видом сельских жителей), или же от наблюдателей, проезжающих мимо колонны на авто-, мото- и гужевом транспорте. Такие наблюдатели выставляются «по цепочке». Их заметно больше в местах транспортных развязок, на пересечении дорог и в местах с малой прямой видимостью.

Особенности засады в скальных лабиринтах

Огневые точки противника на скальных высотах, как правило, располагаются многоярусно — по скату выше и ниже друг друга. На скалистых скатах готовых и удобных мест для позиции встречается мало, поэтому нападающие заранее готовят себе укрытия, создавая их из нагромождения камней. Огневые точки верхних ярусов ведут огонь из дальнобойного легкого оружия (противотанковые гранатометы и пулеметы) по отдаленным целям или же используются для ведения прикрывающего и отвлекающего огня. Под прикрытием этого огня группа нападения противника, скрыто расположенная в складках местности или в «зеленке» где-то возле дороги, совершает неожиданный бросок с захватом пленных, груза и уничтожением живой силы.

Обычно противник старается в узком месте скального лабиринта подбить первую и последнюю машины, этим остановить колонну и затем расстреливать неподвижные цели.

В скалах, тесно примыкающих друг к другу, противник обстреливает колонны преимущественно из стрелкового оружия нормальных калибров, реже — из крупнокалиберных пулеметов и станковых гранатометов (это оружие с большим весом тяжело вручную переносить по горам). Применение противником минометов калибра 82 мм и более маловероятно — миномет тяжел, доставлять его трудно и долго, устанавливать на неровном скалистом основании неудобно, стрелять неэффективно. Незакрепленная минометная плита на скалистом грунте при стрельбе подсакивает и постоянно сбивает наводку. Кроме того, при коротких дистанциях извилистого лабиринта в скальном ландшафте миномет вообще малоприменим. К тому же в скальном лабиринте сектора обстрелов малы, поэтому «накрыть» огнем можно только небольшой участок дороги.

На скалах тяжело и неудобно размещать позиции для многих бойцов. В скалах тяжело прятаться от обстрела.

Исходя из вышеизложенного, в скальном лабиринте противник старается не связываться: с сильной колонной, имеющей мощную головную походную заставу из нескольких единиц бронетехники; с колонной, в которой самоходные артиллерийские установки (они способны стрелять почти вертикально вверх, под большими углами возвышения) идут вперемежку с грузовым транспортом, с длинной колонной, у которой начало уже скрылось за горой, а хвост еще не появился. При огневом отражении нападения в узком секторе обстрела на небольшом участке дороги вместе с грузовиком всегда окажется САУ, которая будет вести огонь чуть выше огневых точек противника, обнаруживающих себя дымками от выстрелов. Вызываемый разрывами снарядов камнепад накроет позиции стреляющих. Массированный огонь артиллерии и крупнокалиберных пулеметов снизу вверх вкупе с каменной осыпью превращает существование нападающих в ад.

Большая и сильная колонна в состоянии, не останавливаясь, «выбросить» силы, атакующие позиции засады пешим порядком снизу вверх при поддержке огня артиллерии. Поэтому луч-

шее, что может сделать противник, — это подбить (подорвать на фугасе) одну-две единицы транспорта и отсечь головную походную заставу от основных сил колонны, после чего «рассосаться» по горам. На большее у противника сил не хватит.

Особенности постановки засады в горно-лесистой местности

В такой местности скальные лабиринты отсутствуют, больше сектора обстрелов и дистанции стрельбы. Поэтому есть возможность ведения противником артиллерийско-минометного огня. В отличие от скальных лабиринтов, где дорога чаще всего единственная, в горно-лесистой местности может быть не одна дорога и могут быть объездные пути. В такой местности по противнику легче действовать штурмовой авиации.

В горно-лесистой местности лучше прохождение УКВ-радиоволн (в скальной встречаются зоны, где УКВ не проходят), грунт мягкий, поэтому легче производится минирование колеи, обочин дороги и подступов к позициям противника. Наличие «зеленки» повышает эффективность действий групп нападения противника.

Силы засады при этом невелики — обычно они составляют 18—20 человек, разбитых на тройки: пулеметчик, снайпер, минометчик. Позиции стрельбы располагаются на нескольких командно-тактических высотах в 500—800 метрах от дороги. Позиции эти расположены так, что они перекрывают огнем минометов отдельные извилистые участки дороги от участка к участку, чем в итоге перекрывается дорога на большом протяжении. Запас мин для миномета заранее, за несколько суток, часов, скрытно доставляется на позиции. Минометы доставляются на позиции непосредственно перед нападением. Место сбора перед нападением назначается в 5—7 км от места засады.

Полотно дороги, колея обычно не минировются, чтобы ничто не вызвало подозрений и чтобы колонна не пошла другим маршрутом. Для этого противник может заранее наглядно заминировать какие-то дороги, чтобы эти мины обнаружила разведка,

и начальство направило колонну по нужной дороге, где обустроена засада.

Если планируется грабеж груза и захват пленных, группа нападения, засевшая в «зеленке», по численности велика. Если же планируется уничтожение живой силы, группа нападения малочисленна — ее задачей в таком случае является расстрел из нескольких гранатометов передних и задних транспортных единиц (желательно танков) с целью остановить и заблокировать колонну (иногда для этого используются фугасы с радиоподрывом). После чего группа нападения отходит и выполняет функции прикрытия огневых минометных позиций.

Затем колонну начинают разбивать из минометов. Живая сила расползается из колонны и начинает подрываться на минах, установленных на обочинах и за обочинами. Бойцы возвращаются к машинам и пытаются укрыться за ними, но тут же становятся добычей пулеметчиков и снайперов. Минометы противника стреляют с закрытых позиций и поэтому недосыгаемы. Так, небольшими силами противник может удерживать длительное время на одном месте довольно большие колонны и планомерно истреблять их.

УДАР ИЗ ЗАСАДЫ. ВАШИ ДЕЙСТВИЯ

Подготовка к маршу

Итак, вам предстоит сложный марш. Алгоритм действий таков:

- подготовить машины;
- составить карточку маршрута с «привязкой» к карте, с указанием наиболее опасных участков и «привязкой» к карте Генштаба, мест устройства вероятных засад, находящихся рядом с ними тактических преобладающих высот, откуда можно вести огонь и наблюдение за колонной;
- на картах определить зоны невидимости с этих высот (чтобы знать, куда прятать транспорт и людей от обстрела);
- на картах обозначить ориентиры для авиации и реперы для артиллерийского огня;

- вместе со связистами выявить и обозначить на карте места, где УКВ-связь может теряться из-за превышения высот;
- определить позывные, радиочастоты для связи со своими штабами, силами поддержки авиации и артиллерии, определить порядок взаимодействия с этими силами;
- составить график движения колонны;
- определить порядок прохождения опасных участков (при необходимости спешивание и прохождение пешим способом, очередность прохождения) и порядок возможного боевого развертывания при различных вариантах боевых событий;
- заранее установить безопасные места привалов;
- обязательно иметь тросы для буксировки;
- еще раз проинструктировать личный состав, произвести тренировочное спешивание и оборонительное развертывание.

Основные принципы (приемы) продвижения колонны

Прежде всего колонна должна быть сильной. Особенно сильной должна быть ГПЗ (головная походная застава), состоящая из нескольких единиц бронетехники. ГПЗ может быть отсечена от основных сил колонны, и ей, возможно, придется вести бой самостоятельно. К тому же надо наглядно продемонстрировать противнику силу и мощь колонны — на крупную и сильную колонну нападение маловероятно. Впереди ГПЗ идет БТР, оборудованный специальной парой колес для разминирования — КМТ (колесный минный трал).

Снайперы и пулеметчики на броне ведут постоянное круговое наблюдение для обнаружения мест, потенциально возможных для постановки противником огневых точек, и сразу же определяют дистанции до них. Эта работа проводится ими постоянно в течение всего марша. При обнаружении противника огонь и целеуказание трассирующими пулями снайпер и пулеметчик производят самостоятельно без команды и как можно быстрее.

При обстреле сверху вниз нужно стараться ни в коем случае не останавливаться, любым способом необходимо вырвать-

ся из-под обстрела. Подбитую машину без ценного груза следует сбросить с дороги, с ценным грузом — по возможности попытаться отбуксировать в безопасное место.

Из ГПЗ по необходимости ведется превентивный (предупреждающий) огонь по опасным местам придорожного ландшафта («зеленке», скоплениям больших камней, сильнопересеченным местам, где могут находиться группы нападения противника).

На марше ведется постоянное круговое наблюдение из каждой машины каждым бойцом и командиром — только это позволит своевременно обнаружить и уничтожить противника. Наблюдение ведут все военнослужащие, поэтому они и сидят лицом к борту. Снайпер находится возле кабины и смотрит вперед. Каждому бойцу назначается сектор наблюдения в зависимости от направления движения, обеспеченности личного состава приборами наблюдения и рельефа местности. Наблюдение бойцы ведут в основном по близлежащему (не далее 300 м) ландшафту. Пулеметчик ведет наблюдение и осуществляет тактическую оценку более дальних и высоко расположенных объектов для обнаружения позиций прикрытия и отвлечения. При внезапной стрельбе из «зеленки» или из-за камней бойцы, сидящие лицом к борту, открывают огонь немедленно и самостоятельно (оружие должно находиться в готовности к стрельбе). Иногда (по команде) оружие необходимо держать в прицельном положении.

Командир колонны должен находиться в середине колонны при основной радиостанции, ехать в кузове, как и все, ничем среди бойцов не выделяться. Обязательно должен назначить себе заместителя. На командире лежит ответственность за принятие правильных решений по ходу боевых событий.

Если в колонне появилась подбитая машина, но она в состоянии двигаться, задача водителей — вывести машину из-под обстрела, не останавливаясь, доехать до ближайшего укрытия (прижать машину под скалу). Даже на пробитых скатах можно ехать неопределенное время — чем дольше, тем лучше.

Если убит или ранен основной водитель, его место занимает напарник. Если машина сильно повреждена и не может двигаться, обязанность водителей — убрать ее с дороги, чтобы она не мешала продвижению колонны.

Как уже упоминалось, если из «зеленки» или нагромождения камней по машине открыт огонь, бойцы, сидящие лицом к бортам, без команды открывают массированный и плотный ответный огонь на поражение. Командир принимает решение и отдает приказ по оценке обстановки: на спешивание на ходу и на атаку, если на дистанции атакующего рывка нет непроходимых мест (обрывов, скатов, водных преград и т.д.). Если же при наличии таких препятствий атакующее продвижение своих и противника невозможно, разумнее продолжать движение и попытаться выйти из зоны поражения, самым интенсивно отстреливаясь на ходу. Если машина «обездвижена», надо немедленно дать команду на спешивание, оборонительное развертывание и, учитывая обстановку, найти возможность под прикрытием своего пулеметчика сделать рывок по дороге и выскочить из зоны поражения. **Для наступательных действий разворачиваться следует из не простреливаемого противником места.**

Другие машины колонны, не попавшие в сектор обстрела, по обстановке или приказу могут остановиться за укрытиями, бойцы спешиваются, колонна или занимает оборону, или развертывается для атакующих действий снизу вверх. При атакующих действиях всем вместе необязательно штурмовать одну и ту же высоту. Часто бывает, что целесообразнее занять рядом находящуюся высотку и оказаться выше противника — это облегчает его уничтожение огневыми средствами со стороны.

Если противник колонну остановил и ваши наступательные действия невозможны, вам остается только одно: открыть массированный и плотный огонь по позициям противника снизу вверх. На первых порах, пока вы не сможете двинуться с места и пока не подоспеет помощь (вертолеты огневой поддержки и т.д.), надейтесь только на себя — чудес не бывает.

Там, где колонна вынуждена сбавить ход, бойцы могут спе-

шиваться и преодолевать опасные места пешком, держа оружие наготове. **Строем идти при этом запрещается!** Бойцы идут двумя шеренгами по обеим сторонам дороги по 8—10 человек, выдерживая интервал между собой 5—6 м, а между подразделениями (группами) по 15—20 м. Особо опасные участки проходят поочередно: пока первая группа, спрятавшись за укрытиями, готовится открыть огонь по противнику, вторая проходит опасный участок. В свою очередь, вторая группа закрепляется за укрытиями и обеспечивает безопасность перехода товарищей. Остальные бойцы в это время спешиваются, занимают круговую оборону и находятся в готовности отразить нападение.

После того как пешие бойцы миновали опасный участок, закрепились за укрытиями и обеспечили сектор обстрела на случай нападения противника, под их прикрытием опасный участок преодолевается транспортными средствами. Иногда приходится пропускать машины по одной или по две.

При пешем движении не надо идти по колею — там можно наступить на мину, срабатывающую на 10—15-е нажатие. Не следует идти и по обочине: она может быть заминирована. Через 30—40 минут производится смена головных направляющих бойцов.

При таком пешем движении обязательно назначается головной дозор, усиленный пулеметом. Высылаемый разведдозор может двигаться не только по дорогам, но и возле них, поднимаясь на тактические высоты, осматривая их и ведя с них наблюдение. Одновременно разведдозор ведет разведку мест, пригодных для постановки противником минных заграждений. Разведдозор осматривает узкие проходы, теснины, повороты, мосты, ущелья, тоннели, отдельные строения и прочие места, пригодные для засад. Движение колонны (пешее или на транспорте) начинается по сигналу разведдозора «Путь свободен».

Колонна останавливается перед всеми потенциально опасными местами и проходит их только после осмотра и разведки или при пешем прохождении личного состава. Время таких остановок включается в график движения.

Во время Великой Отечественной войны немцы при движении на машинах, если была вероятность попадания в засаду, разбивали колонну на пары машин. Расстояние между парами было 100—120 м, а между машинами в парах 30—40 м. Это позволяло избегать попадания в зону поражения сразу большого числа машин и ослепления глаз водителей поднятой впереди идущим транспортом пылью. Кроме того, если была остановлена или обстреляна одна из машин в паре, вторая могла остаться за укрытием, не выезжая на открытое опасное место, ее бойцы могли безопасно для себя развернуться в боевые наступательные порядки и оказать помощь своим товарищам из подбитой машины.

Если противнику удалось остановить колонну, немедленно выставляется плотная дымовая завеса. В ней — общее спасение. Под прикрытием дымовой завесы производятся спешивание, оборонительное развертывание, разминирование дороги, обочин, кюветов и наступательного пространства за кюветами. Из колонны ведется плотный массированный огонь всеми средствами. После разминирования производятся наступательное развертывание, уничтожение группы нападения боевиков с последующей агрессивной атакой снизу вверх. При наличии летной погоды следует вызвать авиацию и обеспечить ей четкое целеуказание.

В колонне очень желательно иметь хотя бы один миномет, который находится на машине где-то в хвосте колонны. Только из миномета можно «накрыть» противника на закрытых позициях и эффективно «сбить» его со склонов вниз. Немецкие горные егеря всегда возили с собой минометы калибров 80—107 мм, из которых «накрывали» партизанские позиции, не снимая минометы с кузовов машин. Под плиты минометов при этом подкладывали прочные деревянные рамы-настилы. Немцы знали, что тренированный армейский минометчик всегда искуснее минометчика партизанского. Норматив первого выстрела из миномета — 35 секунд с начала обстрела.

Тактика действий при прохождении малой колонны

Колонны МВД обычно малочисленны — от трех до пяти машин — и, как правило, обеспечены одним БТРом. Прохождение таких колонн опасно в потенциале, поэтому во избежание неоправданных потерь следует:

- ездить только на оборудованных машинах;
- к маршу допускать сотрудников, натренированных на круговое наблюдение, быстрое спешивание, оборонительное и наступательное развертывание и другие наступательные тактические действия;
- командир малой колонны обязан подготовить маршрут, заранее продумать, что он будет делать в опасных местах: пройдет их на высокой скорости, или же спешит людей и проведет их отдельно, а транспорт — отдельно, или же проведет колонну по частям, под прикрытием друг друга. Командир заранее должен продумать все возможные варианты огневого отражения нападения в таких местах; избегать нахождения внутри малой колонны танков (подбитый танк невозможно сбросить с дороги);
- в местах снижения скорости, особенно перед поворотами, водителям машин рекомендуется увеличить интервал между машинами.

Опасные участки дороги, где затруднено спешивание и невозможно выдвижение в атаку, преодолеваются по одной машине (или по паре машин) в сопровождении БТРа. При этом головная и хвостовая часть колонны находятся в защищенных естественными укрытиями местах, в спешенном состоянии, при оборонительном развертывании, с поставленными дымовыми завесами, производят профилактическое разминирование обочин и должны быть готовы атаковать предполагаемые позиции партизанской засады, удерживая их под прицелом. Командирам малых колонн надо учитывать некоторые важные моменты.

1. При малейшем подозрении на засаду высылается разведдозор.

2. При обнаружении передовым разведдозором заваленного участка дороги малой колонне следует как можно быстрее

«откатиться» назад, в то место, где можно укрыться за скалами или другими укрытиями.

3. Если при обстреле машина не попала в зону поражения, а огонь противника сильный и плотный, такую машину целесообразно оставить там, где она есть, и не выдвигаться на ней в зону поражения.

4. Рекомендуется ездить на машинах с дизельным двигателем: он не мешает работе радиостанций. Рации должны быть включены постоянно, и постоянно должна идти радиоперекличка.

5. БТР в малой колонне никогда не используется в командирских целях. Командир находится только на открытой машине посреди колонны. БТР противник старается подбить во что бы то ни стало на первых же секундах нападения. Почему? Потому что в БТРе обычно находится командный состав, и боевая машина с его КПВТ представляет для противника наибольшую опасность. К тому же в БТРе находится мощная рация — противник об этом тоже знает и постарается лишить вас связи. Поэтому ваш бронетранспортер должен использоваться как крепость на колесах — не более того.

6. На важных маршрутах для поддержки часто проходящих малых колонн можно выставлять временные окопавшиеся заставы, усиленные бронетехникой, на расстоянии 4—5 км друг от друга, с устойчивой постоянной радиосвязью между заставами и центральной базой.

7. При неприбытии малой колонны на конечный пункт в назначенное графиком движения время организуются поисково-спасательные мероприятия.

Оборудование грузового транспорта для перевозки личного состава

Самые неоправданные, глупые, бессмысленные потери колонна несет на первых минутах обстрела. Это связано с тем, что бойцы сидят в кузове под тентом, спиной к борту (по сути — к противнику). При этом полностью исключается круговое наблюдение и противник вовремя не обнаруживается. Разумеется, при

этом не открывается коллективный встречный огонь на подавление противника (он должен быть открыт прямо на ходу из всех стволов). В случае остановки машины противник переносит огонь к заднему борту — именно там оставшиеся в живых будут спрыгивать на землю. Для остановки машины противник обстреливает кабину водителя и моторную часть. Командир сидит в кабине, и поэтому его команды не слышны в кузове.

Кроме того, высокие дуги, на которых натянут тент, задевают за высоко поставленные (верхние) растяжки и вызывают их срабатывание.

Во избежание ненужных потерь машина должна быть укреплена и оборудована соответствующим образом. К тому же надо помнить, что на голом месте, каким является дорога, наиболее реальное средство укрытия от огня противника — сама машина, больше там укрыться не за чем и негде.

Для обеспечения большей живучести колонны машины в ней надо подготовить. Прежде всего необходимо снять тент и дуги, его поддерживающие (немцы в Югославии, американцы во Вьетнаме и русские в Афганистане никогда не ездили под тентом, ни при каких погодных условиях, езда под тентом строжайше запрещалась специальными приказами). Тент только создает иллюзию безопасности, а в реальности бойцы под ним, как «коты в мешке». Обязательно с трех сторон на бензобаки (топливные баки) навешиваются толстые стальные пуленепробиваемые листы — это в значительной мере препятствует возгоранию машины от бронебойно-зажигательных пуль, а от трассирующих укрепленные таким образом баки не поджигаются вообще. Таким же образом с боков и сверху укрепляется (блиндируется) моторная часть.

На кузове в районе задних колес с каждой стороны кладут 3—4 мешка, туго наполненных песком (можно бы и больше, но машина не потянет). Это укрытие, которое приходится возить с собой, ибо на горной дороге взять его больше негде. Бойцы на марше находятся только лицом к борту, держа оружие наготове. Борты должны легко открываться наружу. По обстановке

бойцы в кузове или сидят на мешках с песком, или имеют их перед собой, положенными вдоль борта для укрытия от пуль и осколков.

Задний борт во время движения обязательно открыт и закреплен в горизонтальном положении на цепях, чтобы не болтался. И немцы, и американцы обязательно вынимали стекла в кабинах водителей во избежание ранения осколками стекла. Американцы даже снимали дверцы с кабин для возможности как можно быстрее покинуть машины при необходимости. В кабинах находится по два водителя — основной и запасной. Это делается для того, чтобы при обстреле машина не останавливалась в результате гибели или ранения водителя, а могла вырваться из-под огня. Немцы для этого ставили дублирующие педали — тормоз и сцепление, как на учебных автомашинах.

Антенны стационарных радиостанций обязательно пригибаются во избежание задевания за верхние растяжки.

Порядок спешивания с подбитой машины и оборонительного развертывания

Расположение личного состава в кузове должно быть следующим: бойцы — лицом к бортам, снайперы — в передней части машины, командир — в районе задних колес между мешками с песком, пулеметчик — рядом с ним со стороны заднего открытого борта. Это самое безопасное место при подрыве машины на фугасе. Пулеметчик должен уцелеть, чтобы первым покинуть машину, установить пулемет у заднего борта, противоположного от противника, прикрываясь задним колесом снизу и мешками с песком сверху, открыть огонь для прикрытия товарищей, рассредоточивающихся за укрытиями. Задача пулеметчика — насколько возможно подавить огнем пулемет противника, ведущий отвлекающую и прикрывающую стрельбу откуда-то издалека сверху.

При остановке машины личный состав открывает боковые борта и спешивается. Задача тех, кто успел спешиться, — рассредоточиться, добежать до ближайших укрытий на местности, укрыться за ними, определить цель и открыть по ней огонь.

Часть спешивающихся и пулеметный расчет укрываются непосредственно за машиной и мешками с песком. При этом наиболее эффективные и надежные места для укрытий — район задних и передних колес, за мотором (при выступающей вперед моторной части).

Пулеметчик стреляет снизу вверх, находясь за машиной с противоположной от противника стороны, укрываясь за задним колесом и мешками с песком, уже находящимися над этим колесом в кузове. При необходимости эти мешки остаются лежать в кузове вдоль откинутого борта, как и были положены, друг на друга (см. рис. 2, позиция А).

Со стороны борта, обращенного к противнику, мешки с песком при спешивании сбрасываются на полотно дороги так, чтобы они сразу упали возле заднего колеса и вместе с ним образовали укрытие для стрелка. Этот стрелок, ведущий совместно с пулеметчиком прикрывающий огонь для оборонительного развертывания своих, назначается заранее. Заранее назначаются и те, кто помогает ему сбрасывать и по необходимости укладывать сброшенные мешки. Стрельба «из-под колеса» за мешками производится снизу вверх (рис. 2 позиция Б).

Спешивание и последующее оборонительное развертывание необходимо осуществлять быстро, невзирая на потери и другие обстоятельства. Позиции за укрытиями надо стараться занять с той стороны дороги, откуда стреляет противник, для возможных наступательных действий.

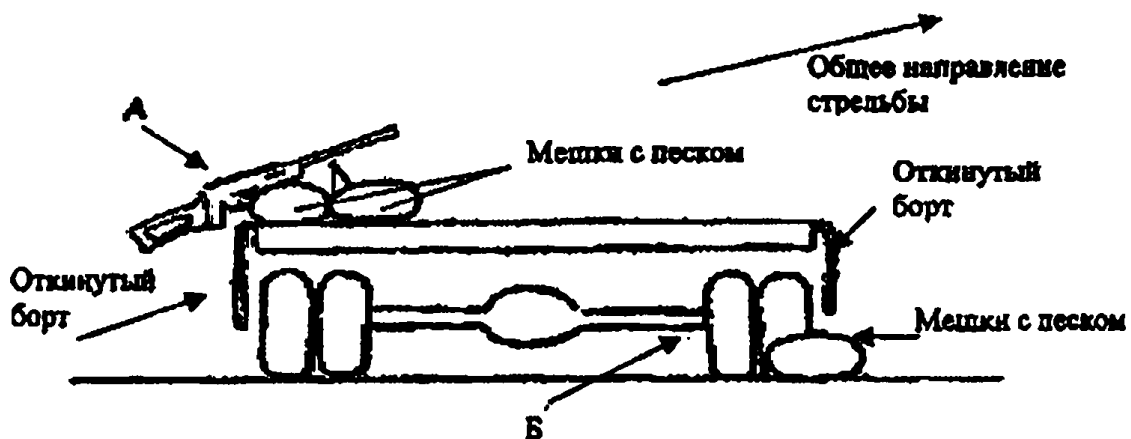

Рис. 2

Немцами во время войны был установлен временной норматив для спешивания и оборонительного развертывания:

- открыть борта — 2 секунды;
- сбросить мешки с песком и одновременно покинуть машину — 2 секунды.

Итого на спешивание — 4 секунды.

Почему именно 4 секунды? Это время срабатывания осколочной гранаты. Далее:

- пулеметчик под прикрытием мешков с песком открывает огонь — 2 секунды;
- еще через 2 секунды открывает огонь стрелок из-под заднего колеса;
- покинувшим машину добежать до укрытия — 4 секунды с момента спешивания;
- найти цель и открыть огонь — еще 3 секунды.

Итого с момента остановки машины через 6 секунд открывал огонь пулеметчик, а общее огневое организованное сопротивление начиналось не позднее 15 секунд с начала обстрела противником.

Спешивание на ходу под обстрелом затрудняет противнику прицельную стрельбу и уменьшает потери. При спешивании на ходу рассредоточение происходит в обе стороны от дороги и подальше. При таком спешивании пулеметчик и его второй номер обязаны оставаться в кузове и вести огонь по позициям противника для прикрытия спешивающихся товарищей и покидать машины последними. А иногда им следует оставаться на ней и вести огонь, обложившись мешками с песком. В таком случае машина должна двигаться по дороге взад-вперед для затруднения стрельбы боевиков по пулеметчикам.

Чтобы все вышеописанное было осуществлено с наименьшими потерями, с первых секунд обстрела необходимо поставить плотную дымовую завесу. Для постановки дымовой завесы назначаются бойцы, которым выдаются дымовые шашки.

Атакующие действия снизу вверх

Боевая практика показывает, что ведение только одних оборонительных действий приводит к немного большим потерям, чем при действиях наступательно-агрессивных. Если не атаковать противника, стреляющего из засады, а оставаться на месте, это может привести к полному уничтожению вашего личного состава. Случайно при этом уцелеют немногие.

Как показывают боевые действия в Чечне, при агрессивной атаке снизу вверх партизаны, почувствовав тренированного и умелого противника, предпочитают не испытывать судьбу и отходят с позиций. Кроме того, при наступлении снизу вверх вы уходите с открытой дороги и только этим значительно снижаете свои потери.

При ведении атакующих действий снизу вверх в первую очередь необходимо обработать автоматным огнем «зеленку» (если она есть) и забросать гранатами скальные придорожные нагромождения. Это надо сделать обязательно, даже если оттуда и не стреляют. Ваша задача — занять «зеленку» и нагромождения камней под свое укрытие. Этим вы тоже снизите свои потери.

Если из-за кустов или из-за камней в вас полетели гранаты, то вашим единственно правильным действием будет не ложиться, а сделать рывок в ту сторону, откуда брошены гранаты, — там самое безопасное место. Тот, кто бросил гранату, скроется от ее осколков за укрытие, и ему будет не до стрельбы. Ваши действия — натиск огнем на ходу. При непрерывном автоматическом огне из засады бежать вам лучше вправо от себя, так как стрельба очередями уводит ствол противника вправо и вверх от него и он попадает сзади цели, бегущей в противоположную сторону.

Покончив с группой нападения противника, не спешите сразу подниматься снизу вверх в атаку. Поставьте перед подъемом в гору дымовую завесу и разминируйте подступы для продвижения. Практика показывает, что в скальном грунте минные постановки противника встречаются реже, чем в грунте обыч-

ном (мины тяжелее ставить на камнях, труднее закапывать и маскировать). У начала подъема в гору вверх по тропинке, по которой вы будете подниматься, бросьте гранату. Именно в таких местах в скальных лабиринтах чаще всего установлены мины. Их «проявляет» и ликвидирует обвал (осыпь камней), вызванный разрывом вашей гранаты.

Если склон горы порос «зеленкой», для выявления растяжек применяется веревочный трал: простейшее приспособление, состоящее из веревки и привязанного к ней груза весом 1—1,5 кг. Груз на веревке забрасывается через кусты или высокую траву, и веревка тянется на себя. При попадании на растяжку груз повисает на ней и вызывает ее срабатывание (рис. 3).

Наступление в гору ведется двумя подгруппами, примерно на одинаковом уровне. Расстояние между этими подгруппами должно обеспечивать взаимную поддержку огнем, для того чтобы ликвидировать «мертвые», непростреливаемые пространства за камнями. Противник будет в 20 шагах от вас, за крутым обломком скалы, и вы не сможете его достать. А откуда-то сбоку он будет открыт для огня ваших товарищей из соседней подгруппы.

В свою очередь, каждая подгруппа поднимается вверх, разделившись на два «яруса». Нижний ярус поддерживает огнем

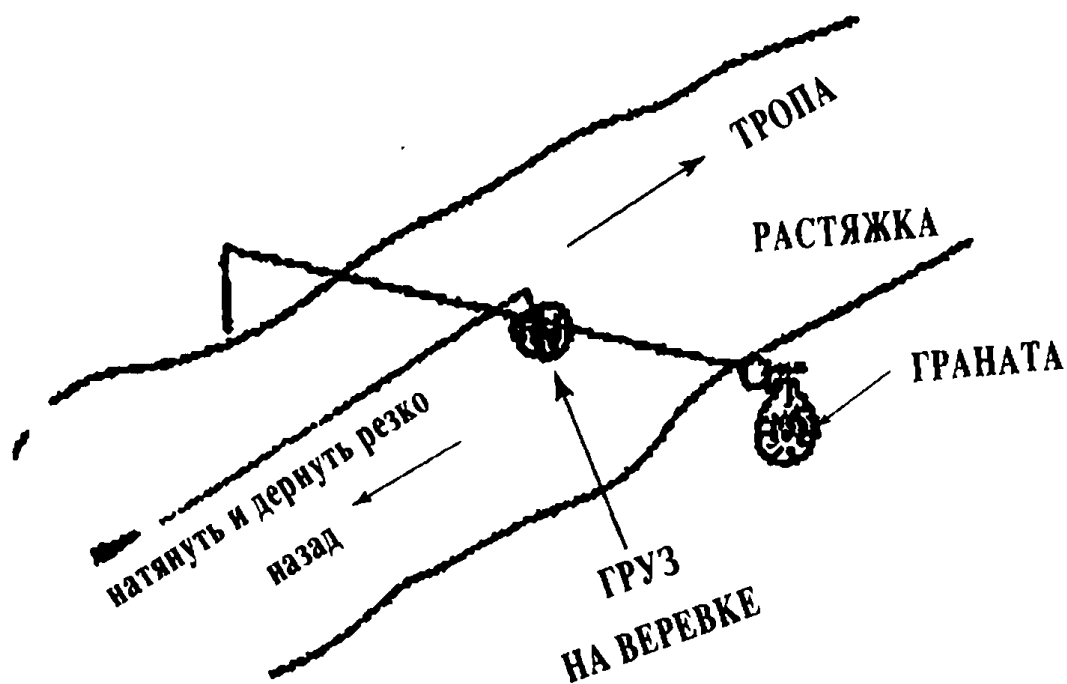

Рис. 3

верхний, когда тот делает рывок снизу вверх от укрытия к укрытию. А стрелки верхнего яруса, закрепившись за укрытиями, ведут по противнику прикрывающий (заградительный) огонь, не давая ему стрелять прицельно. Под прикрытием этого огня бойцы нижнего яруса делают бросок от своих укрытий к укрытиям, за которыми до того укрывались стрелки верхнего яруса.

Наступающие снизу вверх ищут цели самостоятельно. Огонь открывается по всем целям, независимо от того, где вы их заметили — над собой или где-то сбоку. При этом поддержка всеми возможными огневыми средствами из колонны производится непрерывно снизу вверх через головы своих.

По достижении атакующими группами позиций противника производится наступательное гранатометание. Причем гранаты забрасываются выше позиций, чтобы вызванный взрывом камнепад накрыл конкретную позицию или же чтобы граната скатилась к противнику за его укрытие. По этим же причинам старайтесь забросить гранату вверх, чтобы не попасть под вызванный ею камнепад. Разумеется, надо учитывать и безопасность товарищей, находящихся рядом с вами.

Если есть возможность, следует забраться на смежную (находящуюся рядом) высотку, оказаться выше противника. В таком случае его легко можно подавить огнем снайпера и пулеметчика. В горах кто выше, тот и прав.

Если есть возможность, необходимо вызвать вертолеты огневой поддержки. Это наиболее действенное средство при бое в горах. Важно обозначить себя цветным дымом заранее обусловленного цвета, чтобы вертолетчики не ударили по своим. Обязательно обеспечьте вертолетам точное целеуказание. Это делается или трассирующими, или сигнальными ракетами. Для этой цели в колонне хорошо иметь обученных авианаводчиков и корректировщиков артиллерийской стрельбы.

Штурмовые перемещения снизу вверх желательно (если есть возможность) не проводить строго снизу вверх. Лучше продвигаться наискось, имея скат горы по левую сторону от себя. Так легче и результативнее стрелять с правого плеча снизу

вверх налево. Ваши укрытия будут постоянно находиться слева от вас и будут эффективно вас защищать. Вам будет удобнее стрелять с правой руки (правого плеча).

Позиции засады атакуются со всех возможных направлений, иначе бездействующая колонна рано или поздно уничтожается полностью.

ПОДГОТОВКА К ОГНЕВОМУ ОТРАЖЕНИЮ НА МАРШЕ

Для того чтобы правильно организовать подготовку, необходимо ответить на два вопроса:

1) чему учить (то есть разобраться, что мы делаем неправильно);

2) кого учить и как (то есть какие виды занятий и тренировок организуются с командным звеном на подготовительном этапе и каким образом должен учиться личный состав).

Наши просчеты и недоработки, ведущие к неоправданным потерям:

— движение небольшими колоннами без прикрытия должным количеством бронетехники;

— перевозка личного состава в необорудованных, незащищенных и неукрепленных грузовиках, неправильное размещение бойцов в кузове, не позволяющее открывать мгновенный ответный огонь на поражение;

— тактическая безграмотность командиров, неспособность правильно оценивать обстановку и принимать верные тактические решения, незнание методов противодействия нападению;

— тактическая неподготовленность и физическая нетренированность личного состава, а именно: отсутствие понятия о необходимости правильного спешивания, оборонительного и наступательного развертывания из колонны, наступательного продвижения снизу вверх, незнание специфической баллистики стрельбы в горах, неумение стрелять снизу вверх;

— отсутствие связи в нужный момент. Противник прекрасно знает, что «федералы» на марше оставляют только танковые

радиостанции Р-123 и Р-173. Переносные рации в колонне часто бывают выключены из-за помех, генерируемых системой зажигания карбюраторного двигателя. При нападении эти рации не успевают или забывают включить;

- отсутствие связи внутри колонны влечет за собой потерю управления, что вызывает панику и судорожные неорганизованные действия, чем и пользуется противник;

- непродуманность, необеспеченность и неподготовленность маршрута;

- непонимание личным составом реальной опасности и психологическая неготовность к огневому отражению нападения;

- слабое наблюдение за окружающей местностью при движении;

- отсутствие какой бы то ни было предварительной разведки потенциально опасных мест на маршруте и профилактической обработки этих мест;

- нарушение режима секретности, прямое предательство, слишком наглядная подготовка техники и личного состава к маршу (местное население подмечает все и передает неприятелю);

- отсутствие контроля за эфиром и пеленгации чужих средств связи;

- необязательность в исполнении, отсутствие дисциплины, халатность и самонадеянность. Все это отсутствует у военных и присутствует у милиции. Поэтому на армейские колонны нападают значительно реже, чем на милицейские.

Конечно, перечень этот далеко не полный. Теперь попробуем ответить на второй вопрос.

Командирская учеба

Для успешного ведения боевых действий в горах комсоставу, кроме знания топографии, необходимо развитие пространственного воображения и чувства ориентации на местности. При штабных тренировках это достигается учебой на рельефных макетах из песка. Во время Второй мировой войны немцы

в учебных центрах подготовки горных егерей не поленились изготовить рельефные макеты практически всей горной части Югославии, используя геодезическую практику и данные аэрофотосъемки. Исследуя готовый макет и тут же одновременно сопрягая его с картой, можно заранее научиться ориентироваться и на отдельных участках дороги, и на всем протяжении маршрута. На таких занятиях командир «читает» местность по аэрофотосъемкам и топографической карте, представляет ее абстрактно и только затем визуально сверяет представленное с рельефом макета.

На макетах заранее обозначаются возможные места засад противника, места постановки им огневых позиций и отдельных огневых точек, сектора обстрелов из таких точек и возможные укрытия на местности от таких обстрелов. Коллективно обсуждаются возможные варианты боевых событий в таких местах, решаются вводные и отрабатываются действия при возможных осложнениях обстановки. Обозначаются места для спешивания и прохождения пешим порядком, свои рубежи развертывания для обороны или атаки, ориентиры для авиации огневой поддержки и реперы для корректировки артиллерийского и минометного огня. Определяются зоны непрохождения УКВ-радиосвязи. Определяется порядок выдвижения в атаку снизу вверх, а также нанесения противнику ударов во фланг и в тыл.

Командир подразделения и на макете, и на тактических командирских групповых занятиях обязан научиться быстро определять по рельефу местности и по характеру растительности на ней возможность постановки противником засад, где и на каких ярусах возможно оборудование им огневых позиций, возможна ли в таких местах установка растяжек и прочих боевых «сюрпризов», можно ли в конкретном месте наступать снизу вверх или же необходимо перейти к глухой обороне, можно ли отбуксировать подбитый транспорт или же его проще столкнуть с дороги, можно ли под прикрытием дымовой завесы вый-

ти из зон поражения, останавливаться ли за укрытиями или прорываться изо всех сил.

На макете отрабатываются тактический порядок построения колонны, организация огневого отражения, управление при изменении обстановки, порядок взаимодействия с другими подразделениями и родами войск.

Для управления огнем следует определить и утвердить необходимые команды, единые сигналы и ориентиры для себя, артиллерии и авиации. Очень полезны такие занятия совместно с авиаторами и артиллеристами.

По возможности тренировки на макетах командиры проводят затем с бойцами, объясняя им сущность боевой задачи и способы ее выполнения в конкретных опасных местах маршрута.

Подготовка личного состава к огневому отражению на марше

Прежде всего с личным составом проводятся занятия по оборудованию машины мешками с песком, отрабатываются практические нормативы спешивания и оборонительного развертывания, оборудования укрытий из мешков.

Затем проводятся занятия по ведению постоянного коллективного кругового наблюдения по ходу движения из кузова машины. Каждому бойцу определяется сектор наблюдения. Пулеметчику — наблюдать за верхними ярусами высот. Снайперу — наблюдать вперед. В качестве основных дозорных назначить снайпера, пулеметчика и разведчиков — у представителей этих воинских профессий повышен уровень тактической наблюдательности из-за постоянного привычного поиска цели. Необходимо научить удваивать бдительность при приближении к поворотам.

В тренировочном порядке личный состав в колонне обстреливается холостыми патронами из учебной засады. Этим проверяются наблюдательность личного состава и быстрота открытия ответного огня, а также реакция командира и правильность подачи им команд. Отрабатываются различные вводные: спе-

шивание с постановкой укрытий; оборонительное развертывание с открытием огня; постановка дымовой завесы; выход из зоны поражения под прикрытием дымовой завесы; разминирование учебных мин на обочине; сталкивание «подбитой» машины с дороги или ее отбуксировка в безопасное место; открытие пулеметчиками прикрывающего огня; выдвижение бойцов, оказавшихся вне зоны поражения, для прикрывающего развертывания; вынос раненого из зоны поражения (для этого назначается стрелок-санитар).

Бойцы обязательно тренируются определять местонахождение стреляющей цели и дистанцию до нее. В горах со всех сторон эхо, поэтому определить по слуху место стрельбы очень трудно. Позиция цели определяется по дымку выстрела и по рикошетам пуль противника. Глазомерное определение дистанции в горах обманчиво. Бойцы должны знать, что на расстоянии до 600 м дистанции до целей будут казаться в горах на 1/8 короче реальных. Дистанции на ту же величину будут казаться короче, если смотреть с нижнего яруса на верхний, и будут казаться длиннее, если смотреть с верхнего яруса на нижний.

На тренировках отрабатываются групповое выполнение команды, а также индивидуальные действия каждого при различных вводных (изменениях обстановки).

Командир обязательно назначает себе заместителя и тренирует его в подаче команд при различных вводных. На случай выбытия комсостава личный состав должен быть натренирован до автоматизма действий.

Обязательно отрабатывается огневое наступательное взаимодействие групп: штурмовых — в верхнем ярусе, поддерживающих — в нижнем, а также огневая взаимоподдержка «крест-накрест» двух групп, наступающих в гору параллельно. Отрабатывается огневое взаимодействие стрелков в группах.

Личный состав обязательно тренируется на штурмовые действия с наступательным продвижением вверх по склону при повышенных нагрузках в полной боевой экипировке. Без привычки пробежать в атаку рывками вверх по крутому склону

метров 300 тяжело: вы будете задыхаться, сердце будет «выскакивать» из груди, внимание ослабеет, наступит физическая усталость, и вам будет не до рукопашной схватки, точной стрельбы и гранатометания. У вас все это просто не получится. Тем более бросать гранаты вверх по склону (а их придется бросать!). Вы этого никогда раньше не делали, а вашим противником будут местные жители, для которых все это не в диковинку, и к тому же они будут находиться на позициях отдохнувшими и полностью готовыми к бою. Кроме того, из-за утомления и потери внимания наступает вялость, снижение бдительности и осторожности, и существует реальная опасность оторваться от своих и элементарно потеряться в скальном лабиринте. Поэтому личный состав тренируется на ведение боевых действий в составе боевых троек (двое всегда вынесут одного раненого).

Обязательно проводятся тренировочные стрельбы. У стрелков, хорошо стреляющих на равнине, в горах меткость заметно падает. Это происходит не только по причине разреженного воздуха, но также из-за неровности горизонта и вынужденной стрельбы из неустойчивого положения. В первые 10—12 дней пребывания в горах пульс учащается на 10—20 ударов в минуту и частота дыхания — на 3—5 в минуту. Масса тела в первые дни занятий в горах заметно падает. Эта внутренняя перестройка мешает процессам прицельной стрельбы. К тому же при стрельбе сверху вниз и снизу вверх происходит спрямление траектории, и прицел надо понижать. На больших высотах прицел надо понижать дополнительно (все это описано в наставлениях по стрельбе из СВД, РПК и т.д.). Кроме того, при стрельбе снизу вверх необходимы особые стрелковые изготoвки (стрельба стоя на коленях и т.д.).

Сколько нужно тренироваться? Ответ: пока не будет получаться. Действия должны быть натренированы до уровня коллективных рефлексов волчьей стаи, где каждый без команды вожака знает, что надо делать.

Такое специальное обучение личного состава обязательно. Нетренированный и не обстрелянный в горах человек при на-

падении на него сверху впадает в растерянное состояние, делает бессмысленные движения, неосторожно поворачивает оружие по сторонам, что чревато поражением своих, а главное — впадает в ступор и становится невосприимчив к командам.

Прибывающие в районы боевых действий сотрудники МВД и военнослужащие внутренних войск часто не имеют специальной выучки для боевых действий именно в горах, физически не натренированы, тактически и психологически не подготовлены к ведению специфических боевых действий. Поэтому на тактических занятиях личный состав необходимо приучать к мысли, что противник — везде. Жить и выполнять служебные обязанности придется в режиме постоянной опасности, и надо быть готовым в рефлекторном режиме подавить огнем эту опасность.

Разумеется, в данной статье изложен далеко не полный материал. Многие ценные тактические приемы открываются при беседах с участниками конкретных событий, при допросах пленных и проведении напряженных тактических тренировок на местности.

Самый больной вопрос — как добиться выполнения вышеизложенного. Ответ: если не желаем неоправданных потерь, это придется делать.

Было бы естественным разработать временную или постоянную инструкцию «О порядке отражения вооруженного нападения на колонну» и объявить ее специальным приказом. Можно также рекомендовать дополнительные профилактические мероприятия:

1. Минировать участки местности, потенциально пригодные для постановки засад. Скрытно выставлять в этих местах в нужное время усиленные контрзасады.

2. При прохождении очень важной колонны скрытно выдвинуть подвижные группы захвата (пешком по горам) в места, которые могут использоваться для постановки засад;

прочесать и блокировать эти места в одно и то же назначенное время. Эти позиции удерживать до прохождения колонны.

3. Для поиска средств радиосвязи, мин и оружия выставить блуждающие посты ВАИ (ГАИ), усиленные БТРами. Эти посты должны скрытно прикрываться с обеих сторон дороги силами до взвода.

4. Выставлять ночные засады на дорогах с приборами ночного видения (против минирования).

5. Желательно, чтобы колонну проводил по маршруту проводник, знающий опасные места и предупреждающий о них, и т.д.

Кроме всего прочего, нужно четкое взаимодействие различных ведомств и слаботанность наземных сил и авиации — это больной вопрос даже внутри Минобороны. Практическое взаимодействие — это активная инициативная поддержка и взаимовыручка соседей и смежников, а не бросание их на произвол судьбы.

Сотрудников милиции надо приучить к мысли, что даже простой переезд с места на место по чужой территории — это марш, выполнение боевой задачи в напряженном режиме, а не «турпоездка».

Каждый сотрудник должен знать, что в критической ситуации немало зависит от него самого. Многие начинают в это верить, лишь выполнив задачу и оставшись в живых. Поверь сейчас! Не всегда можно уйти от опасности, но всегда можно уменьшить ее. И это надо уметь.

**Алексей ПОТАПОВ
Михаил ЛИТВИНЕНКО**

ОРУЖИЕ

ИСПЫТАНИЯ ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

В свое время автору этих строк довелось принимать участие в разработках по учебному и боевому применению отечественных противотанковых управляемых ракетных снарядов (ПТУРС) первых поколений в войсках и (параллельно) в работах по исследованию конструктивного устройства различных зарубежных ПТУРС. Разумеется, после этого есть что и с чем сравнивать. Данный материал посвящен оценке некоторых качеств данного вооружения. Конечно, глазами автора. Здесь только то, что, как говорится, довелось увидеть и «пощупать» самому...

О ВРАНЬЕ

Написать эту статью я решил после того, как прочитал нашумевшую в свое время книгу В. Суворова (настоящее имя, как известно — Владимир Резун) «Аквариум». До этого не читал — много слышал о том, что там вранье. Но... стало интересно, решил убедиться лично.

Убедился. Более беззастенчивую ложь мне действительно редко приходилось слышать. Оставлю на суд компетентных специалистов все, что касается агентурной работы, скажу о том, что меня лично сразу «зацепило». Резун утверждает в своей книге, что именно благодаря его стараниям в СССР появились украден-

ные с немецкого полигона обломки противотанкового управляемого ракетного снаряда (ПТУРС) TOW, разработанного американской вертолетной фирмой «Хьюз». Для непосвященных отмечу, что аббревиатура TOW, или по-нашему ТОУ (так и будем называть снаряд в тексте), расшифровывается как «выстреливаемый из контейнера, управляемый по оптическому каналу, проводной».

Чистой воды ВРАНЬЕ, что он добыл фрагменты этого снаряда! Уж я-то знаю, откуда «ноги растут», потому как был ведущим исполнителем исследований зарубежных противотанковых управляемых ракетных снарядов. Не Резун их доставал, и совсем не оттуда они добывались. По его вдохновенной брехне при описании технических деталей, которых и в помине в этом снаряде не существует, следует, что он просто-напросто в глаза ни ТОУ, ни его обломков не видел и не имеет о нем ни малейшего понятия. Как и вообще не имеет понятия о теме ПТУРС, будь то отечественные или зарубежные снаряды. Полный ноль. Уверенным тоном Резун излагает в своей книге: «...У нас, когда стреляют «Фалангами» и «Шмелями», огромные пространства застилают брезентом, а потом батальон бросают на поиск мельчайших осколков...» Этот сочинитель совершенно не представляет, как все на самом деле происходит. Да, человека три из так называемой «полевой команды» (а это вольнонаемные из близлежащей деревни) через полчаса приносят остатки снарядов. Найти их совсем нетрудно, поскольку стрельба ведется по бронещиту, установленному на одном и том же месте.

Или он пишет о «серебристой мордочке», говоря о снаряде ТОУ. Значит, Резун никогда его не видел. «Морда», то есть головная часть, у него не серебристая, а черная, более того, у подобранных после выстрела снарядов от «морды» вообще ничего не остается.

«Единожды солгавший, кто тебе поверит?» Но Резун врет не единожды, а постоянно. Не будем вдаваться в детали, чтобы не отойти от нашей темы.

О том, как на самом деле был добыт ТОУ, я скажу дальше. А пока все по порядку.

СНАРЯД «КРЕПОСТЬЮ» В 13 ЗВЕЗДОЧЕК

Вообще-то я не ракетчик — у меня диплом Тульского оружейного факультета, и начинал с участия в разработке скорострельных авиационных пушек под руководством ныне академика Аркадия Шипунова и его ближайшего коллеги Василия Грязева. Затем разрабатывал снаряды и взрыватели к авиационным пушкам, личное оружие подводных боевых пловцов и стрелковые подкалиберные боеприпасы. Пришлось даже для этих патронов разработать свой автомат, заводской индекс у него был АО-27. И еще много чем довелось заниматься в оружейной сфере — всего не перечислить. Но волею начальства я был оторван от этой весьма любимой мною отрасли и приставлен к управляемому противотанковому вооружению.

Первым моим заданием на этом поприще была разработка учебного тренировочно-практического варианта ракетного снаряда «Шмель», управляемого по проводам, созданного в Коломенском КБМ (конструкторском бюро машиностроения). То есть, попросту говоря, мне нужно было создать учебный «многоразовый» вариант снаряда для тренировок личного состава, с тем чтобы не тратить бешеные деньги на выстрелы реального боевого снаряда, стоящего очень дорого.

Скажем сразу, «Шмель» (индекс ГРАУ-ЗМ6) — это снаряд так называемого первого поколения ПТУРС. Они наводятся на цель вручную, подобно курсору на компьютерном мониторе, наводимому в определенную точку экрана «мышкой». Освоить ручное управление непросто. Я проверил это на себе — месяц безвылазно просидел за тренажером, чтобы научиться управлять «Фалангой», а после этого еще пару недель привыкал к совершенно иной рукоятке управления «Шмелем» или «Малюткой».

«Шмель» — это самый первый отечественный образец ПТУРСа. Официальное его название — «Легкий пехотный ПТУРС ЗМ6 «Шмель». Ящик с этим «легким пехотным» с трудом переносили два дюжих солдата. (Пустой ящик иногда утилизи-

ровался местными жителями для хранения картошки, которой туда входило ровно четыре мешка...)

Обучение солдат стрельбе такими снарядами — удовольствие, как выше упоминалось, дорогое, поэтому в «верхах» возникла идея разработки на базе боевого ПТУРСа снаряда многократного использования (парашютируемого). У такого снаряда кумулятивная боевая часть (БЧ), именуемая обычно боеголовкой, заменялась на контейнер с парашютом, а в систему управления снаряда встраивалась электронная приставка, которая в заданное время выдавала снаряду команду «вверх». Снаряд, пройдя на заданной дистанции цель (ворота с натянутой полиэтиленовой пленкой), автоматически получал команду «вверх». На определенной высоте пиротехническое устройство срывало колпак с парашютного отсека, и парашют раскрывался. То есть снаряд был сохранен для очередного пуска. Для этого у него заменялись пороховой заряд двигателя и катушки проводной линии связи (катушки ПЛС).

Этому снаряду в ГРАУ был присвоен индекс ЗМбТП.

В период заводской отработки у меня был снаряд ЗМбТП, помеченный 13 белыми звездами. Каждая из них означала успешно выполненный парашютируемый пуск. Крылья снаряда и его корпус носили следы многих ремонтов — не всегда приземление происходило на мягкий грунт, иной раз опускающийся со скоростью пять метров в секунду снаряд попадал в камень или в пень. У этого стабилизированного по крену снаряда на последних пусках крен доходил чуть ли не до 40 градусов, но на качество управления опытным наводчиком это не влияло.

«Карьера» его была завершена достойно. На параллельной с моей позиции однажды появился офицер части, в программу работ которого входил один пуск боевого ЗМб. Я ему предложил снять со снаряда боеголовку, поставить ее на мой «тринадцатизвездный» и в случае успеха его новенький ЗМб без боеголовки отдать мне. Ответный взгляд офицера был весьма красноречив — мысленно он явно покрутил пальцем у

виска. Но после здравого рассуждения мое предложение было принято.

Кончилось дело тем, что я получил новый снаряд... В отчете записал: «Снаряды ТП при необходимости возможно использовать и как боевые...»

ПТУРС НЕСЕТСЯ... ПРЯМО НА НАС?!

В дальнейшем в моем секторе были разработаны парашютируемые радиокомандный возимый ПТУРС 3М11 «Фаланга» и проводной носимый ПТУРС 9М14 «Малютка».

В период отработки этих комплексов стрельбы вел опытный оператор полигона Михаил Хромов, вольнонаемный, отставной старший лейтенант артиллерии, крупный и представительный мужчина. Пуски парашютируемых ПТУРСов 3М6 «Шмель» и 3М11 «Фаланга» мы производили из боевых машин БРДМ, а 9М14 «Малютка» — из окопа. В машине я занимал место справа от него. В окопе — слева, поскольку пусковая установка по инструкции располагалась справа от наводчика и на метр впереди.

Во время этих пусков меня иногда посещала мысль, что ресурс двигателя не бесконечен и в конце концов его может разорвать, хотя перед каждой заменой заряда мы ставили новую термозащиту. Но тут же, рядом с пусковой, — заправленные горючим баки. Поэтому поначалу перед командой «Старт» я руку держал на замке люка. Потом привык...

Не обходилось и без курьезов. Спецификой «Шмеля» было то, что при обрыве проводной линии связи, чтобы избежать полета снаряда в произвольном направлении, система управления устанавливала рулевые органы в положение команды «влево-вниз». Вот и пришла в наши головы идея использовать это для создания простого устройства, поднимающего снаряд вверх для парашютирования на любой дистанции, — достаточно только эту команду переделать на «вправо-вверх» и в желаемое время имитировать обрыв провода.

Однако первый же выстрел с подобным устройством весьма нас озадачил — снаряд, едва сойдя с направляющей, круто пошел вверх. Взобравшись на большую высоту, он со все еще работающим маршевым двигателем стал нестись вниз, как мне казалось тогда, прямо на нашу машину! Спасайся, кто может!

Приборы, регистрировавшие траекторию, потом показали, что снаряд выполнил вытянутую вверх мертвую петлю, верхняя точка которой находилась на высоте километра. Выйдя из петли на высоте порядка 400 метров, снаряд врезался в землю. Недалеко от нас...

Причина, до которой мы добрались, погубив еще пару снарядов, оказалась весьма простой: при старте ПТУРСа машина вздрагивала, и срабатывал «концевик», блокировавший питание бортовой аппаратуры при открывании люка. Снаряд «понимал» это как обрыв проводной линии связи...

МЯГКАЯ ПОСАДКА ПОСЛЕ «ВЫСШЕГО ПИЛОТАЖА»

Разработка учебного парашютируемого варианта снаряда 9М14 оказалась более сложной из-за особенностей конструкции его планера. Этот планер состоял из пластмассового крыльевого отсека с выступающим из его передней части стальным корпусом стартового двигателя. Так как при раскрытии парашюта возникают большие перегрузки, то крепить парашют можно было только к прочному корпусу стартового двигателя.

Уже на самом первом пуске оказалось, что парашют, плотно запрессованный в капроновый мешочек, сразу же после срыва колпака головной части натыкался на крыло и разбивал крыльевой отсек. Пришлось изобретать способ выброса уложенного парашюта как можно дальше в сторону. Варианты таких устройств испытывались в стационаре с применением скоростной фотосъемки. На **фото 1** показан начальный момент схода колпака с уложенного парашюта после срабатывания пироустройства. **Фото 2** иллюстрирует отброс в сторону уложенного пара-

Фото 1

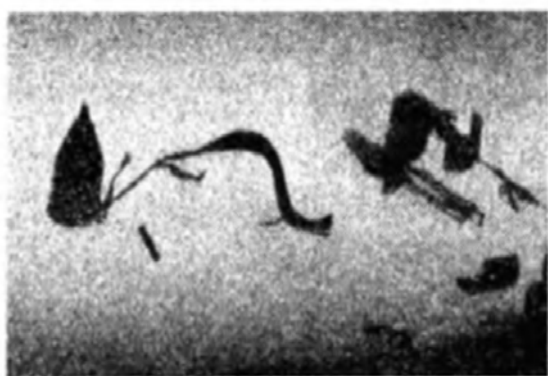

Фото 2

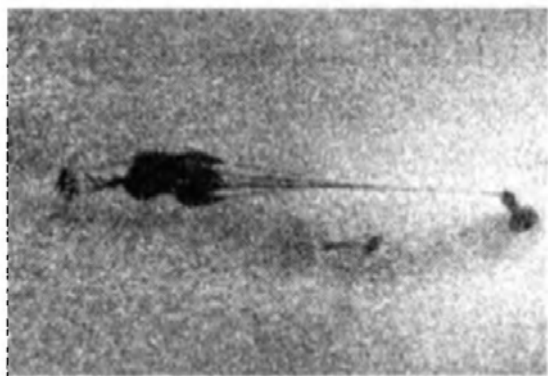

Фото 3

Фото 4

Фото 5

шюта капроновым фартуком, прикрепленным к колпаку. **Фото 3** — это уже реальный пуск, где видны планер с еще работающим маршевым двигателем, отделившийся колпак с фартуком, вытяжной парашют, раскрывающийся купол основного парашюта и крепление парашюта к корпусу стартового двигателя. **Фото 4** — планер парашютируется крыльевым отсеком вниз.

При приземлении в таком положении пластмассовый крыльевой отсек, казалось бы, неминуемо будет поврежден, но на **фото 5** планер уже опускается прочной частью вниз — это сработал пиротехнический механизм переотцепки планера. Многократные пуски тренировочно-практических ПТУРС 9М14ТП с такой системой переотцепки всегда оказывались удачными.

Разработка парашютной системы проводилась совместно с унифицированной организацией — НИИПДС (НИИ парашютно-десантной службы), от которой к нам была прикомандирована ведущий инженер Анна Ивановна Дубова. Ознакомившись с нашей техникой, она тут же выдала задание на разработку различных приспособлений для укладки парашюта. Нам объяснили, что площадь купола парашюта зависит от желаемой скорости приземления — 5 метров в секунду, а объем купола — от скорости снаряда при раскрытии парашюта. Все это повлекло за собой тщательные траекторные расчеты для выбора выгодного времени выброса парашюта.

К нашему удивлению, оказалось, что парашют надо не просто укладывать, а запрессовывать в небольшой капроновый чехол с помощью пудового лома диаметром 30 миллиметров. Конец этого лома был обработан в виде сферы и отполирован до зеркального блеска. Чтобы при этом чехол не разорвался, он помещался в стальной стакан. Миниатюрная Анна Ивановна, естественно, не могла совладать с таким ломом, поэтому осваивали эту процедуру представители мужской части нашей команды. Под руководством Анны Ивановны проводилось обучение «искусству» заплетки концов стальных тросов, через которые парашют крепился к снаряду, а также созданию узла привязки фала вытяжного парашюта к основному куполу. Обычные узлы не годились для скользкого капронового фала.

Вначале Анна Ивановна неважно себя чувствовала на артиллерийском полигоне, где проходила отработка наших парашютируемых ракетных снарядов. Нередко нам приходилось соседствовать с артиллерийскими орудиями и даже с «Градом». Ко всему этому надо было привыкнуть. Да и вся работа была

довольно нервной из-за иногда случавшихся неполадок в элементах нашей разработки. Например, однажды все произошло в расчетном режиме — снаряд точно «прошил» мишень, тут же взвился вверх. На максимальной высоте, когда скорость его упала, отстрелился колпак и вывалился чехол с запрессованным в нем основным куполом и привязанным к нему длинным фалом с вытяжным парашютом. Все облегченно вздохнули, но оказалось, преждевременно. Наблюдая за процессом в ТЗК (трубку зенитного командира), я услышал тревожный вскрик наблюдавшей рядом в бинокль Анны Ивановны: «Перехлест!»

Действительно, купол был раскрыт не полностью из-за перехлестнувшей его стропы, и снаряд ускоренно неся к земле. «Господи! Да раствори ж ты его!» — надрывно взмолилась Анна Ивановна, и, к всеобщему удивлению, перехлестнувшая купол стропа тут же лопнула, и снаряд приземлился нормально...

В конечном итоге снаряд ЗМБТП был принят на армейское снабжение и изготавливался серийно на Ковровском оружейном заводе им. В.А. Дегтярева. Один из инженеров нашей команды защитил на этом кандидатскую диссертацию, мне же удалось получить пару авторских свидетельств на изобретения в области парашютной техники.

ЛУЧШИЕ НАВОДЧИКИ — ТОКАРЯ И ФРЕЗЕРОВЩИКИ...

Хотя в аббревиатуре ПТУРС две первые буквы и означают «противотанковый», на самом деле на поле боя для него кроме танков немало и других целей. Афганистан и Чечня это подтвердили. ПТУРС представляет собой точное и мощное оружие: например, на расстоянии в два километра его без особого труда можно направить в амбразуру укрепленной огневой позиции.

К сожалению, боевые части отечественных ПТУРСов обладают лишь кумулятивным и фугасным действием, осколочное

же их действие ничтожно. Известно, что во время карабахского конфликта «умельцы» одной из сторон, обладавшей немалым количеством ПТУРС 9М14 «Малютка», ухитрялись снабжать БЧ этого снаряда самодельными осколками.

И не зря много лет ряд КБ институтов и заводов нашей оборонной промышленности полным ходом разрабатывали и в массовом порядке изготавливали различные виды этого оружия: пехотного, носимого и возимого, танкового и вертолетного.

Со снарядами второго поколения управляться гораздо проще — надо лишь удерживать на цели марку прицела. Иногда такое управление называют полуавтоматическим.

Однажды ко мне обратились с просьбой провести на полигоне ЦНИИточмаш несколько пусков ПТУРС 9М111 «Фагот» из опытной установки — не было штатного наводчика. Пуски я эти выполнил без какой-либо предварительной тренажерной подготовки и, как мне показалось, в основном благодаря очень удобной, специфической системе управления снарядом, разработанной в тульском КБП. Марка прицела тульской пусковой установки наводится на цель двумя маховичками — точно так же управляет инструментом токарь и столом станка — фрезеровщик.

Мне пришлось ознакомиться с системами наведения на цель снарядов ТОУ и «МИЛАН», но тульский метод — двумя маховичками — мне показался гораздо удобнее и точнее. Маховичком под правой рукой марка прицела перемещается по курсу, под левой рукой — по тангажу (вертикали). А кто хоть немного работал на токарном или фрезеровочном станке, без труда может навести на цель снаряд «Фагот» либо 9М113 комплекса «Конкурс».

СЕКРЕТ ТОУ РАСКРЫТ

Оба вышеназванных ПТУРСа относятся к классу снарядов, управляемых по проводам. К этому же типу принадлежит и ТОУ.

На первых порах мы пытались понять устройство ТОУ по весьма скудным описаниям в американской открытой литературе. Там указывалось, что ТОУ наводится по модулированному излучению бортового источника. Это защищало снаряд от естественных и организованных помех. Получить такой источник и определить частоту его излучения означало, что мы будем иметь возможность создавать приборы, защищающие наши танки от снарядов ТОУ.

Такой излучатель оказался в наших руках после боев на Синае. Он находился в обломках хвостовой части ТОУ, который промазал по египетскому танку и взорвался в песке синайской пустыни. Получал эти бранные останки лично я. Мне было при этом сообщено, что среди членов одного из экипажей находился «компетентный товарищ», обративший внимание, что их обстреливают ранее неведомым оружием, он и подобрал пару таких обломков.

Мой сосед по рабочему столу — один из ведущих разработчиков аппаратуры наведения ПТУРС «Фагот» и 9М113, кандидат наук и лауреат Государственной премии Виктор Курносов попросил у меня этот излучатель. По собственной инициативе расковыряв пенопластовую заливку его электронного блока, за полдня составил схему блока, запустил излучатель и определил частоту модуляции излучения — 5 килогерц.

И это на всех сотнях тысяч уже выпущенных снарядах ТОУ! Таким образом, секрет был раскрыт. Теперь можно было разрабатывать устройство противодействия американским снарядам.

Подробно обо всем этом было написано еще в 1999 году, в 12-м номере «Солдата удачи», так что не буду повторяться. Там же приведена фотография «останков» ТОУ, честь поставки которых Резун приписывает себе. Почему я и говорил, что он лжет беззастенчиво, даже не опасаясь, что откликнутся люди, добывшие и исследовавшие ТОУ.

Надо сказать, конструкция ТОУ нашими разработчиками была оценена отрицательно. Но американский технологиче-

ский подход вызывал у нас большой интерес. Например, катушка проводной линии связи ТОУ с 3000 метров стального провода управления американская работница наматывает за 5 минут. В тот временной период намотчица катушек проводной линии связи нашего ПТУРС «Фагот» за рабочий день не наматывала и десятка катушек...

«...А У НАС — ХРЕН ДА НЕМНОЖКО!»

В качестве следующего примера совершенной технологии можно привести бортовой баллон со сжатым газом, необходимым для привода в действие рулевых машинок ТОУ. Наша «Фаланга» также имела для этой же цели баллон со сжатым воздухом. Если мне память не изменяет, давление воздуха в этом баллоне не превышало 200 атмосфер. В комплекте средств обслуживания «Фаланги» находился компрессор для периодической подкачки воздухом этого баллона. Но баллон ТОУ был закачан не воздухом, а весьма текучим гелием, причем под очень большим давлением — 400 атмосфер, и подкачка этого баллона за многолетний период хранения снаряда не предусматривалась. Гелий выгоден тем, что по сравнению с воздухом он значительно увеличивает быстроту срабатывания рулевых машинок. Но каким образом американцам удавалось загерметизировать гелиевый баллон — нам на тот период было неизвестно.

Мне пришлось докладывать об устройстве ТОУ на собрании руководящих работников отрасли и военных, где председательствовал начальник ГРАУ Павел Иванович Кулешов. В перерыве, когда многие стояли у демонстрационного образца ТОУ, ко мне обратился начальник и главный конструктор тульского КБП академик Аркадий Георгиевич Шипунов, он же доктор, профессор и заведующий кафедрой тульского института: «А скажи, Дмитрий, какое главное преимущество ТОУ перед нашим противотанковым снарядом комплекса «Конкурс»?»

Этого талантливейшего ученого оружейной отрасли я знал

отлично — под его руководством начинал свою инженерную карьеру. Поэтому в вопросе чуял подвох. Ответ начал с того, что, дескать, никаких преимуществ не усматриваю...

Но Шипунов прервал меня: «Нет, главное преимущество ТОУ в том, что у американцев их не одна сотня тысяч, а у нас «Конкурсов» — хрен да немножко!»

ПОТРЯСАЮЩАЯ ПРОСТОТА

Из тех же краев была получена и доставлена на мое предприятие и батарея из четырех фээргэвских ПТУРСов первого поколения «Кобра» с аппаратурой.

Снаряды и аппаратура наведения, выкрашенные в желтый цвет пустыни, кабели коммутации ракет, батареи с пультом оператора, еще пересыпанные песком синайской пустыни, навалом лежали в кузове грузовика. Начальник моего подразделения, узнав, что привезена батарея «Кобры» со снарядами в боевом состоянии, явно не пожелал связываться с опасным грузом и поначалу отказался принять его. Испугавшись, что буду лишен возможности ознакомиться с незнакомой техникой, я запрыгнул в кузов, мигом свинтил с ракет боеголовки и крикнул удалявшемуся начальнику, что опасения его напрасны, так как боеголовки лежат отдельно.

Назавтра я и мои помощники имели возможность подробно осмотреть привезенное. Батарея явно побывала в боевой обстановке, так как некоторые ее элементы имели осколочные отметины. След от осколка, в частности, остался на головной части взрывателя одной из «Кобр». Капсюль этой части взрывателя взорвался, но основной детонатор не сработал, так как взрыватель взведен не был. Из всего комплекса отсутствовал только полевой бинокль. Дело в том, что в отличие от известных ракет подобного типа прибор наведения «Кобры» не имел специальной оптики — ее роль выполнял обычный полевой бинокль. Было наивно рассчитывать, что он сохранится на длинном пути от Синая до Москвы.

На **фото 6** «Кобра» показана со стороны внешнего стартового двигателя, рядом находятся пульт управления со сложенной в крышке стойкой бинокля, раздаточная коробка для подключения снарядов батареи и кабель соединения снаряда с пультом. **Фото 7** — положение снаряда перед пуском. Донная крышка снята и закреплена на грунте шпилькой, от крышки к снаряду идут кабель к проводной линии связи и капроновый шнур, раскручивающий при старте ротор гироскопа. Под соплом стартового двигателя на грунт уложен металлический щиток, передняя часть стартового движка опирается на рамку из проволоки. Сверху на планере снаряда находятся термобатарея, трассер и транспортировочная рукоятка. Стойка бинокля установлена на пульте управления.

Все в «Кобре» удивляло потрясающей простотой и дешевизной исполнения. Например, корпус планера, материалом для которого у нас обычно является прочный алюминиевый сплав, в «Кобре» выполнен из экономичного материала, похо-

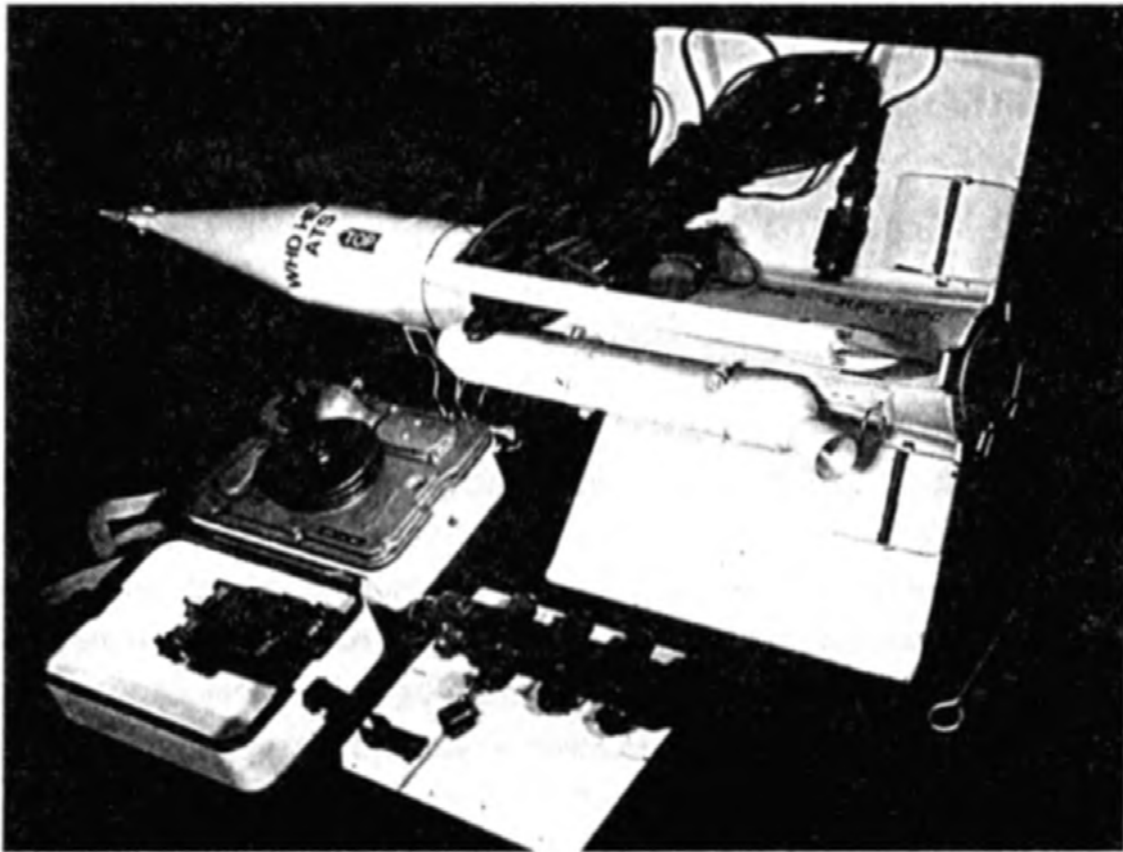

Фото 6

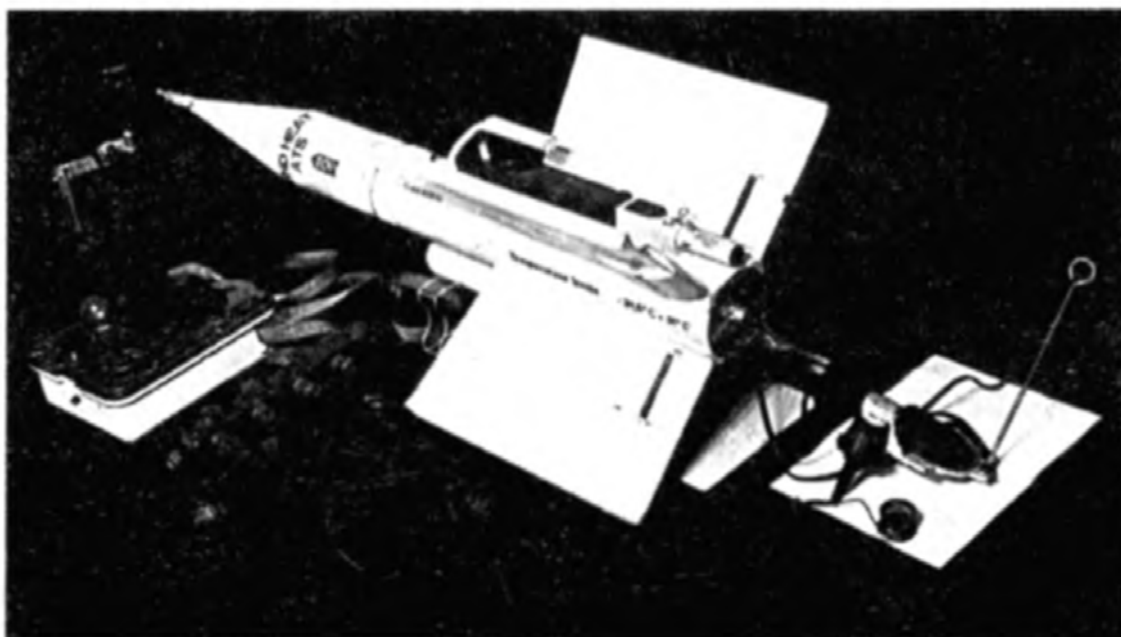

Фото 7

жего на гетинакс. Корпуса двигателей наших ПТУРСов изготовлены из наилучшей закаленной стали, у «Кобры» — из алюминиевого сплава. Применяемая пластмасса была не термореактивной, как у нас, а термопластичной, весьма удобной в производстве, причем не самого высшего качества — так называемый пластик АБС.

СОВЕТЫ ВЫИГРАЛИ СОРЕВНОВАНИЕ НА ЛУЧШИЙ КОМПЛЕКС...

Однако прежде всего меня интересовала конструкция боевых частей, а их, судя по маркировке, мы получили два типа.

В общем, когда дело касалось изучения иностранной взрывчатой снасти, мое начальство предпочитало, чтобы разборка производилась на специализированном предприятии другого министерства. Но организация таких специфических (и небезопасных!) работ предварялась нудной перепиской и немалой потерей времени. С этим я уже имел «удовольствие» столкнуться, когда ранее пришлось заниматься с легкими зенитными ракетами — американской «Ред Ай» и английской «Блоупайп».

На этом предприятии разборка выполнялась в бронекабине одним человеком. А уж туда мое начальство «командировало» меня с легким сердцем. Каждое предполагаемое действие записывалось в специальном журнале. После этого за исследователем боевой части закрывалась мощная бронированная дверь...

А у меня было только одно желание, одна страсть — поскорее узнать, что же там, в боеголовках «Кобры», внутри?!

Они оказались неразборными: две главные детали — корпус со снаряжением и длинный конический головной обтекатель, изготовленные штамповкой из листового алюминиевого сплава. Соединены прочным клеем. Пока все...

На следующий же день после получения материальной части я и Юра Александров, еще недавно мой подопечный дипломник, прихватив нехитрый инструмент, удалились в укромное место, где просто-напросто разорвали боеголовку по месту склейки. Устройство повергло нас в изумление — боевая часть относительно невысокого кумулятивного действия одновременно являлась и мощной осколочной! Заряд ВВ представлял собой прессованную цилиндрическую шашку из смеси гексогена с алюминиевой пудрой. Передний торец этой шашки имел коническую выемку, где находилась кумулятивная воронка из красной меди. По боковой поверхности шашки были уложены четыре сегмента с осколочными элементами. Осколками двух из них являлись мелкие (диаметром 2 мм) шарики. Два других сегмента несли в себе бронебойно-зажигательные элементы в виде стальных цилиндров, начиненных зажигательным составом.

Все это можно видеть на **фото 8**.

Боевая часть второго типа осколочных элементов не имела, их место занимали ВВ и кумулятивная воронка. Таким образом, эта БЧ была нацелена на большую бронепробиваемость.

Оригинальной особенностью «Кобры» было также устройство ее трассера. Если, стреляя нашими «Шмелем» или «Ма-

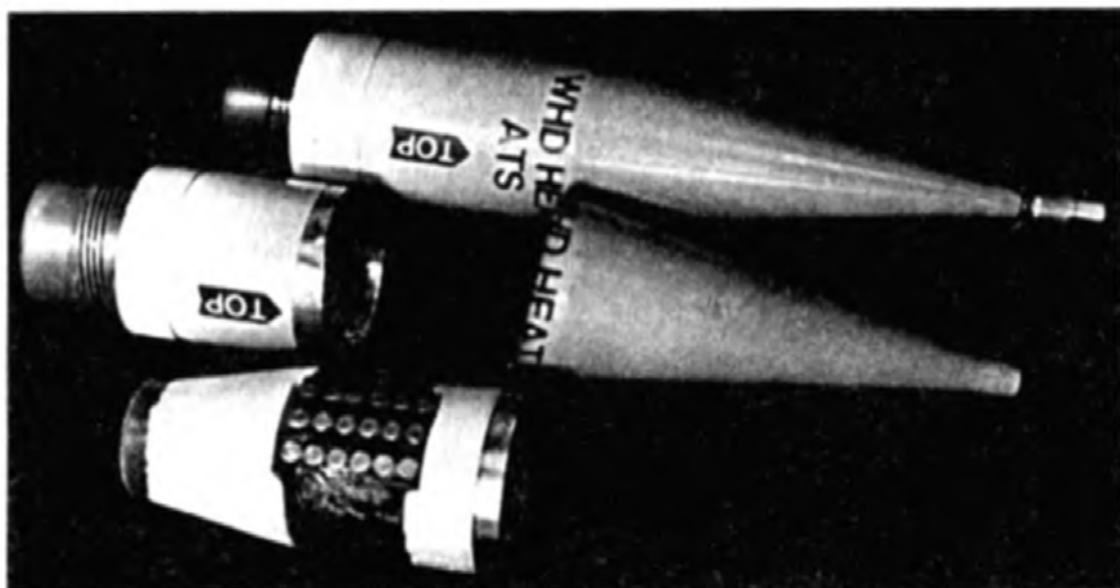

Фото 8

люткой», особенно в сумерках, не следует в первый момент смотреть в прицел — яркое пламя трассера слепит, то трассер «Кобры» первые пару секунд горит спокойным зеленым светом, лишь потом переходящим в яркий красный. Стартовала «Кобра» без какой-либо направляющей, прямо с земли — при срабатывании стартового двигателя подпрыгивала вверх-вперед и устремлялась к цели под действием маршевого двигателя вместе с транспортировочной рукояткой и подвешенным снизу отработавшим стартовым двигателем. Эти «архитектурные излишества» снижали дальность действия примерно на километр.

По сравнению с нашей «Малюткой» «Кобра» выглядела довольно убого. И справедливо было отмечено в одном из зарубежных источников, что Советы выиграли в соревновании на лучший комплекс первого поколения...

В ЛУЧШЕМ ПТУРСЕ БЫЛО МАЛО... ЛОГИКИ?

Однако следует заметить, что некоторые наши ведущие специалисты отнюдь не восторженно оценивали конструкцию «Малютки». При принятии на вооружение единственным ее

конкурентом был тульский комплекс «Овод». Руководителями разработки «Овода» были И.Я. Стечкин и Н.Ф. Макаров.

В период завершения испытаний «Овода» я на том же полигоне проводил работы с «Малюткой», отрабатывая учебный парашютируемый ее вариант. Стечкин интересовался устройством этого снаряда и попросил меня ознакомить его с ним.

Стечкина я знал еще со студенческой скамьи и не раз пользовался его консультациями при выполнении курсовых и дипломной работы. Я было сказал ему, что тут находится ведущий по «Малютке» от Коломенского КБ Эрих Георгиевич Цвингли, но Игорь Яковлевич (он был представителем другого, конкурирующего КБ) предпочел обратиться ко мне. Ознакомившись с комплексом ПТУРС «Малютка», он довольно быстро разубедил меня в моем восторженном мнении об этом снаряде. По его мнению, логики в конструкции «Малютки» немного, хотя она и признана лучшим ПТУРСом первого поколения.

Во-первых, ее крыльевой отсек, выполненный из термоактивной пластмассы АГ-4, лишь внешне кажется технологически совершенным, на самом же деле он сложен и дорог в производстве. До самого завершения выпуска «Малюток» на ковровском заводе себестоимость ее пластмассового, внешне миниатюрного планера оставалась дороже сварного алюминиевого и вдобавок громоздкого планера «Шмеля». Мало того, производство планера и других деталей из АГ-4 было небезвредным для здоровья. Мне приходилось наблюдать у работниц, снимавших заусенцы с такой, свежееотпрессованной продукции, на запястьях рук красные, похожие на экзему пятна.

Во-вторых, считавшаяся тогда передовой и не имеющей аналогов идея перенести источник питания с борта ракеты на пульт управления, а электропитание передавать на борт по кабелю управления, на самом деле довольно бестолкова. Кабель пришлось сделать трехжильным, с медными жилами и синтетической несущей основой. Три километра этого кабеля весят 1,5 кг.

Пульт управления с оптикой и аккумуляторной батареей питания komponуются во вьюк, вес которого как раз соответствует норме, положенной для транспортировки одним человеком. В данном случае это командир расчета.

При другом подходе источником бортового питания «Малютки» могла бы быть термобатарея весом не более 0,15 кг. Такая термобатарея активируется подачей на нее напряжения и в течение примерно полуминуты способна питать бортовую аппаратуру.

В качестве кабеля управления мог бы служить двужильный кабель на синтетической несущей основе, имеющий вес не более 0,54 кг.

Если сэкономленные 0,81 кг перенести на боевую часть, то по мощности она бы соответствовала боевой части тяжелого везимого ПТУРСа.

Одним из инженеров ЦНИИточмаш был даже разработан метод управления ПТУРСом по еще гораздо более легкому — одножильному кабелю. К сожалению, дальше кандидатской диссертации дело не пошло...

В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОГО КАБЕЛЯ

На ПТУРС «Овод» термобатарея находилась на борту, управление осуществлялось по двум тонким (диаметром 0,12 мм) стальным проводам, намотанным на отдельные катушки. Для снижения электрического сопротивления стальная проволока покрывалась медью. Снаружи такой провод защищался лаком горячей сушки.

Пульт управления «Овода» укладывался во вьюк командира вместе с одним снарядом. Но там были свои недоработки, не позволившие «Оводу» выйти на первое место.

Аналогичное проводное управление было и у первого отечественного ПТУРС 3М6 «Шмель». У «Фагота» два таких провода склеивались вместе. Прозван этот кабель был «лапша», но отработывался он с трудом по причине частых обрывов, даже

на дозвуковых скоростях полета снаряда. В конце концов такой кабель был отработан, но наматывать «лапшу» на катушку проводной линии связи могли лишь намотчики высокой квалификации. Автоматизации же процесс намотки «лапши» не поддавался.

Недостатком отечественных ПТУРСов с подобным кабелем управления, тех же «Фагота» и 9М113 комплекса «Конкурс», оказалось еще и то, что при стрельбе над морской водой из-за замыканий в кабеле снаряд управлялся лишь на части положенной максимальной дистанции. Это оказалось незамеченным при госиспытаниях снаряда, так как тогда стрельбы на полную дистанцию проводились над пресной водой большого озера. Там все было в порядке...

В результате выполнения специальной госбюджетной научно-исследовательской работы в ЦНИИточмаш, в моем секторе, с привлечением ряда других отделов, были разработаны опытные кабели на синтетической несущей основе. Для таких работ было разработано уникальное стендовое оборудование, позволяющее имитировать такую скорость смотки в лабораторных условиях. В дальнейшем на основе этих наработок Тульским КБП при участии специалистов кабельного завода «Чувашкабель» был разработан так называемый «морской» кабель, стойкий в морской воде и по своему сечению пригодный для замены «лапши».

ЗАГАДОЧНЫЙ «МИЛАН»

Больше всего мне хотелось заполучить снаряды франко-западногерманской разработки «МИЛАН», и я всячески настаивал на этом среди наших поставщиков. Дело в том, что уже из изучения зарубежных открытых источников следовало: в комплексе «МИЛАН» (снаряде, аппаратуре наведения и пусковой установке) сосредоточены передовые немецкие конструкторские и технологические достижения. Чувствовалось, что кое-что ценное оттуда можно почерпнуть и для наших разработок.

Главным разработчиком и производителем снарядов «МИЛАН» является фирма «Мессершмит — Бёлков — Блом». Название этого снаряда — «МИЛАН» — отнюдь не в честь известного итальянского города, это аббревиатура французского наименования «Легкая пехотная противотанковая ракета». По сути, «МИЛАН» — это аналог нашего снаряда «Фагот», поскольку вышел он годом позже, хотя разработка «МИЛАН» и была начата раньше.

В конце концов все образовалось в наилучшем виде. Мы получили и боеголовки, и пусковую установку с прибором наведения, и сами снаряды.

Для изучения и оценки технологических особенностей снаряда был привлечен Ижевский научно-исследовательский технологический институт. Несколько снарядов было отправлено в одну из отраслевых организаций, взявшуюся организовать стрельбы, но через несколько месяцев на мой вопрос по телефону о результатах их деятельности я получил ответ: «Мы вынуждены отказаться от этого мероприятия, да и тебе не советуем». Вдобавок возвращенные снаряды оказались извлеченными из пусковых контейнеров, и их проводные линии связи — оборванными.

Неожиданную поддержку в организации стрельб я получил от руководителя разработки оптико-электронных средств противодействия ПТУРСу, весьма талантливой и энергичной женщины, кандидата технических наук с необычными именем и отчеством — Яхи Яхьяевны Хаджиевой.

Мне она рассказывала, что дедушка ее был шейх какого-то горного аула. Мы вместе с ней сдавали кандидатский экзамен на кафедре философии МВТУ. Ее философский реферат оказался настолько совершенным, что профессор, заведующий кафедрой, приглашал ее работать на его кафедре, суля ей хорошие перспективы. Но Яха предпочла инженерное поприще, на котором и преуспела. Ей было интересно проверить на «забугорных» снарядах эффективность действия приборов против помех, разработанных в ее лаборатории. Она обещала, исполь-

зуя свои связи, организовать полигонные стрельбы «МИЛАН», если нам удастся привести эти снаряды «в порядок» и заменить их боевые части на инертные.

ИСПЫТАНИЯ

Я сомневался, что руководство полигона допустит нас к стрельбам — ведь никаких паспортов на технику и документов о безопасности работ, а также инструкций по обращению с установкой и снарядами у нас не было и не могло быть. Но Яха Яхьяевна, которая ранее неоднократно там бывала со своими разработками и пользовалась немалым авторитетом у полигонного начальства, заверила меня, что сумеет договориться с руководством полигона.

Материальная часть, состоявшая из снарядов и пусковой установки, была подготовлена довольно быстро при добровольном и активном содействии специалистов — разработчиков систем наведения моего института.

На полигоне подмосковной воинской части, где Яха организовала стрельбы, явно не приспособленном для проведения стрельб ПТУРСами, мне предложили развернуть установку на небольшом бугорке, который пришлось очистить от остатков битой бутылки и подровнять саперной лопаткой. Стрелком был назначен подполковник, имевший опыт пусков отечественных снарядов «Фаланга» и «Фагот». Он сразу же обратил внимание на бесшумность приведения установки «МИЛАН» в боевое положение — наши треноги раскладываются с громким демаскирующим треском. Подполковник ранее не был знаком с этой установкой, но мой краткий инструктаж для него оказался вполне достаточным.

«МИЛАН» по курсу наводится подобно нашей «Фаланге» — вращением стойки с двумя рукоятками. Левая рукоятка снабжена кнопкой пуска, правая, горизонтально расположенная, вращается подобно мотоциклетной, регулирующей газ, только здесь при ее вращении происходит управление снарядом по

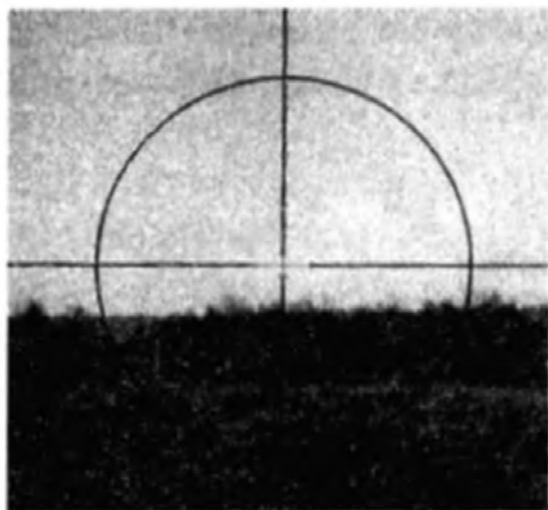

Фото 9

тангажу. Инструктаж свелся к указанию, что перед выстрелом нужно угольник прицела навести на цель и после выстрела плавно, вращением рукоятки «газа», опустить на цель перекрестие прицела (фото 9).

Из подъехавших к нам двух танков Т-72 вышли и предстали «навытяжку» перед подполковником водители, ко-

торым тот указал, как расположить танки в качестве мишеней на дистанции 1800 метров и когда включать постановщик помехи. Затем подполковник бесцеремонно содрал с них шлемы, один из которых протянул мне — наушников ни у него, ни у меня не было.

Небольшая группа офицеров и Яха Яхьяевна расположились на НП справа-сзади от нас, примерно в 50 метрах. Приборов регистрации траектории не было и в помине, фотоаппарата также ни у кого не имелось. Небольшое число офицеров и отсутствие высоких чинов из управления указывало на келейность испытаний.

Я расположился метрах в трех слева от стрелка, желая детально рассмотреть и запомнить весь процесс.

Звук старта был глухим, но достаточно сильным, и я не зря защитил уши шлемом. Дульного пламени заметно не было, небольшой огненный клубок с дымным облаком голубоватого цвета вырвался со стороны вышибного двигателя контейнера одновременно со сходом контейнера назад. Контейнер упал метрах в трех за установкой. Визуально начало работы двигателя можно было определить по реактивной струе, вырвавшейся из сопла после нескольких метров полета снаряда. Огонь трассера был хорошо виден на всем пути полета. Не долетев метров 500 до цели, снаряд плюхнулся на землю.

Фото 10

При обсуждении этого пуска один из офицеров, обращаясь ко мне, выразил сомнение в причинах падения снаряда — по его мнению, это могло быть результатом нашего некачественного ремонта. То, что это не так и «вина» в этом аппаратуры, поставившей помеху, было доказано на следующем пуске — снаряд упал на той же дистанции.

«МИЛАН» и «Фагот» — это однотипные снаряды, их дальности действия и вес практически одинаковы, но конструктивно они совершенно различны. «Фагот» в пусковом контейнере герметичен и не боится никакой влаги. Поставляется он с завода в деревянном ящике. «МИЛАН» укладывается по четыре снаряда в герметичной упаковке из полимерных материалов (фото 10). Будучи из нее извлеченными и в положении на пусковой установке, они вряд ли будут работоспособны после хорошего ливня.

На фото 11 видно, что габариты БЧ зарубежного сна-

Фото 11

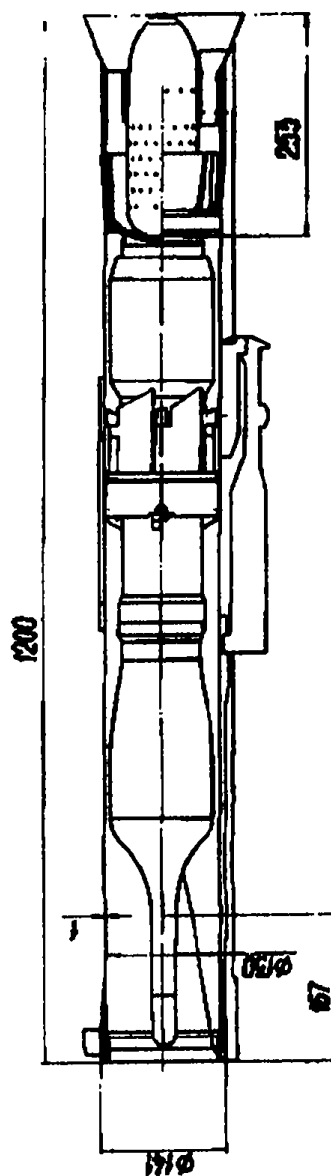
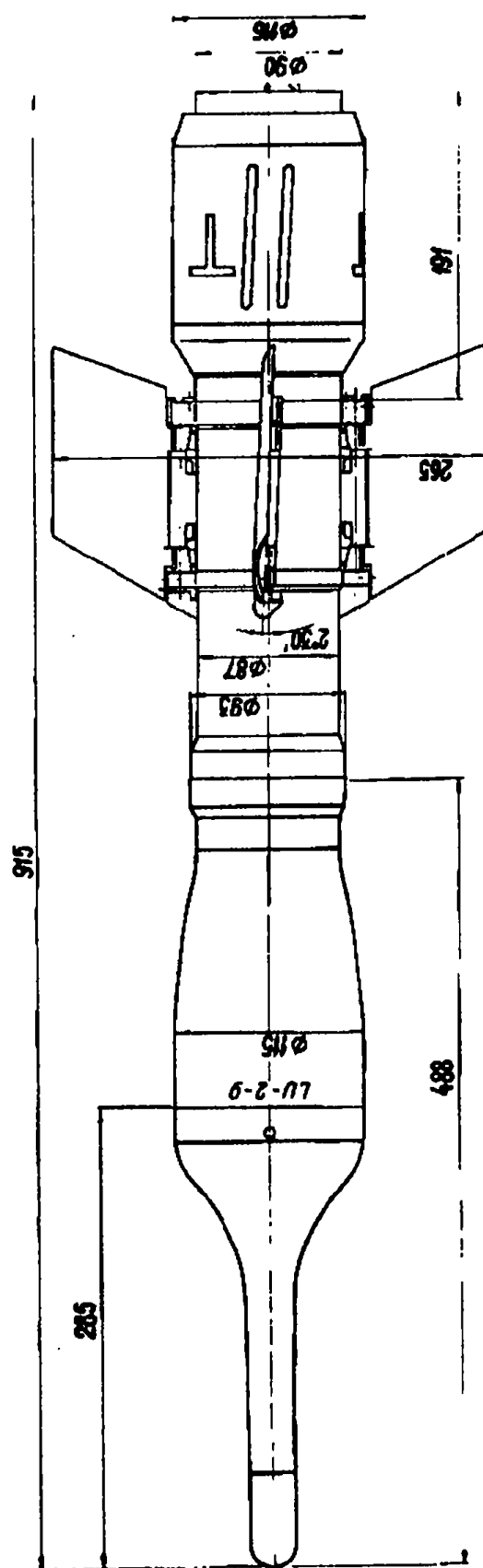

Фото 12

ряда «МИЛАН» ощутимо больше, чем у отечественного «Фагота». Крылья «Фагота» изготовлены из листовой нержавеющей стали, у его зарубежного аналога — из полупрозрачного пластика, наполненного стекловолокном. На **фото 12** показан чертеж, выполненный по результатам обмера снаряда «МИЛАН-2». От обычного «МИЛАН» он отличается только формой головной части БЧ, снабженной удлиненным носиком. Этот носик лишь несколько увеличивает бронепробиваемость. Имей он длину 800 мм, кумулятивная струя до соприкосновения с преградой успевала бы полностью сформироваться и углубиться в однородную стальную бронеплиту на 800 мм.

ПОЧЕМУ МЫ ОТСТАЕМ ОТ НЕМЦЕВ

Боевые части «МИЛАН» (**фото 13**) отличаются от всех известных тем, что детонатор (6), инициирующий кумулятивный заряд (3) из флегматизированного гексогена, размещается в донной части этого заряда (5), а не в отделяемом взрывателе. По данным немецкой специальной литературы, наилучшее и стабильное кумулятивное действие БЧ требует точного соосного размещения всех элементов заряда. При этом указывается, что допуск на несоосность детонатора должен быть в пределах 0,05 мм. Чтобы обеспечить эту точность, заготовка донной части заряда изготавливается литьем из смеси тротила и гексогена

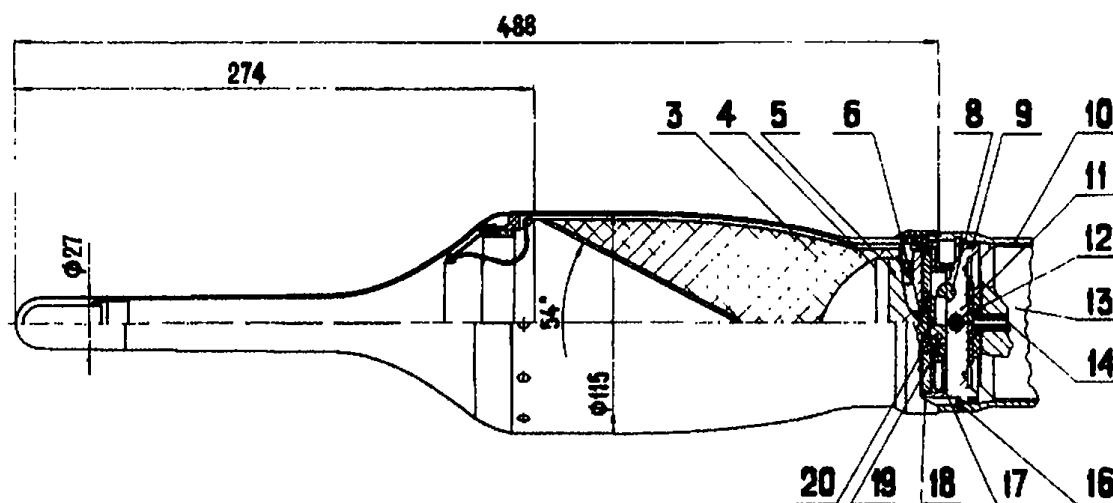

Фото 13

и окончательно формируется токарной обработкой. Торец заряда выполняется в виде небольшого конуса, на который приклеивается прессованная шашка детонатора (6). На такую технологию наши разработчики не идут, вот и уступаем мы немцам по качеству БЧ.

Непременным элементом кумулятивной БЧ является линза (4) из инертного материала. Она способствует более-менее равномерному подходу детонационной волны к поверхности кумулятивной воронки. У нас эта линза формируется из «пресс-порошка» и очень тяжелая. У немцев эта линза практически невесома, так как материалом ее является пористая резина. Разница в весе используется в заряде ВВ.

Немалый интерес вызывал взрыватель (точнее ПИМ — предохранительно-исполнительный механизм), размещенный в крышке двигателя (11). Конструкция этого взрывателя делает невозможной детонацию боеголовки при пожаре в боевом отсеке машины.

При деформации головного обтекателя и соприкосновении его с внутренним колпачком замыкается электрическая цепь, подрывающая капсуль электроискрового типа (12). Далее через промежуточный капсуль (19) инициируется детонатор. Промежуточный капсуль находится в перемещающемся движке и до старта выведен за пределы детонационной цепи. Пружина движка (17) должна переместить движок в положение, когда капсуль (19) расположится между детонатором и капсулем (12), но этому препятствует стопор (8).

После воспламенения торца заряда (13) двигателя давлением пороховых газов, проходящих через канал (14), этот стопор освобождает движок, и его пружина (17) смещает его в положение, когда все три капсуля детонационной цепи становятся на одной линии.

При небольшом повышении температуры в боевом отсеке выплавляется легкоплавкая пробка, закрывающая канал, в котором перемещается стопор (8). При дальнейшем повышении температуры воспламеняется заряд двигателя, но из-за отсутст-

вия пробки пороховые газы выходят наружу, не перемещая движка. От повышенной температуры кумулятивный заряд плавится и выгорает без детонации. Взрыв промежуточного капсюля происходит в стороне от детонатора и не приводит к детонации кумулятивного заряда.

ПИМ устанавливается в корпусе (10) двигателя из алюминиевого сплава и удерживается в нем разрезным кольцом (16). Обтюрация пороховых газов осуществляется резиновым кольцом (9).

Не меньший интерес представлял гироскоп. По весу и габаритам он в два раза меньше любого нашего аналога. Ротор этого гироскопа разгоняется газовой струей миниатюрного порохового аккумулятора давления. В результате изучения гироскопа одним из научных сотрудников ЦНИИточмаш был создан опытный образец столь же малогабаритного гироскопа, но, к сожалению, он так и остался в разряде опытных.

Таким же миниатюрным был механизм рулевого привода, отклоняющего газовую струю маршевого двигателя.

Еще одним узлом удивил нас «МИЛАН» — это вышибная двигательная установка (фото 12), выбрасывающая снаряд из контейнера. И у нас, и у американцев корпус такой установки с крышкой на резьбовом соединении изготавливаются из высокопрочной легированной стали с термообработкой на большую твердость. Главная боль производителей при этом состоит в том, что специальная (упорная) резьба на корпусе и крышке выполняется после их термообработки. При этом резца, изготавливаемого опытным слесарем-лекальщиком, хватает примерно на пять деталей. Немцы — великие технологи обошлись при этом крайне нетрадиционным способом: сборку порохового вышибного заряда они попросту обмотали, подобно кокону шелкопряда, прочной полимерной нитью. Я не представляю, как наши производители согласились бы на подобную технологию, наверняка посчитав бы ее сверхопасной...

На фото 14, заимствованном из Интернета, показан реаль-

Фото 14

ный пуск «МИЛАН-2». Мне представляется это монтажом, поскольку, находясь рядом, примерно там же, где на фото расположился коллега стрелка, я такого буйного пламени не заметил. Да и откуда оно возьмется, если снаряд выбрасывается поршнем, который остается в контейнере, закупоривая его дульную часть? На этом же фото виден сбрасываемый назад контейнер, благодаря чему никакой отдачи установка не воспринимает. В начальный момент схода назад контейнер имеет такую скорость, при которой он отлетел бы метров на 12—15. Но в ВДУ срабатывает тормозной заряд, и контейнер спокойно ложится метрах в трех за установкой.

ПОСТСКРИПТУМ

Сколь ни завидны некоторые зарубежные достижения в этой области, но конструктивно последние отечественные разработки, по крайней мере, не хуже. Примером могут служить разработки Тульского КБП, выполненные в период руководства этим КБ академиком А.Г. Шипуновым. В этом КБ

предпочтение отдается компоновке ПТУРСа по схеме «утка», то есть рулевые органы располагаются в носовой части снаряда, впереди центра тяжести. В отличие от зарубежных снарядов, например того же «МИЛАН», здесь управляющая сила совпадает по направлению с подъемной, что увеличивает маневренность снаряда. Особенно удачным представляется изобретение туляков использовать для перекладки рулей силу набегающего потока и не тратить на это энергию бортового источника питания. И вообще, ранее нигде невиданным является создание туляками бесперископной, очень простой системы управления, реализованной на ПТУРС «Метис» и последующем развитии на «Метис-2».

Последний отличается особенно мощной БЧ. На этих снарядах система управления определяет угловое положение по трассеру, установленному на кончике одного из крыльев.

К сожалению, нашим недостатком является технологическая отсталость производства и неповоротливость при внедрении передовых достижений, как своих, так и замеченных нами на зарубежных образцах. Например, даже в центральном отраслевом институте высококлассный фрезеровщик, изготавливающий непростые детали опытных образцов оружия, меняет инструмент, оперируя тяжеленным ключом. Одно это отнимает у него за рабочую смену немало сил. Зарубежный подобный специалист эту же операцию выполняет одним лишь нажатием кнопки...

Дмитрий ШИРЯЕВ

МАЙ 1978-ГО. КАБУЛ

Советские войска впервые вошли в Афганистан 25 декабря 1979 года. Известно также, что незадолго до этого, 3 и 14 декабря, в Баграм были переброшены парашютно-десантный батальон и подразделение спецназначения для

усиления охраны резиденции главы государства Хафизулы Амина и аэродрома Баграм. Но мало кто знает, что первое советское подразделение прибыло в Афганистан еще в начале мая 1978 года, всего через несколько дней после прихода к власти в этой стране левого режима.

Кабул. 1 мая 1978 года. Стою с сигаретой на балконе. По дорожке перед домом гордо вышагивают трое афганцев, знакомых по дворовому волейболу. У одного из них на груди красный бант. Окликаю и интересуюсь, чем это они занимаются. Поворачиваются в мою сторону и хором декламируют: «Мир! Труд! Май!»

— Так вы — первомайская демонстрация? — удивляюсь вслух, досадуя, что не понял это сразу.

— Да, товарищ! — кричат наперебой. — Теперь и нам можно... никто не посмеет запретить... и у трудящихся в Афганистане есть права.

— Что же вас так мало?

— Не волнуйся, — уверенно отвечает афганец с бантом, — мы идем на базар, будем агитировать темный люд присоединяться к нам.

Когда через час вновь выхожу на балкон, вижу демонстрантов в том же составе, уныло бредущих восвояси. Все ясно — мелкобуржуазный базар не внял призывам к единению с пролетариями. Хорошо хоть, что торговцы бока не намяли борцам за права трудящихся, а то не с кем было бы сражаться на волейбольной площадке.

В отличие от афганцев у нас, уже порядком уставших от идеологически выдержанных мероприятий, Первомай проходит тихо, по-домашнему. В непьющем Афганистане немногочисленным гражданам Советского Союза водочное довольствие к празднику, несмотря даже на революционную неразбериху в стране, торговые работники посольства выдали, как всегда, в срок и в полном объеме. Вечером собираемся за общим столом на кухне под нехитрую закуску — селедочку иваси и тушенку из лавки Востокинторга с гарниром из мест-

ной картошки. Разговор сам собой скатывается на афганские дела. Единодушно признаем, что нежданно-негаданно стали свидетелями исторических событий в одной из самых отсталых стран мира, последовавшей наконец доброму примеру своего северного соседа. Всех после нескольких дней, проведенных безвылазно в микрорайоне, тянет на службу лично убедиться, что афганские военнослужащие разделяют теперь уже наши общие идеалы.

На работу выхожу, но ненадолго. Успеваю отметить только, что куда-то пропали некоторые офицеры штаба ВВС и ПВО, нет и его начальника — полковника Абдул Кадыра, ставшего в одночасье героем революции и потому назначенного сразу министром обороны Афганистана с присвоением звания генерал-майора.

Как всегда не вовремя, именно тогда, когда еще не поздним вечером собираюсь угостить коллег коньяком по случаю дня своего рождения, вызывает старший референт-переводчик военного контракта:

- Есть работа.
- Какая? — интересуюсь.
- Ответственная.
- А конкретнее.

— Конкретнее? — переспрашивает. — Хорошо, только с приятелями не делись. Из Союза узел связи с личным составом перебрасывают. Наши представители уже поехали встречать его на авиабазу Баграм, они же будут сопровождать колонну. А тебе нужно помочь обеспечить прием и контакты с афганцами здесь, в Кабуле. Размещать будут на территории военного клуба. Бывал там?

- Не довелось.
- Вот заодно и побываешь.
- Когда приступать-то?

— Да прямо сейчас. Предупреди своих советников, что завтра с ними в штаб не едешь, но лишнего не болтай, домой забеги, сигаретами там запасись и подходи сюда. Афганцы, с

которыми будешь работать, должны на машине за тобой заехать.

Дома на всякий случай беру джемпер, ночами еще прохладно, набиваю карманы сигаретами, подумав, прихватываю с праздничного стола еще и бутерброд с сыром. Возвращаюсь. Вижу знакомую зеленую «Волгу» без заднего стекла, пострадавшую от кирпичей штаба ВВС и ПВО. Облокотившись на нее, стоят два афганских капитана: оба невысокого роста и в разной форме, один — в летной, другой — в сухопутной. Мне указывают на почетное по местным представлениям место рядом с водителем, сами усаживаются сзади.

Военный клуб, как выясняется всего через десять минут неспешной поездки, расположен недалеко. Сворачиваем с асфальта на грунтовую дорожку, с обеих сторон прикрытую деревьями. На КПП проезд перегораживает шлагбаум, который торопливо поднимает, заведев нас, солдат в каске и при оружии. За его спиной довольно большая территория с рощицами и зелеными лужайками, стадионом и маленьким двухэтажным зданием с террасой и примыкающим к ней бассейном. Место хорошее, ухоженное, но напротив, через улицу, по которой снуют машины, американское посольство. «Соседи неважные, — отмечаю про себя, — из их окон территория клуба как на ладони».

Пожилой афганец — то ли заведующий, то ли завхоз — показывает здание. Смотрю с важным видом, но так, только для порядка, потому что вопросов у меня пока нет, как, впрочем, и руководящих указаний, главным образом из-за отсутствия полномочий их давать. Вызываем начальника караула, обходим вместе с ним по периметру территорию: надо убедиться, что между часовыми существует визуальная и голосовая связь, позволяющая контролировать всю охраняемую зону. Спрашиваю начальника караула про боеприпасы. Отвечает: «Патроны выдали». К нему у меня есть и другие вопросы, задаю:

— Почему солдат у шлагбаума пропустил нашу «Волгу» сразу, без осмотра и доклада старшему?

— Так не в первый же раз она приезжает, и офицеры, — кивает на капитанов, — уже всем знакомы.

— Хорошо, а на КПП связь с начальником караула и зданием военного клуба имеется?

— Установили полевые телефоны. В здании клуба аппарат находится в комнате на втором этаже.

— Тогда, — говорю, — с этого момента въезд и вход на охраняемую территорию только с моего или, — указываю на капитанов, — их разрешения.

— Да, господин, — щелкает каблуками унтер.

Поглядываю на капитанов, никак не отреагировавших на «господина». Но они и сами, несмотря на то что оба партийные, все еще путаются в обращениях, а один из них даже упомянул как-то лидера НДПА совсем уж несуразно — «товарищ господин Нур Мухаммад Тараки».

Темнеет. В какое время ожидать прибытия колонны из Баграма — неизвестно. Устраиваемся в комнате с телефоном. Очень кстати приходится бутерброд, припасенный в кармане. Делю на троих...

Полудрему прерывает звонок с КПП — колонна прибыла. Даем разрешение на въезд и выходим из здания. В свете фар зеленые армейские машины и изъясняющиеся на русском люди в «гражданке», причем сплошь в темных костюмах, белых рубашках и при галстуках. Вот бежит куда-то коротко стриженный солдат-срочник с автоматом в руке, а под стильным пиджаком на брючном ремне у него болтаются зеленый подсумок с магазинами, саперная лопатка и фляжка. Офицеры, более привычные к ношению протокольных двоек, хотя и выглядят не так комично, но тоже обременены табельным оружием, кобуры которых оттопыривают полы пиджаков. Все заняты делом, и, несмотря на внешнюю суетность происходящего, чувствуется внутренняя организованность, присущая военному организму. На нас — «принимающую сторону» — обращают внимание

только тогда, когда приходит время выставлять свои посты вокруг расположения узла связи.

Вновь, теперь уже в темноте, шагаем по периметру, организуя внутреннее кольцо охраны. Афганские солдаты при нашем приближении истошно кричат: «Дриш!» («Стой!»), как требуют их уставы, выбрасывают вперед одну ногу и заученно имитируют колющий удар оружием с примкнутым штыком. Зрелище не для слабонервных, особенно если начальник караула успевает осветить солдата фонариком, в свете которого его смуглое лицо с вытаращенными белками глаз приобретает устрашающе-зловещий вид. Успокаиваю соотечественников, объясняя, что чаще всего афганские часовые несут службу без патронов и потому им так важно нагнать страху на потенциальных нарушителей.

Под утро удастся прикорнуть немного, балансируя на стуле рядом с телефоном — теперь моим главным орудием труда. С рассветом исследую его на предмет длины провода, которого хватает, чтобы вынести аппарат на террасу перед бассейном. Нахожу подходящий столик, а появившийся на работе завхоз предлагает еще и легкомысленный пляжный зонтик на подставке. Не возражаю, днем солнце припекает по-летнему. Расположившись с комфортом, предаюсь ленивым размышлениям: «Хорошо бы еще уговорить завхоза почистить и залить бассейн, тем более что остатки грязной воды на дне неприятно пахнут, когда ветер дует в мою сторону». Шелест листвы успокаивает, клонит в сон, сквозь дрему чувствую, как рядом пролетает что-то большое, наверное, шмель, жужжание которого заглушает громкий хлопок.

Сонливость испаряется одновременно с осознанием того, что рядом пронеслось не мохнатое насекомое, а несколько граммов свинца. Вскликаю и внимательно всматриваюсь в здание под звездно-полосатым флагом. Окна закрыты, полное спокойствие, лишь морской пехотинец за воротами напряженно смотрит в мою сторону, внешне не проявляя никаких враждебных намерений. Стало быть, стрелял не он. Но между ним и

мной на полянке, словно по команде «Замри!», в абсолютной неподвижности застыло в реденьком строю отделение афганцев из состава караула. Спускаюсь с террасы и иду к братьям по оружию. По мере моего приближения унтер, которому внутренний голос наконец-то подал очередную команду «Отомри!», начинает проявлять показную активность. Слышу его ругань, обращенную к кому-то из подчиненных. Ясно, пальнул один из афганских солдат. Спрашиваю:

— Что произошло?

— Этот, — унтер указывает пальцем на начинающего лязгать от страха зубами солдата, — когда отрабатывали приемы с оружием, взял и нажал на спуск. Пуля чуть-чуть в меня не попала. Прямо над ухом просвистела.

— В меня тоже, — делюсь неприятным ощущением и интересуюсь: — Почему патрон был в патроннике?

— Не знаю, — пожимает плечами, — может, он ночью на посту дослал его, а потом и забыл вынуть.

— Непорядок...

— Не беспокойтесь, господин, — прерывает унтер, — больше не повторится, а этого накажем, надолго запомнит...

— Наказывать, — говорю, — не нужно. Он уже наказан, вон как трясется. Но у меня к вам есть очень важный вопрос. Кто сейчас ваши друзья, товарищ?

— Друзь... — Унтер ненадолго задумывается, с его лица потихоньку сходит выражение подобострастия, и, когда в глазах появляется хитринка, выпаливает уверенно: — Конечно, советские.

— Если так, то почему вы направляете оружие в их сторону?

— Понял, все понял, товарищ, мигом исправим, — радуется сообразительный унтер, уяснив, что разноса не будет, и тут же командует: — Отделение, кругом!

Вот теперь все становится на свои места. Пусть американские морские пехотинцы вместе со своими дипломатами

волнуются, созерцая напротив посольства отделение афганцев, небрежно отрабатывающих приемы с боевым оружием.

Возвращаюсь на террасу как раз вовремя — трезвонит телефон. С КПП докладывают о прибытии какого-то майора. Долго пытаюсь выяснить: кто таков? Начальник караула, понижая голос, пытается объяснить, что на «Волге» прибыла большая шишка. Приказываю пропустить, но пешим. Вскоре появляется молодой офицер. Спрашиваю: «По какому делу?» — «Да я новый начальник управления генерального штаба, — отвечает, — надо согласовать некоторые вопросы по пошиву обмундирования для ваших военнослужащих». — «Вот как, — думаю, — майор, а уже на генеральской должности. Хотя некоторые в считанные дни и гораздо выше подпрыгнули. Тоже майор, Ватанджар, прямо из танка в кресло заместителя премьер-министра уселся. Встречать теперь надо, — делаю вывод, — не по одежке, а по мандатам, как в октябре семнадцатого». Встаю, приношу извинения за невежливый прием, веду решать вопросы с командиром узла связи...

Афганской повседневной формой без знаков различия узел связи обеспечивают всего в течение нескольких дней. Меня — тоже. Получаю к ней высокие армейские ботинки и становлюсь похожим, как и все остальные, то ли на загадочного военнослужащего неизвестной армии, то ли на партийного функционера эпохи революционных перемен. Невнятность облика порождает некоторые, свойственные только смутному времени коллизии. Когда по хозяйственным или иным делам вместе с двумя капитанами разъезжаем по Кабулу на «Волге» с боевыми отметинами, встречающиеся по пути пешие военнослужащие от солдат до полковников включительно (генералы пешком не ходят) с приставленной к головному убору рукой буквально ломаются пополам, пытаясь совместить строгий ритуал отдания воинской чести с сердечным поклоном. Так на всякий случай, видимо, проявляя лояльность по внешним признакам явно близкому к новым властям молодому выскочке. Стараюсь не

обижать пожилых полковников, благосклонно киваю в ответ и помахиваю ласково рукой.

Узел связи быстро втягивается в обычный, повседневный ритм жизни. В комнату на втором этаже здания встроена звуко-непроницаемая камера для ведения переговоров, спецмашины расставлены в нужном порядке, гражданские костюмы переодетого в форму личного состава спрятаны до возвращения в Союз, обеспечена совместная с афганцами система охраны и пропуска на территорию военного клуба. Даже грязную воду из бассейна спустили прямо на зеленые лужайки. Налажено и снабжение отечественными продуктами через посольский магазин.

Но не обойтись и без свежих овощей и фруктов. А их можно приобрести только за афгани. Когда валюту на эти цели выделяют, едем с прапорщиком-снабженцем на базар. Объясняю ему по дороге азы рыночного поведения и местную специфику: никогда сразу же не соглашаться на предложенную цену; торговаться, как принято в Кабуле, до последнего афгани; оптовикам положена скидка, увеличивающаяся в процессе превращения разового посетителя в постоянного клиента; поощряются взаимные подношения (бакшиш) и совместные чайные церемонии, способствующие созданию доверительных отношений, необходимых для того, чтобы избежать случаев обмана и лукавства, случающихся среди местных купчишек в отношении иностранцев.

Как и ожидалось, наш вместилистый «ГАЗ-66» сразу же привлекает пристальное внимание афганцев, знающих толк в торговле. От предложений нет отбоя, некоторые продавцы тут же начинают снижать цену. Возникает даже мысль, что все уже наслышаны о прибытии в Кабул советского узла связи, для личного состава которого потребуются значительные партии овощей и фруктов. Может, это и правда, ведь именно базар на Востоке всегда в курсе всех событий. С достоинством обходим ряды, демонстрируя свою основательность и добиваясь этим уважения, не спеша изучаем товар, справляемся о ценах и, вы-

брав подходящего партнера, приступаем к занимательной игре, цель которой максимально соблюсти коммерческие интересы обеих сторон. Через несколько минут признаем, что расхваливаемый торговцем товар действительно хорош, но цена все же завышена, еще через некоторое время соглашаемся с опущенной до нижнего предела стоимостью за пау (мера веса в Афганистане, равная 441,6 грамма), но оговариваем, что, если возьмем не один сир (мера веса, равная 7,066 кг), хорошо бы и еще уступить. Торговец клянется, что в этом случае не получит никакой выгоды. Делаем несколько демонстративных шагов к его соседу, но тут же получаем согласие на наши условия. Провожая нас, довольный афганец прикладывает руку к сердцу и говорит, что ждет нас с нетерпением в следующий раз. Советую прапорщику, напряженно прикидывающему в уме, сколько же денег сэкономлено от начальной цены за счет правильного поведения на базаре, при очередной закупке у этого же торговца закрепить отношения и предложить бакшиш, скажем, немного высокоценного советского сливочного масла или сухого молока.

Вновь сижу у порядком надоевшего телефона. Время от времени приезжают на переговоры с Москвой то посольские чины, то главный военный советник. Меня же дергают все меньше и меньше, узел связи уже прекрасно научился обходиться без переводчика. С интересом наблюдаю процесс заполнения чистой водой бассейна, представляя, как буду резвиться в нем по три раза на день. Мечты обрывает поступившая команда явиться в штаб военного контракта. Еду. Встречает старший референт-переводчик:

— Собирай вещички. Завтра летишь в Кандагар.

— Да я две недели как оттуда.

— Вот и хорошо, с условиями знаком. Побудешь там немного, надо помочь устроить новых советников, ну, поработать с ними немного.

— А когда обратно?

— Не волнуйся, при первой же возможности заберем, —

говорит не очень уверенно и добавляет, припомнив что-то: — Отзовем, конечно, тебе ж в Союз скоро, командировка всего через несколько месяцев заканчивается.

Уж лучше бы я не ездил в апреле в Кандагар. Хоть какой-то интерес сохранился бы к новым впечатлениям. Но делать нечего, видно пора пришла открыть очередную страничку хроники военного переводчика, не очень занимательную, наверное, судя по свежим воспоминаниям об этом афганском захолустье...

Михаил СЛИНКИН

РАЗВЕДКА И ДИВЕРСИИ

В ПУСТЫНЕ РЕГИСТАН

Командир батальона спецназа рассказывает...

«ХОЧУ БЫТЬ КОМАНДИРОМ»

Прошло 20 лет со дня вывода 6-го отдельного мотострелкового батальона специального назначения из Афганистана. В 80-е годы большинство офицеров и солдат рассматривали события в Афганистане не только как выполнение интернационального долга. Они ехали туда за военной романтикой, за боевым опытом. Многие офицеры и солдаты сами стремились попасть в Афганистан, и я был одним из них. После окончания с отличием Военной академии имени М.В. Фрунзе мне предлагали высокие должности в Москве. А я от них отказался и сказал: «Хочу быть командиром». Меня и назначили командиром отряда в одну из бригад спецназа в Прибалтику.

Сразу после прибытия в Вильянди я попросил комбрига Александра Завьялова направить меня в Афганистан. Сначала вопрос никак не решался — дескать, ты нам и здесь нужен. Но потом пришла телеграмма и начались собеседования с разными начальниками-«фотографами». Всех их я внимательно слушал, а они мне говорили одно и то же: «Смотри там!.. Если что, мы тебя снимем!..» Я сижу, головой киваю, уши прижимаю: «Да, да, обязательно... конечно...» И нас троих — меня, Валеру

Горатенкова (заменял Сережу Бохана в Кандагаре) и Сашу Ключкова (заменял Гришу Быкова в Асадабаде) — однокашников по Рязанскому воздушно-десантному училищу и академии — направили на собеседование в Генеральный штаб. Там под руководством Олега Швеца дали подготовку конкретно по Афганистану. Готовили меня на восьмой батальон в Фарахруд вместо Анатолия Юрченко, а назначили на шестой в Лашкаргах вместо Александра Фомина.

В Афганистане я командовал 6-м отдельным мотострелковым батальоном специального назначения, он же — 370-й отдельный отряд, который дислоцировался в городе Лашкаргах, провинция Гильменд. Ввел его в Афганистан в 1985 году Иван Крот, я в то время как раз заканчивал академию. Незадолго до этого приезжает он из Чучкова и говорит: «Я ввожу отряд в Афганистан, в Лашкаргах. Учи, Влад, переброску частей и соединений на большие расстояния». Послушал его и огромный конспект для себя написал на эту тему. И точно — в мае 1987 года был назначен командиром именно в этот отряд, а конспекты мнегодились при выводе его из Афганистана в Союз. Отряд, как уже сказал, принимал у капитана Фомина. Встретились мы с ним в Ташкенте, а в Лашкаргах личный состав и имущество передал мне замкомбата Володя Чернышов. Командирами рот были старшие лейтенанты Сережа Бреславский (БМП), Петя Михалев (БТР), Миша Федин (БТР), рота минирования — Саша Фоменков, зенитно-артиллерийская группа — Женя Матяш (ЗСУ-23-4 «Шилка»), группа связи — Женя Плужников, рота обеспечения — Витя Немушков (Урал-4320).

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА — БОРЬБА С КАРАВАНАМИ

В мое время в Афганистане активно воевал в основном армейский спецназ, который и был главной «рабочей лошадкой» в системе «Завеса». Все остальные — охраняли инфраструктуру, гарнизоны, дороги, сопровождали грузы и иногда проводили крупные операции. Готовится колонна к маршу — это уже

событие! Танки, пушки, каски, бронежилеты!!! Масштабные операции проводились относительно редко.

Главной задачей спецназа в Афганистане была борьба с караванами с оружием, боеприпасами, наркотиками, а также уничтожение бандгрупп, проникающих с территории Пакистана и Ирана. Задача эта очень трудная, ведь как таковой оборудованной границы у Афганистана с Пакистаном и Ираном не было. Кроме борьбы с боевыми караванами и бандгруппами проводились и другие операции. Выполняли задачи по поисково-спасательному обеспечению. Осуществляли личную охрану командующего 40-й армией генерала Б.В. Громова и других VIP-персон от Кандагара до Фараха. Если становилось известно, что в том или ином кишлаке выявлен центр сопротивления, так называемый Исламский комитет, или, проще говоря, «духи», то производился налет, ликвидировали центр и восстанавливали правительственную власть. Бывало, захватывали склады с оружием, печати, документы Исламской партии Афганистана (ИПА), Движения исламской революции Афганистана (ДИРА), Национального исламского фронта Афганистана (НИФА), знамена, партийные кассы.

Территориально зона ответственности у моего отряда была огромная: правый фланг — в межозерье Хамун, провинция Фарах, а левый фланг — город Кандагар. В эту зону входили провинции Гильменд, Нимруз и часть провинции Кандагар, песчаная пустыня Регистан с главным ориентиром — горой Маликдукан, зеленая зона реки Гильменд, каменистая пустыня Дашти-Марго и горы Хашруд с главным ориентиром — горой Казагар, горы Чари-гар, Трушбаб-гар.

В гарнизоне Лашкаргаха дислоцировались управление 2-й бригады, управление 205-й отдельной вертолетной эскадрильи, десантно-штурмовой батальон 70-й дшбр, который охранял городок, плюс артиллерийские батареи «гиацинтов» и «гвоздик» (крупнокалиберные самоходные гаубицы), взвод установок залпового огня «Град» и 6-й омсб — позывной «Зима», полевая почта 83428.

Где же вы теперь, друзья-однополчане?

6-му омсб были приданы отряд вертолетов (два Ми-8 и два Ми-24МТ), батарея десантных 120-миллиметровых гаубиц Д-30, минометная батарея, танковый взвод и разведывательный взвод, для авиационной поддержки — пара «грачей» (штурмовики Су-25) из Кандагара.

Когда я только принял отряд, в роте старшего лейтенанта Сергея Бреславского подорвались две БМП. Я принял решение об эвакуации группы и приказал Саше Семинашу — командиру группы — идти через второй канал у кишлака Марджи. А он хочет идти через кишлак Систанай, что не менее опасно! По молодости я ведь упертый был, настоял-таки на своем. Навстречу группе отправил ремонтно-эвакуационную группу (РЭГ). Так она в засаду попала! Я тотчас с дежурной группой Саши Гончаренко на помощь помчался. Расстояние было километров 40, но добрались мы быстро. На подходе к месту боя нас прилично обстреляли, один БТР подорвался на mine-«итальянке».

Я сразу понял, что без поддержки авиации здесь не обойтись: «Связь мне!» Вызвали «вертушки», огонь артилле-

рии. «Вертушки» на предельно малой высоте отстреляли «асошки» (АСО, тепловые ловушки для защиты от ракет с тепловой головкой наведения) и зажгли камыши, чтобы выдавить «духов» на открытое пространство. Не всем бандитам удалось уйти в Марджу. В бою уничтожили безоткатное орудие, из которого «духи» стреляли по нашей броне. На этот раз все закончилось благополучно, не считая оторванного колеса у БТРа и нескольких контуженых бойцов и офицеров.

Самое неприятное для меня как для командира было то, что прошло всего несколько дней, как я принял отряд, а тут подрыв. Получилось «шашкомахательство» какое-то... В то же время пустить группу по другому маршруту через Систанай было равносильно самоубийству. Этот вражеский кишлак прижимает дорогу к такому же кишлаку Марджи. И если бы наши стали пробираться между кишлаками, их бы там всех грохнули. За подрыв БТРа на итальянской мине в том бою мне крепко досталось от командира бригады Дмитрия Герасимова.

В пустыне стояла страшная жара. Броня и стволы обжигали руки. После боя только подошли к каналу с водой, бойцы рассудок потеряли, бросились в канал — и давай пить! Я кричу командирам: «Хоть охранение выставьте!» Какое там!.. Стреляю в воздух, снова кричу — ноль внимания! В такую жару начинаются галлюцинации, люди нередко полностью теряют контроль над собой и ничего не боятся, ничто не может их остановить — такое неудержимое желание напиться. Так я и охранял их, пока все напилось, не стали хоть чуть-чуть соображать и вспомнили наконец, что жизнь в опасности.

Через зону ответственности отряда проходили условно восемь караванных маршрутов, по которым шли банды и осуществлялись поставки оружия, боеприпасов, перевозились наркотики и медикаменты. На моем участке караваны прорывались в центральные районы Афганистана со стороны Паки-

стана через перевал Шебиян по пустыне Регистан, со стороны Ирана — по пустыне Дашти-Марго. Бандгруппы передвигались в составе караванов с оружием, боеприпасами и наркотиками в основном ночью. Нередко они вклинивались в состав мирных караванов с товаром или маскировали свой караван под мирный.

Если говорить о караванах, то они были или вьючные, или автомобильные. Автомобильный караван обычно состоял из двух-двенадцати легковых «Тойот»-полугрузок, очень редко попадались грузовые «бурбухайки». Вьючный караван — это, как правило, десять-двадцать одногорбых верблюдов. В типичном боевом караване процентов 30—40 груза составляли промышленные и продовольственные товары, еще 30—40 — оружие и боеприпасы, а остальное — медикаменты и наркотики, в основном «ханка» (опиум-сырец в мешках), реже — гашиш. Конечно, «духи» всеми способами маскировали оружие, боеприпасы и наркотики под мирные грузы.

Обычно впереди боевого каравана пускали мирный караван из шести-восьми верблюдов, а через некоторое время уже

Лейтенант Степаненко досматривает караван

шел основной, боевой караван. Охрану осуществляла, как правило, банда из пятнадцати-двадцати человек. Кроме них были погонщики верблюдов. Непосредственно перед караваном шла группа из пяти-шести человек на «вьюках» — головной дозор. В ядре каравана, где находился груз, обычно было человек пятнадцать. Все вооружены автоматами и гранатометами. Это были достаточно подготовленные «духи», но нельзя сказать, чтобы слишком хорошо. Однако на расстоянии ста-двести метров стреляли они довольно метко. Плюс к этому они были знакомы с тактикой действий мелких подразделений. Если надо было сосредоточить огонь всей бандгруппы на одном нашем солдате, который стрелял по ним, то с этим они вполне справлялись. Тренировали душманов на территории Пакистана в учебных лагерях, в так называемых «школах талибов». Оружие у душманов было в основном китайского, арабского и румынского производства, мины — итальянские, пластмассовые, радиостанции и оптика — американские и японские, а экипировка — куртки, спальники — американская.

ТУШЕНКА, ТУШЕНКА, ТУШЕНКА!..

Сам отряд спецназа у нас был большой — более 500 человек по штату и большое количество заштатников на восполнение текущего некомплекта бригады. Ведь люди болели, погибали... Мы стояли практически на самом юге, наши самолеты к нам не летали, добраться до батальона можно было через Кандагар. Каждые две недели я направлял колонну порядка 40 машин под командованием командира роты Вити Немушкова, зампотеха Равиля Зайнулина или зампотылу Ильи Петовраджи в Туругунди, на границу с Союзом, через Гиришк, Диларам, Шинданд, Герат за имуществом и продовольствием. Это примерно 1100 километров. Ведь холодильников у нас не было, кондиционеров — тоже. Поэтому все время нас кормили одной тушенкой. Тушенка, тушенка, тушенка!.. Сколько я ни пытался добиться чего-то еще, удавалось улучшить питание

всего на неделю-две. Потом все возвращалось на круги своя. Это же не Кабул, а самая окраина Афганистана. А вообще полет из Кабула до Лашкаргаха — это меньше часа на афганском Ан-26 — у арбатско-кабульских деятелей считался чуть ли не боевым выходом: они сразу требовали награды, «горку», «песочку», тельник, трофейный американский спальник, «бакшиш» (подарок). Для них это было целое событие — боевой выход, командировка на войну! Для создания боевой обстановки (чтобы комиссия побыстрее покинула расположение отряда) я устраивал ночью боевые тревоги по отражению нападения со стрельбой, шумом, артиллерийской иллюминацией. Эффект был неотразимый, комиссия улетала в Кандагар первым же бортом.

Помню, как-то прилетела к нам комиссия больших арбатско-кабульских партийно-политических военачальников со своими помощниками. Все такие вальяжные, чистенькие, важные! А ребята наши только что с боевых вернулись — грязные, оборванные, просоленные, пулемет за ствол тащат. И тут началось: «Да что ты за командир?! Ты посмотри, как они у тебя ходят: рвань, в кроссовках, автоматы и пулеметы за стволы тащат! Да как ты позволяешь?!» А выглядели бойцы так потому, что на боевые (боевой выход) мы старались ходить в КЗС (комплект защитный сетчатый) и в кроссовках. Прикид весь в сеточку, в жару хорошо продувается, но одноразового использования. А кроссовки нам комсомольцы из ЦК ВЛКСМ подарили — 200 пар московских «адидасов». Весь отряд ходил на боевые в кроссовках, очень удобная обувь. Боевое напряжение групп было очень высоким, и, к сожалению, «горка», «песочка» и «эксперименталка» быстро превращались в лохмотья в ходе боевых действий, а новое обмундирование поступало по установленным нормам нбски и не выдерживало экстремальной эксплуатации.

Я стою и понять не могу: что тут такого необычного? Ведь люди с войны вернулись. Меня это тогда здорово задело: «А вы что, хотите, чтобы после 15 суток войны в пустыне на сухпайке,

без воды они строевым шагом, с песней шли и подтянутыми были при этом? Да не бывает такого!» С боевых бойцы все возвращались обветренные, прожаренные, черные от пыли и грязи, вшивые, изодранные. Живая, реальная жизнь сильно отличалась от киношной и телевизионной.

БУДНИ ВОЙНЫ

«Духи» иногда обстреливали гарнизон эрэсами (РС — реактивный снаряд) из района Калабуст, где находилась арка Александра Македонского. Из минометов не достреливали, хотя и пытались. Однажды случилась страшная трагедия. Сидят ребята из отряда спецрадиосвязи в курилке, и прямо в центр курилки прилетает эрэс. Трое были убиты, восемь ранены. На такие обстрелы мы очень резко реагировали — поднимались все сразу (артиллерия, авиация, дежурная группа), находили огневые точки противника и уничтожали по максимуму. Так что местное население из ближайших кишлаков изо всех сил старалось держаться от злых «духов» подальше — себе дороже обходилось.

Местные по отношению к нам вообще-то вели себя довольно дружелюбно. Торговцы на рынке нас приветствовали и очень ждали, когда мы у них что-нибудь купим, за покупку давали «бакшиш». Мальчишки пытались всучить солдатам «чарс» (слабый наркотик), что-нибудь купить-продать или что-нибудь открутить у техники. Местные жители приходили к нам лечиться. К 1988 году обстрелы гарнизона прекратились.

Мы вели разведывательно-боевые действия в основном на автомобильной технике, на броне или пешком при поддержке авиации и артиллерии. На «вертушках» контролировали караванные маршруты в горах и в пустыне, выводили группы в засады. Вели поиск бандгрупп на трофейных автомашинах «Тойота» и мотоциклах «Ямаха». В каждой роте было по три-пять таких «Тойот», «Ниссанов», «Доджей», «Симургов». Нередко

наши группы переодевались в национальную одежду, пристраивались к караванам белуджей, с которыми мы были дружны. Вождь племени белуджей с чудесной бородой и его сын Мираджи иногда приглашали наших представителей в гости.

Были у меня в отряде два замечательных старших лейтенанта — Сергей Зверев и Сергей Дымов, командиры групп. Эти уникальные спецназовцы нередко захватывали по несколько машин с оружием, а в апреле 1987 года умудрились с боем взять караван из двенадцати (!) таких машин. Очень удачливым командиром был капитан Сергей Бреславский, кроме оружия и боеприпасов, он пару раз захватывал кассу ИПА, нередко выручал меня в критических ситуациях. Блестяще выполняли боевые задачи старшие лейтенанты Юра Швыдкий, Алексей Панин, Юра Мокров, Миша Федин, Саша Назаров, Валера Травкин, Слава Безматерых. Отлично воевали сержанты Товкес, Оспанов, Ксенофонтов, Бощенко, Жунусов, Кимбаев, Завгородний и многие другие. Особая благодарность нашим вертолетчикам: комэску Сергею Косенкову, Мише Азанову, Илье Рыжкину и всей 205-й отдельной вертолетной эскадрилье. Вертолетчики для спецназовцев были полубогами. Без них мы не смогли бы ус-

Дымов, Фидаров, Еремеев с вертолетчиками

пешно выполнять боевые задачи. Только они могли в критической ситуации спасти группу за многие километры от пункта постоянной дислокации (ППД).

Сам я на боевые летал раза два-три в неделю, а раз в два-три месяца выводил отряд в рейд на перехват караванов дней на десять-пятнадцать. В день мы совершали два-три вылета на досмотр караванов. Бывало, и ночью летали на воздушную охоту на боевых вертолетах Ми-24. Как правило, на ночную охоту летали Панин, Швыдкий, Мокров.

Утро начиналось в четыре часа. Я инструктировал и отправлял на караванные маршруты досмотровую группу на двух вертолетах. С ними поднимались две «вертушки» прикрытия — Ми-24. Командир группы располагался между левым и правым летчиками, борттехник — за курсовым пулеметом в носовом блистере, в открытую боковую дверь и в хвостовой части вертолета на турель устанавливались ПКМы, открывались иллюминаторы и в каждое окно устанавливался ствол. В пять утра досмотровая разведывательная группа (ДРГр) улетала на воздушную разведку местности. Мы взлетали так рано потому, что уже к девяти утра температура воздуха поднималась настолько, что «вертушкам» сложно было летать. Караваны шли примерно в это же время. Ближе к полудню они вставали на дневку, потому что днем невозможно передвигаться по пустыне в такую жару никому — ни людям, ни даже верблюдам. Чтобы сократить потери от тепловых ударов, с 12.00 до 16.00 в отряде прекращались полевые занятия и работы, людям предоставлялся отдых. А я вместе с вертолетчиками просил Всевышнего не посылать врагов моим командирам в это время. К сожалению, нередко Он не внимал нашим просьбам.

Летаем мы над своей зоной и смотрим по сторонам. Видим — караван. Разворачиваемся. Даем предупредительную очередь с борта. Караван останавливается. Все поднимают руки и машут, кричат: «Палуч, палуч» — мы, мол, мирные белуджи, летите дальше! Решаем — будем все-таки досматривать. Снижаются Ми-8 с досмотровой группой. Ми-24 кружат в

боевом охранении. Подсели, выпрыгиваем. Из вертолета первыми идут пулеметчики, затем командир с досмотровой группой, из второго вертолета выпрыгивает и занимает позиции огневая подгруппа прикрытия. И очень часто бывало так: мы начинаем приближаться к каравану, а тот, кто только что махал нам руками, достает ствол — и давай нас «мочить»! Начинается бой.

Как-то раз в такой ситуации командиру группы Андрею Перемитину пуля попала в «лифчик» на груди и застряла в снаряженном магазине. Удар был такой силы, что чуть сердце не остановилось у парня, синяк был на всю грудь. Только выскочили, побежали на досмотр каравана — «дух» достает свой «карамультак» и начинает стрелять. Если в группу начали стрелять, тут уж нет прощения никому. Досмотрели караван. Все у них было — оружие, боеприпасы, наркотики. Загрузили «результат» в вертолет и улетели.

С захваченным трофейным оружием, боеприпасами и медикаментами все было понятно, а куда девать наркоту? Медики

Результат лейтенанта Назарова

отказались организовывать переработку наркотиков в болеутоляющие средства. Командование требовало уничтожать наркоту на месте, но наркотики не тонут, при подрыве только разлетаются. Приходилось сжигать — резины и соляры не хватало на такие объемы.

Однажды, после выполнения боевой задачи в районе колодца Галачах, пустыня Регистан, возвращаемся с ротой Миши Федина в ППД. И вдруг со стороны «зеленки» (зеленая непросматриваемая зона из кустарников и деревьев) из кишлака нас плотно стали обстреливать из «безоткаток» (безоткатное оружие). Я отряд в пустыню отвел, артиллерию развернул — мы в этот раз выходили на броне и даже с гаубицами Д-30. Артиллеристам нужно было обнаружить цель. Для этого мы с артиллерийским наводчиком на броне стали передвигаться на видном месте вблизи «зеленки». И «духи» не выдержали, начали по нам стрелять! Артнаводчик засек цели и передал координаты. В результате «духовские» «безоткатки» были уничтожены, но и кишлаку, из которого по нам стреляли, здорово досталось.

Основную часть караванов и бандгрупп, что шли из Пакистана, наши спецназовцы брали в районе Багата на Сарбанадирской тропе. Но бывало и по-другому. Однажды мы очень жестоко бились с «духами» в горах, в районе перевала Шебиян. Вертолетчики были не в восторге от вылета на Шебиян — далеко, летать в горах сложно, жара, воздух разрежен, топлива не хватает, нужно дополнительные баки устанавливать на борт. И вот что придумали — в районе глинистых озер в пустыне Регистан примерно на середине пути сделали площадку подскока вертолетов. Там ровное-ровное, как зеркало, место километров на десять-пятнадцать, твердая, как хороший бетон, почва, тяжелые самолеты принимать можно. Мы туда выгоняли авиационную «землю» под прикрытием брони, ставили охранение. Потом на броне подходил сам отряд, прилетали вертолеты. Они здесь дозаправлялись, загружали группу и летали вдоль гор вплоть до стыка трех границ у кишлака Рабати-Джали, куда одним перелетом с группой на борту не долететь.

Комбриг Сапалов, комбат Еремеев

Как-то вылетели мы на разведку караванных маршрутов в сторону Рабати-Джали. С нами были комбриг Юрий Сапалов и хадовец (сотрудник афганских спецслужб). Летим, летим — вроде никого нет. Вдруг в районе перевала Шебиян боковым зрением замечаю — стоит в мандехе (небольшое узкое ущелье) синяя «Тойота», значит, где-то рядом и остальной караван. Не хотелось ввязываться в бой, имея командира бригады на борту, да и группа была сборная. Я сделал вид, что не вижу каравана. Летим дальше. А начальник разведки Леша Панин кричит и руками размахивает: «Караван, командир, караван! Ты что, не видишь, что ли?» Я ему: «Да вижу я, Леша, вижу!» Крутнулись, подсаживаемся, и начинается долбежка.

Летчики, да и командиры на борту плохо себя чувствовали. «Двадцатьчетверки» подавили ДШК, «восьмерки» высадили нас метрах в ста от «духовских» кладок и улетели на дозаправку. У душманов в горах не окопы были вырыты, а сложены кладки из камней — почти что крепость, укрепленный район. Лезем мы на эти горюшки, а «душки» по нам постреливают из-за кладок. Мы развернули АГС и обработали «духов-

ские» кладки. Вижу — «душки» побежали. Я трассой Лехе цель показываю, кричу: «Леша, смотри!» Он — дынь-дынь-дынь, и... «духи» попрятались. Поднялись мы на одну горюшку быстренько, на другую — и вышли к ущелью. Смотрим сверху — «духовский» лагерь: палатки, костер горит, оружие и боеприпасы разбросаны и никого нет. Мы прикрытие наверху поставили, а сами — я да Алексей — вниз пошли посмотреть, что там такое. Трынть-трынь-трынь — спускаемся. Все тихо. Я говорю Лехе: «Смотри, что мы здесь взяли!» Вокруг — оружие, боеприпасы, чуть поодаль «Тойоты» стоят. Леха начал в первую очередь скручивать с машины магнитофон (в то время был такой дефицит!). Я ему: «Давай стволы собирать!» А он: «Подожди, командир, успеем, пока «вертушки» прилетят». И тут — такой залп по нам сосредоточенным огнем из автоматов с горы напротив! Бросили мы все магнитофоны — и дунули к своим. Так быстро я даже сотку никогда не бегал! А Леха ведь опытный офицер, старается изо всех сил прикрыть наш отход, настоящий герой! Я ему: «Ты в сторону от меня беги, труднее будет в нас попасть». А он все равно пытается прикрыть меня. На наше счастье, не попали: мы очень быстро бежали. Я петлял и еще Леху отталкивал, а он все равно прикрывал меня. Короче, запутали мы «духов». Бежим. Язык на плече, в глазах красные круги — ведь стояла жуткая жара! До кладки добежали чуть живые, но целые.

Вызвали авиацию. Для авиационной поддержки отряда в Кандагаре всегда была дежурная пара «грачей» в пятиминутной готовности. Но в этот раз прилетели «МиГи». Пилот мне: «Восьмисотый, ты меня наблюдаешь?» — «Наблюдаю». — «Обозначьте себя». Зажигаем красный дым. Себя обозначили. «Наблюдаешь?» — «Наблюдаю». Я ему даю азимут, дальность, цель — караван с оружием. А «МиГи» где-то на семи тысячах метров барражируют. Я командиру: «Ты спустись хотя бы до трех». Он: «Нет, запретили нам ниже семи работать». Летчики не хотели нарушать наставление по полетам и попадать в зону поражения «Стингера».

Начали они бомбить. А по науке нельзя наводить авиацию на цель ближе 500 метров от группы. У меня с Лехой такое впечатление, что они прямо на нас бомбы бросают. На самом деле они отбомбились подальше от нас, где тоже были «духи». С командиром кандагарского авиаполка у меня были private отношения. Я ведущему: «Воздух»! Я — «Земля». Отличная работа! Передайте командиру, что «Мираж» (это мой позывной был) в трудную ситуацию попал, пусть еще пару «грачей» пришлет на поддержку». Сами бьемся с «духами», перестреливаемся, пытаемся их «мухами» пошугать. Минут через 40 приходят «грачи». «Восьмисотый», наблюдаем тебя...» — «Азимут... дальность... цель...» Пришли они тоже высоко — на семи тысячах. Но потом с боевого разворота с кабрированием (кабрирование — поворот летящего самолета вокруг поперечной оси, при котором поднимается нос самолета) как пошли вниз! Сначала один бросил бомбы, потом другой... В ущелье — дым, огонь, взрывы! Разбомбили все. После этого мы уже спокойно с группой спускаемся. Нормально идем, никто нас не обстреливает. Леха все-таки скрутил магнитофон с машины. Пока он двигался в ее сторону, я с группой досмотра шел прямо по ущелью. Вдруг боковым зрением вижу «духа», который из-за укрытия показывает, что намерен сдаться. Слышу очередь из автомата — та-да-да! А это боец за камень падает и в падении этого «духа» бьет. Досматриваем убитого. Хадовец установил по документам, что уничтожен командир бандгруппы ИПА. Я стал бойца воспитывать: «Ты зачем стрелял, его в плен надо было взять?!» А он в ответ: «Командир, а если бы «дух» успел первым в меня выстрелить?» Это все в доли секунды произошло. Да, пожалуй, боец был прав. В бою прав тот, кто первым уничтожит угрозу своей жизни и жизни товарищей, «цинки» нам не нужны. В этом бою у нас обошлось без потерь, даже раненых не было. Уничтожили мы крупный караван и взяли пленных.

Я думаю, что душманы просто одурели, когда нас увидели, — слишком далеко мы были от наших коммуникаций, кило-

метров 250—300 от Лашкаргаха. Они, скорее всего, надеялись, что мы не будем в бой ввязываться и досматривать караван. Но Леху не обманешь! А вот то, что «духи» не попали по нам с Лехой, — это большая удача, могло закончиться все очень плачевно. Мы были уверены, что «духи» бросили караван и разбежались, но мы ошиблись.

Удовольствия, конечно, во всей этой истории мало. В горячке боя не чувствуешь страха, не замечаешь ничего. А потом, когда возвращаешься, начинаешь чувствовать боль, растрескавшиеся губы, снимать полосами обгоревшую кожу с открытых частей тела, видеть, что у тебя сбиты колени, порваны локти, разбиты пальцы. Идет отходняк, отдача в чисто психологическом плане... И думаешь: «А тебе это надо?..»

Кроме поиска противника с вертолетов, мы проводили и засады. Ведь через нашу зону по пустыне Регистан проходила знаменитая Сарбанадирская (Багатская) тропа в зеленую зону Гильменда. Регистан — это голая пустыня, раскаленные сыпучие пески, лунный пейзаж и жуткое испепеляющее солнце. Жара страшная... Поэтому мы заранее пролетали вдоль тропы на «вертушках» и смотрели, где лучше посадить группу, чтобы ко-

А. Гордеев вручает орден Ю. Мокрову

лодец был или хотя бы какая-то растительность. Высаживаем группу, командир организует наблюдение по кругу на вероятных направлениях движения караванов. Часто сидели в этом пекле по трое-пятеро суток — никого нет. Ведь разведка у душманов тоже работает. Поэтому я обычно одновременно высаживал по три-пять групп, чтобы перекрыть сразу несколько маршрутов в полосе тридцать-сорок километров. Конечно, просочиться через эту полосу было можно. Но нам везло, и на нашу долю приходилось самое большое количество перехваченных боевых караванов.

Начальником штаба у меня был Саша Телейчук, очень грамотный офицер. Как-то приходит он и говорит, что пришли данные — небольшой караван из двух машин в 17 часов будет следовать в направлении Марджи. Я ему: «Ну, давай на «вертушки» — и вперед!» Он сажает группу Семененко на вертолеты и полетел. Я думал, что там всего две машины, Саша их быстро захватит — и делу конец! А в караване оказались еще и мотоциклы, и тракторы. Наши хотели их, как зайцев, взять, а «духи» неожиданно оказали серьезное сопротивление. Начали их бить с «вертушек» — «духи» на мотоциклы прыгнули и стали уходить.

Воевали, воевали с ними и в конце концов загнали «духов» в камыши у канала. Они разбежаться не стали, а собрались вместе и опять оказали ожесточенное сопротивление. В камышах их не видно: они из укрытия бьют, а наши на открытом песке лежат. Плюс ко всему рядом договорная зона (территория, обязанности по контролю за которой передавались в руки местных старейшин) — кишлак, откуда «духи» подкрепление подтянули. Кишлак поддержал их огнем из пулеметов. Бой шел порядка двух часов, солнце уже стало садиться. На некоторое время была потеряна связь «земли» с «воздухом». Мы на центре боевого управления (ЦБУ) отряда очень нервничали, при докладах старшим начальникам о ходе боя белая «труба ЗАС» раскалялась докрасна. Практика показала, что нельзя зря дергать командира группы. Командир группы при выполнении бое-

вой задачи и бог, и царь, и воинский начальник. В дальнейшем я никогда не сообщал командованию о завязке боя, а докладывал только результат. В конце концов летчику боевого вертолета Ми-24 Илье Рыжкину удалось уничтожить «духовские» пулеметные расчеты. Сожгли камыши и добили уходящих в кишлак «духов». В результате группа захватила в этом бою две «безоткатки», ДШК, итальянские пластмассовые мины, китайские боеприпасы.

В том бою, слава богу, никого из наших не убили, но подранили одного сержанта и тяжело ранили майора Анатолия Егорова, оперативного дежурного отряда. Ему перебило ноги, да еще и в живот попало. Он родом из Ленинграда, сын начальника кафедры Академии тыла и транспорта. Слава Безматерых оказал первую помощь и вытащил Толю из боя в вертолет.

КОМАНДИРСКИЙ КРЕСТ

Егорова быстро эвакуировали в Кандагар, оттуда — в Кабул, из Кабула — в Ташкент. К тому времени я на практике убедился, что тяжелораненого надо обязательно доставить в Кандагар живым и желательно в сознании. Врачи сделают все, чтобы вытащить умирающего с того света. Хотя с кандагарским госпиталем иногда бывали трения — им статистика хорошая тоже нужна была. Ведь командиру отряда важно доставить раненого до госпиталя живым, а госпиталю важно, в свою очередь, чтобы раненый не скончался после приема. Иногда приходилось здорово ругаться с приемным отделением. А наши врачи в отряде — Дима Свирин, Эльбрус Фидаров, Саша Образцов, Володя Долгих — были замечательные и многим помогли сохранить жизнь и здоровье.

Безусловно, каждая травма, каждое ранение и гибель — большая трагедия и боль для командира и всего отряда. Бой — процесс обоюдный: или — ты, или — тебя. К большому сожалению, за время моего командования отрядом у нас все-таки

погибли десять человек. Среди них были восемь солдат и два офицера — Костя Колпашиков и Ян Альбицкий. Я помню всех своих ребят и свой командирский крест несущ по жизни.

В жестоком бою у Марджи погиб перед дембелем прекрасный разведчик, нештатный переводчик, сержант Шамсутдинов, подорвались на трофейной «Тойоте» и были убиты у озера Хамун радисты Чечун и Яцкив, попали в засаду у кишлака Шабан и героически погибли, прикрывая отход группы, разведчики Лебедев, Голощапов, Гавриленко, на перевале Эр-Мирза погиб водитель Шкарин, нелепо погиб водитель Лабутин. Потери наши, по меркам Афганистана, были меньше, чем у других. Особенно если учитывать характер выполняемых задач и боевое напряжение. Я думаю, так получалось за счет того, что мы в основном воевали в песках, в пустыне. В горах, конечно, сложнее воевать, там были злые «духи», у них имелось больше возможностей для неожиданного маневра. Особенно злыми были «духи» в Асадабаде, Шахджое и Кандагаре.

Старший лейтенант Ян Альбицкий, секретарь комитета комсомола отряда, был тяжело ранен в голову в конце июля в последнем бою перед выводом отряда из Афганистана. Когда я с врачами — Образцовым и Свириным — прилетел за ним и раненым сержантом Бощенко в пустыню Регистан, Ян находился в сознании. Обколотый прагмидолом, он уверял меня, что чувствует себя хорошо, но в вертолете потерял сознание. С большим трудом Образцов и Свирин поставили ему капельницу. Весь полет мы качали его, не давая «уйти». Нам удалось дотянуть Яна живым до Кандагара. Однако через неделю при транспортировке раненых из Кандагара в Кабул Ян Альбицкий скончался на борту самолета.

Младший лейтенант Костя Колпашиков, слушатель 3-го курса ВИИЯ, старший переводчик отряда, в январе 1988 года должен был поехать в отпуск. Я ему говорю: «Поезжай». А он мне: «Холодно в Союзе, вот в феврале на последнюю операцию под Мусакалу схожу, тогда и полечу». Тут еще начальник штаба отряда попросил: «Это мой лучший помощник. Пусть

сходит». В ходе операции «Юг-88» надо было сломить сопротивление «духов» в базовом районе Мусакала — Сангин — Каджаки. Мулла Насим со своей бандой не давал возможности местным властям организовать эксплуатацию электростанции в Каджаках. Нужно было провести «зачистку» этого района. С этой целью проводилась крупная войсковая операция.

Одной из групп спецназа в этой операции командовал старший лейтенант Ильдар Ахмедшин. С ним в группе были Костя Колпащиков и Валера Польских — офицер управления бригады. В ходе поисково-засадных действий группе пришлось продефилировать неподалеку от кишлака Шабан. Здесь они и попали в засаду — кинжальным огнем бандгруппы из кишлака сразу сожгли два наших бэтэра. В бою у нас погибли три человека, двенадцать спецназовцев получили ранения. Костя Колпащиков немного обгорел. Мог остаться в строю, но врач бригады настоял на эвакуации. Обычно раненых и убитых эвакуируют на разных вертолетах, а в этот раз правило нарушили. Вертолет разбился ночью при взлете. Погибшие умерли дважды... Погибли Костя Колпащиков, левый

Мусакала. Погибли Костя Колпащиков, Валера Польских, командир кандагарского вертолетного полка

летчик — командир кандагарского вертолетного полка, правый летчик и еще несколько раненых. Валера Польских был еще жив при эвакуации в госпиталь, но захрипел и скончался у нас на руках, когда мы его ночью выносили из вертолета в Лашкаргахе. Выжили «бортач» (борттехник) и водитель бэтэ-эра Леня Булыга (призывался из Белоруссии).

Ильдар Ахмедшин в том бою получил жесточайшую контузию. Ночью, когда убитых и раненых привезли в отряд, в ходе опознания смотрю: среди трупов лежит вроде как Ахмедшин, живой он или нет, непонятно. Спрашиваю: «Это Ильдар?» Отвечают: «Да, он живой, но очень тяжело контуженный». Ильдар полгода лечился в ташкентском госпитале, сбежал оттуда и нагнал отряд, по-моему, уже в Шинданде, в ходе вывода. Я ему говорю: «Да ты лежи в госпитале, лечись!» А он: «Нет, честь имею, выйду вместе с отрядом, под своим Боевым Знаменем!» Следует отметить, что Боевые Знамена были не у всех отрядов и наши ребята очень гордились своим Боевым Знаменем.

Потом Ахмедшин командовал этим отрядом уже в Чучково, встречал я его в Чечне в первую кампанию. А погиб Ильдар случайно — возвращался с железнодорожной станции, и его сбила машина. И вот что печально — после вывода из Афганистана немало офицеров и солдат погибло в подобных бытовых ситуациях при нелепых обстоятельствах.

В бою под Сангином ранили сержанта Диму Андрианова, призывался он из Москвы. При отправке в Кандагар Дима спрашивает: «Владислав Васильевич, что у меня с ногой?» Я посмотрел — ранение вроде не очень серьезное. Я ему: «Ты не переживай, сейчас мы тебя до Кандагара дотянем. Все будет нормально». Проходит время, мне сообщают, что ему ногу оттапали. Я прилетаю в госпиталь, начинаю разбираться. Оказывается, его вовремя не осмотрели в приемном отделении. А там же жара... Началась гангрена, сепсис. На мой взгляд, ногу можно было спасти. Так обидно и стыдно мне стало — ведь я ему обещал, что все нормально будет!..

В БОЮ МЫ ВСЕ ОДНОЙ КРОВИ — КРАСНОЙ

Боестолкновения происходили, как правило, перед заходом солнца, ночью и по воскресеньям. Бой — это страшная вещь. О нем легко рассказывать. А там — стрельба, взрывы, дым, гарь, крики, кровь, пот и слезы, бах — «трехсотый», бах — «двухсотый», быстрее, быстрее, быстрее!.. Вперед! На взлет! Нет бойца? Давай назад! А он дрожит, бедный, на точке эвакуации: «Я не успел добежать!» Изредка такое случалось из-за плохой связи. Ведь она с каждым бойцом была односторонняя — только на прием по Р-255. На передачу связь только у старших троек по Р-392. С вертолетами поддерживали контакт по «Ромашке», с группой — по «Ангаре» и «Северку». Наши радиостанции сильно уступали «духовским» «воки-токи».

Сейчас некоторые деятели заявляют, что в Афгане бросали своих людей в бой, своих расстреливали. Это бредовый вымысел. Мы никогда своих людей не бросали и не расстреливали.

Боевые друзья – Товкес, Андрианов, Непран, Кимбаев

Я считаю, что нашему солдату цены нет. Государство в неплатном долгу перед солдатами и офицерами, прошедшими Афган. Воевали они беззаветно. В основном это дети рабочих и крестьян. Конечно, в то время большую роль играла идеология коллективизма и взаимопомощи. Нас ведь как учили — человек человеку друг, товарищ и брат. Сам погибай, товарища выручай. Плюс ко всему мужской коллектив. Каждый хочет себя проявить с лучшей стороны, дух соперничества присутствует. Говорят какому-нибудь бойцу: «Ты такой-сякой, плохо помылся, плохо побрился». А он в бою доказывает, что он лучше, чем о нем говорят.

В бою мы все одной крови, причем **красной**, а не голубой. Конечно, потом, когда бой закончился и все вернулись в ППД, начинается «разбор полетов», кто как воевал, кто всю воду выпил, кто стрелял, а кто дрожал, кто попал, кто не попал. Хотя, конечно, отношения между старшими и младшими у нас были жестковатые. Ведь менее опытные не знают, например, что всю воду в пустыне выпивать сразу нельзя, что старших надо слушаться... Непослушание ведет к неоправданным боевым и небоевым потерям. Поэтому старшие воспитывали нерадивых очень конкретно, так что понимание приходило быстро. Но были и особо хитромудрые мальчиши, просидевшие весь Афган в баграмском реабилитационном центре, где использовались администрацией госпиталя, мягко говоря, не по назначению.

С водой вообще была проблема. Во время выходов на боевой технике случалось, что и из радиаторов автомобилей воду выпивали. Ведь обычно разведчик с собой брал одну-две фляги, каждая по полтора литра. А приходилось на этой воде неделю воевать, а то и больше... Например, высаживаем группу на «вертушках» на три дня. А тут то вертолет где-то завалили, то еще что-то — и через три дня бойцов не получается снять. Запрашиваем по «Ангаре»: «Ребята, продержитесь еще пару дней?» — «Продержимся». А солнце не щадит, «душманская отрада». Проходит пять дней, они докладывают: «Командир,

нам тяжело, вода кончается». А вертолеты все не летают. Нет «добра» из Кабула. И группа «Экран» в штабе армии ничем не может помочь. Высокое начальство все разбирается с подбитым вертолетом. Проходит семь, восемь, десять дней... Прилетаешь забирать ребят — у них уже обезвоживание организма началось. А что такое обезвоживание? Люди одуревают, от них остаются только кожа да кости, да еще при этом понос начинается. Забрасываем чуть живых пацанов в вертолет, везем в отряд. Им надо понемножку начинать пить, а они так воду хлещут, не остановить! Сажаем ребят в бассейн, чтобы они отмокали, а они пить прямо из бассейна принимают! После этого тиф, желтуха начинает долбить... Война есть война — страшная, неприятная работа. Никакой романтики, сплошная грязь.

ПОБЕДИТЬ САМИХ СЕБЯ

Оставаться людьми в таких нечеловеческих условиях помогало то, что нас в армии всегда учили преодолевать трудности. И я учил своих бойцов, что мы должны победить сами себя, стать лучше и сильнее, чем природа и обстоятельства. Я им говорил, что они лучшие, что они герои и могут выполнить самую трудную задачу, но обязательно должны остаться в живых. От командиров групп требовал соблюдения главного принципа: «Прежде чем залезть в какую-нибудь аферу, подумай, как ты из нее будешь вылезать. Если знаешь, как вылезать, — тогда давай! Если не знаешь, как выбраться, — не лезь туда, дорогой!»

Мы ведь кадровые офицеры, и нас готовили к войне. Быть командиром не просто, а в Афганистане сложнее во много раз. Очень много разных горе-начальников изображали из себя крутых, так и норовили потешить свое самолюбие, «сфотографировать» командира — снять с должности, что наносило большой ущерб воинской службе. Однако мы — офицеры и нам грех жаловаться на судьбу. Для офицера, для командира

проявить свои навыки умения в бою всегда считалось достойным уважением. Мы ощущали себя сыновьями фронтовиков Великой Отечественной. И то, что они в свое время сумели защитить страну и победить фашистов, для нас являлось образцом служения Отечеству. Именно это было основой настроения практически для всех офицеров — 99,9 процента. И офицеры вели за собой солдат.

За отличия в разведывательно-боевой деятельности (РБД) солдаты и офицеры представлялись к орденам и медалям. По мере активности РБД я представлял офицеров к орденам вначале за десять караванов, потом за пять, за три, а весной 1988 года по требованию генерала В. Варенникова за каждый результат.

Денежное довольствие офицеров в Афганистане было примерно 300 чеков (один доллар у «менял» в Кабуле или Москве был равен трем-пяти чекам), а солдаты получали мизер — хватало на один поход в магазин за газировкой «Си-Си» или соком «Дона».

«Шурави» искренне хотели помочь афганскому народу выйти из средневековья, прекратить многолетнюю родоплеменную резню, создать нормальные экономические и социальные условия для жизни. Мы же видели, как живут узбеки и таджики у нас, в Союзе, и как они живут в Афганистане! Это — небо и земля. И если мы поможем афганцам хотя бы дотянуться до уровня наших среднеазиатских республик, не говоря уже про республики Кавказа, то «советским» надо будет ставить памятник при жизни. Были глубоко убеждены, что несем прогресс и процветание в эту Богом забытую страну.

По итогам РБД в 1987 году наш отряд наряду с баракинским и газнийским был признан одним из лучших в составе ОКСВ в Афганистане. Следует отметить, что наши военачальники С. Ахромеев, Б. Громов и Г. Греков высоко ценили спецназ. В. Варенников иногда лично звонил мне прямо в отряд и благодарил за результаты.

ВЫВОД

Первыми из Афганистана вышли отряды спецназа, которые дислоцировались в Джелалабаде и в Шахджое. А в августе 1988 года и я вывел свой отряд в Советский Союз.

На выводе наш отряд шел в составе бригады. Шли перекарами, прикрывая во взаимодействии с кандагарским и фарахским отрядами колонну выводимых войск. Первый привал был в Шинданде. Там пришлось обеспечивать безопасность ооновских наблюдателей из экзотического Непала (вот смеху-то было!). Прошли таможню, изъяли все лишнее, чтобы не попало в Союз. В Шинданде состоялись митинг и парад. Второй привал был в Туругунди — помылись перед пересечением границы, сдали боеприпасы. Третий привал — на нашей территории. Очень хотелось выпить по случаю возвращения в Союз, однако действовал горбачевский «сухой закон» и во всей колонне не нашлось ни грамма спиртного. Весь путь от Лашкаргаха до Кушки со мной на броне ехали корреспонденты из наших и зарубежных газет, а писатель-«про-заек» Александр Проханов — до Герата. Незадолго до вывода он прибыл в Лашкаргах, жил в отряде и знакомился с нашей боевой деятельностью. В Герате мой бэтээр с Прохановым и журналистами на борту обстреляли из толпы. Радикалы хотели спровоцировать ответный огонь, я уже дал команду «К бою!» и запихал пассажиров в броню, но командир бригады Александр Гордеев проявил завидную выдержку, и провокация сорвалась.

6-й омсб пересек границу 11 августа 1988 года. Первое, что я увидел на нашей стороне, переехав мост, — выбеленную известью мазанку с огромными буквами «БУФЕТ». Встречали нас туркмены с цветами, лепешками, зеленью. В Кушке состоялся митинг. Отряд в составе бригады совершил 1200-километровый марш от Лашкаргаха до Иолотани. В Иолотани мы несколько дней приводили себя в порядок в ожидании погрузки на эшелон до Чучкова. Генерал А. Колесников из ставки войск южного направления, будущий начальник Генерального штаба, популярно разъяснил нам, что афганская война не пользуется

уважением в Союзе и нас здесь не ждут. Эшелон шел до Чучкова неделю. 30 августа 1988 года 6-й омсб с Боевым Знаменем, торжественно, хлебом и солью был принят комбригом Анатолием Неделько в ППД Чучково.

Прошло много лет с тех давних пор. Практически все участники афганских событий давно закончили государственную службу. Судьбы офицеров и солдат отряда сложились по-разному. Андрей Перемитин погиб в первой чеченской кампании, Кошелев — во второй. Ушли из жизни славные командиры: Ахмедшин, Плужников, Матвеев, Козловский, легендарный Веснин. Многие ребята после развала СССР стали успешными бизнесменами, но немало и тех, кто не смог смириться с новыми реалиями жизни. Кое-кто стал «солдатом удачи». Семь офицеров 6-го омсб впоследствии были назначены командирами отдельных бригад — высшими командирами в спецназе: Иван Крот (командовал полком и бригадой), Александр Фомин, Владислав Еремеев, Петр Липиев (командовал двумя бригадами), Юрий Мокров (командовал двумя бригадами), Сергей Бреславский, Валерий Травкин. Получили высокие должности Миша Федин, Вова Чернышов, Эльбрус Фидаров. А.Г. Фомин и В.Ю. Травкин стали генералами. А. Фомин был тяжело ранен в Чечне, за подвиг в бою с террористами ему присвоено высокое звание Героя России.

А недавно песок в пустыне Регистан осваивал английский принц Гарри и весь мир восхищался им...

Владислав ЕРЕМЕЕВ

ПЕРЕХВАТ

ОН И ЕГО ГРУППА

Он — командир разведывательной группы специального назначения. Они находятся на боевом выходе в пустыне Регистан. Их 20 человек, и они занимаются охотой на караваны. Они не дураки и не глупцы, отлично понимают, чем рискуют.

Командир уже полгода в Афгане, это его восьмой самостоятельный выход в качестве командира группы. Три выхода были результативными. Так что пороху он уже понюхал. Силы воли ему не занимать, физически и теоретически подготовлен что надо. Есть желание воевать. А это значит, что группе покоя не видать. Да большинство солдат и не простили бы командиру малейшую трусость или желание уклониться от встречи с противником.

И потому сейчас группа № 612 находилась в засаде у дороги, ведущей из Пакистана в глубину Афганистана. Дорога в пустыне — понятие растяжимое. В этом месте она сужается, ширина всего метров 150—200. Попробуй угадай, как разместить бойцов, как поставить мины, чтобы машины не проскочили...

— Товарищ старший лейтенант, Ляпис сработал, — проговорил скороговоркой Поморин, опускаясь рядом на колени. Поморин — старший радист группы, толковый радист, проблем со связью в группе никогда не было. Свое хозяйство всегда таскает сам. Две радиостанции и батареи к ним, антенны, вес солидный. Но Поморин считает ниже своего достоинства просить командира, чтобы он поделил часть имущества среди разведчиков. Хотя командир, конечно, не отказал бы ему. Радистов необходимо беречь, без связи группе конец.

— Выходи на связь, — не шевелясь, сказал командир.

Поморин, кряхтя, ушел в темноту включать «Ангару» и принимать телеграмму.

Шла четвертая, последняя, ночь, запланированная в этом выходе, утром группу должны были снимать «вертушки». А Ляпис наверняка ставил новую задачу.

Поморий начал принимать, повторяя цифры. Группа зашевелилась. Послышались приглушенные проклятия. Кто-то вспомнил август, когда группу на двое суток оставили без воды на раскаленном «пляже».

— Как думаешь, что там случилось? — приподнялся на локте Игорь Болотников, врач и второй офицер в группе. Врачи

не каждый раз ходят с группами, но если ходят, то с тем командиром, который нравится. Командира Игорь тоже устраивал: какой он врач, пока известно не было, а вот разведчик хороший — смел, вынослив.

Второй радист принес клочок бумаги. Командир достал из внутреннего кармана шифровальный блокнот, накрылся с головой плащ-палаткой и, подсвечивая фонариком, взялся за расшифровку. Минут десять ушло на арифметику. Худшие опасения подтвердились. Эвакуация группы перенеслась на двое суток без объяснения причин.

— Старших троек ко мне...

Первым делом — остатки воды под контроль. У него оставалось граммов 200 на завтрак, хорошо, что январь, а не июль. В душе закипала злость на комбата. Его бы сюда, он еще не пробовал на себе, что такое пустыня без воды!

Доклады поступали неутешительные: воды почти не осталось. Теперь предстояло решить, как быть: идти за водой или нет. Река в 20 верстах по прямой. Но группа два месяца назад уже посетила этот район на «броню». Не успели подготовить засаду, как из ближайшего кишлака ударил миномет. Мины ложились на удивление точно, и только удачная позиция уберегла от осколков. Пришлось броском уходить из-под огня. Вернулись к «броню». Вывод: район «духовский», и они его полностью контролируют. Поэтому поход за водой может плохо кончиться, «брони» рядом нет. А пить-то хочется...

ОЖИДАНИЕ

Ночь прошла как всегда. По горизонту бегали лучи фар, шли караваны. Командир поднимался к наблюдателям каждый раз, когда свет фар хоть чуть-чуть начинал приближаться к расположению группы. Но пустыня огромна, непроходимых для «Симургов» районов не так уж мало. И в том и заключается задача — найти перекрестки караванных путей в пустыне. И командиру кажется, что именно в таком месте засела группа.

Командир хорошо изучил окрестности, каждый день совершал обходы в компании Божика. Божик — это Андрей Божедомов, легендарная личность, телохранитель командира, штатный снайпер группы. Предшественник рекомендовал Божика как самого надежного бойца. Тогда командир скептически отнесся к этой рекомендации: всего два месяца к тому времени Божедомов прослужил в Афгане. Но уже первый самостоятельный выход развеял всякие сомнения. Командир определил Божику место не далее трех метров от себя. Вот и сейчас он спокойно спал рядом. Новость, которая взбудоражила всю группу, похоже, его совершенно не тронула...

...Следующий день прошел в томительном ожидании ночи. За водой не пошли, потерпим: январь в пустыне — это примерно июнь на южном берегу Крыма, но терпеть нужно. А вода — мечта. С наступлением темноты бойцы оживают, начинают вспоминать, что неплохо было бы перекусить.

Стемнело. Разведчики заняли свои ночные позиции. Командир поднялся, сделал несколько энергичных движений, разминая руки и ноги. Бесшумно, вразвалочку, двинулся вдоль расположения группы, останавливаясь около каждой тройки. Божик бесшумной тенью двинулся сзади.

Передвигаясь от тройки к тройке, он обошел всю группу и поднялся на НП на обратном скате самого высокого бархана. Взяв из рук наблюдателя ночной бинокль, осмотрел горизонт. В районе кишлаков мелькали сполохи, активно работала переправа.

В очередной раз командир сверху начал осматривать позиции группы. Луна светила ярко, видимость была хорошая. Группа расположилась на фронте в 150 метров за тремя барханами, почти переходящими один в другой. Место самое удобное для засады на этом участке. Но какое-то предчувствие не давало покоя. Впрочем, и во все предыдущие выходы это ощущение не покидало его. «Докладывать через каждые 30 минут. Я внизу», — прошептал командир наблюдателю. Этого можно было и не говорить, в группе

давно заведен порядок постоянных докладов, даже если обстановка и не изменилась. Эта система оправдала себя, она не давала глубоко уснуть командиру и разведчиков держала в напряжении. Поэтому он строго следил за соблюдением системы докладов и поднимал тревогу в случае отсутствия хоть одного.

КАРАВАН

Наблюдатель кубарем скатился с бархана: что-то есть. «Фары!» — возбужденно прошептал Роман Сидоренко. Роман — пулеметчик 1-го отделения, высокий, физически сильный, очень азартный, любящий показать пренебрежение к трудностям. Радость и огорчение командира. Они не просто земляки. Оба прожили большую часть своих жизней в одном небольшом поселке, в одном доме. И вот жизнь свела их опять вместе через 7 лет, разъединив воинскими званиями и субординацией.

Командир поднялся и стал карабкаться по бархану, утопая в песке по колено. Забравшись, осмотрел горизонт. Возбуждение спало. В указанном Романом направлении ничего не было видно. Но он горячо уверял, что видел фары на дороге и даже слышал шум мотора.

«Хорошо, — прервал Романа командир, — если идут, то придут, будем ждать. Время ровно четыре».

Минут десять сидели в полной тишине, и вдруг действительно донесся сильно приглушенный расстоянием надрывный визг двигателя. Машина буксует. Превратившись в слух, сидели не шевелясь, пока шум не возник опять. И почти сразу же на горизонте мелькнули фары.

— Есть контакт. К бою! — радостно крикнул командир.

Наконец-то!

Группа зашевелилась. Возбуждение охватило всех разведчиков. Устроив маленький обвал, командир съехал вниз. Ему предстояло последний раз перед боем проверить, правильно ли

он все рассчитал. Теперь он уже точно знал, сколько их будет: две-три машины, максимум тридцать человек. У него двадцать. Но на его стороне самое главное — фактор внезапности! Залог победы. Хотя...

Дойдя до фланга, командир присел около первого расчета АГС. Наводчик — Кожевников, среднего роста, атлетически сложен, за что получил среди солдат кличку Рембо. Заряжающий — Глазунов, высокий светленький паренек с хитринкой в глазах. Позиция у расчета хорошая, особенно если придется отсекаать хвост. Дальше по гребню бархана расположились несколько автоматчиков. В центре бархана окопался со своим ПКМ Роман Сидоренко и с ним в паре Валентин Куницкий. Боец каких поискать — в бою отчаянно смел и разумно инициативен. А в спокойной обстановке — лентяй. Один из немногих, кто входил в состав группы Валеры Козела, которая была обречена, попав в окружение. И только благодаря героизму вертолетчиков группу спасли, погиб только один разведчик — Александр Волков. Теперь это имя написано на броне их БМП.

В промежутке между барханами устроились саперы и пара разведчиков прикрытия. Миронов Вадим — старший сапер.

— МIRON, как у тебя? — присев рядом, спросил командир.

— Все в порядке, — ответил сапер, указывая на подрывную машинку, стоявшую на аккуратно расстеленной плащ-палатке. Кабель от нее уходил к дороге. Мины — дело хорошее, при удачной расстановке они могут решить исход боя. Минами перегорожено в общей сложности метров 100. А ведь машины могут пойти значительно левее и мины вообще обойти...

Не останавливаясь, командир прошел мимо радистов, которые разворачивали вторую радиостанцию. Над ними на гребне бархана виднелась едва различимая фигура Божедова.

ПРАВЫЙ ФЛАНГ

У подгруппы на правом фланге позиция неудобная. Бархан, за которым можно укрыться, так развернут, что с него плохо просматривается месторасположение мин. И с командирского НП не видно подгруппы. Да и состав слабоват. Раскевич — рослый, спокойный парень, наводчик 2-го расчета АПС. Пока ничем себя не проявил. Заряжающий Архипов — молодой солдат, это его первый выход. Вообще-то, не хотелось его брать, слабенький физически, болезненный на вид. Но людей в обрез, приходится брать. Саша Ивах — хороший разведчик, толковый парень. В одном из предыдущих боев у него отказал ПК, и цель ушла. Чуть не расплакался от обиды. Хотя его вины не было. Кандидат в замкома группы. Коптев из учебного подразделения пришел младшим сержантом, но явно не тянет. В одном из выходов пойман спящим на посту. За что был накрыт плащ-палаткой и придушен — с расчетом на испуг. Трудно сказать, насколько это эффективный педагогический прием, но спящим на посту больше замечен не был.

— Игорь, ты старший, — сказал командир Болотникову.

Тот торопливо закивал головой.

— Значит, так. Если машины до вас не дойдут, выдвигаетесь между барханами и бьете в лоб, а если дойдут, то дальше вас пройти не должны. Ведете огонь с бархана, Игорь, понял?

БОЙ

Все более отчетливый звук доносился порывами ветра. Осталось пара километров. По времени очень неудачно: вот-вот скроется луна и наступит полная тьма. До восхода солнца еще час, час десять.

Звук ревущих моторов приближался. Машины, явно тяжело груженные, ревя моторами, проскочили участок рыхлого песка и, вырвавшись на твердый грунт, рванулись вперед, набирая скорость.

Первая машина шла с погашенными фарами. Вторая, показавшись из низины, включила прикрытые фары, осветив переднюю машину. О черт! Командир четко разглядел в первой машине ДШК и прильнувший к нему расчет.

Машины набирали скорость. Командир нагнул голову... Взрыв.

Вскинул автомат и, поймав в прицел кабину двигающейся машины, начал стрелять.

Он сопровождал ее непрерывной очередью. Машина продолжала двигаться по крутой траектории вправо, приближаясь вплотную к засаде. На какую-то долю секунды командир почувствовал себя совершенно одиноким и бессильным против этой надвигающейся смертельной опасности. Но тут же в сознание ворвался шквал звуков. Машина вновь осветилась. Прямо за ней, выше, на склоне бархана, прошла строчка разрывов гранат. «АГС, бьет выше», — автоматически отметил командир. На фоне вспышек гранат над кузовом поднялась фигура. Разрыв пущенной гранаты где-то справа, ниже.

Угроза потерять преимущество нависла над группой. Обстановка угрожающая. Из-за машины, разворачиваясь в цепь, метнулись тени. Много! Командир пригнулся, торопливо отстегивая пустой магазин. Божик уже поменял магазин и, наклонившись вперед, начал стрелять. Зарядив автомат, поднялся командир. В небе горело несколько осветительных ракет, пущенных радистами. Это их основная задача в первый момент боя. Тени, успевшие развернуться в цепь вправо от машины, теперь замерли, разбросанные по земле. «Неужели Божик?» — восхищенная мысль мелькнула в голове командира. У первой машины никто не двигался. Несколько «духов» успели скрыться за ближайшими барханами. Один из них, стреляя короткими очередями, убегал по дороге перед носом подгруппы Болотникова. Куда они смотрят? Командир дал по нему очередь, пошли сплошные трассеры, догнавшие беглеца. «Болван», — выругал себя командир: в спешке зарядил резервный магазин, снаряженный патронами с трассирующими

пулями. Каждый разведчик группы имел один такой магазин, предназначенный только на крайний случай — обозначить свое местонахождение или дать целеуказание.

Теперь уже спокойными, ловкими движениями он помещал магазин. Хладнокровие полностью вернулось к нему. Из-под первой машины вырвались языки пламени. Вторая машина встала точно там, где и рассчитывали, огонь основной части группы пришелся на нее. Вокруг машины залегли душманы, яростно отстреливаясь. Командир и Божик перенесли огонь на вторую машину. Несколько человек попытались уйти за бархан, но нарвались на растяжки, поставленные саперами. «Духи» заметались на открытом месте, методично уничтожаемые. После короткой паузы, видя, что отойти невозможно, из-под первой машины открыли огонь несколько автоматчиков. Командир пригнулся, отложил в сторону автомат и взял РПГ-2. Снайпер отодвинулся, чтобы не попасть под реактивную струю.

Выстрел. Что-то сильно взорвалось в первой машине. Наверное, бензобак. Вся машина окуталась огнем. Командир втянул голову в плечи, присел.

— Поморий, связь есть? — крикнул вниз.

В ответ донеслось невнятное бурчание. «Значит, нет». На Поморина это не похоже.

ПОТЕРИ

Резкий, наводящий ужас звук заглушил перестрелку. Из первой горящей машины стартанул неуправляемый реактивный снаряд. Молния унеслась в сторону кишлаков. Только этого не хватало! Тут же пошел второй снаряд, теперь уже в противоположную сторону. Пауза. Снова взрыв. И опять старт снаряда. Бархан под командиром и Божи́ком заходил ходуном. Тысяча тонн песка заколыхалась. Наверное, после взрыва штабель снарядов развалился, и теперь они будут стартовать во все сторо-

ны. Разрывов нет, значит, снаряды без взрывателей, хоть это хорошо.

Старты слились в сплошной рев, еще несколько эрэсов закопались в бархан.

— Товарищ старший лейтенант! — донесся снизу голос Иваха.

— Что?

— У нас трое раненых.

Что-то оборвалось внутри у командира. В его группе еще ни разу не было потерь. Он быстро спустился вниз.

— Кто?

— Врач, Раскевич и Копшев, — быстро проговорил Ивах.

— Сильно?

— Врач в ногу, Раскевич в живот, Копшев в руку. Старший лейтенант Болотников всех перевязал, — возбужденной скороговоркой сказал Ивах.

— Ясно, давай обратно, я пришлю помощь. Поморин, срочно связь, у нас трое раненых, — потребовал командир.

— Они, наверное, спят там, сволочи, — оправдываясь, ответил Поморин.

Перестрелка то затихала, то вновь усиливалась. Командир приподнялся, оглядывая поле боя в свете ракеты. Темными пятнами разбросаны тела, первая машина превратилась в горящую грудку железа. Из-за второй уже не стреляли, но оттуда доносились непонятные крики. Не похоже ни на стоны, ни на призывы о помощи. Со стороны дальнего бархана грохнул гранатомет, граната прошла выше и разорвалась далеко сзади группы. Божик на всякий случай выстрелил по гранатометчику и присел. Командир дернул его за рукав:

— Найди Миронова, пусть свое прикрытие отправит на правый фланг к Иваху.

Божик молча съехал вниз.

Очередная ракета погасла, все вокруг наполнилось крошечной темнотой. Луна зашла. Только отблески горевшей машины освещали ближайшие барханы.

«Скоро рассвет, — с облегчением подумал командир, — только бы с переправы не подошло подкрепление. Хотя пешком не успеют, а на машинах не рискнут».

— Поморин, связь! — зло крикнул командир, хотя отлично понимал, Поморин делает все, что может. Это просто невезуха.

Вернулся Божедомов.

Слева, ниже кромки бархана, раздался взрыв новой гранаты. Командира и Божедомова обдало волной горячего песка, большой осколок просвистел в воздухе и упал в тылу группы.

— Грохни ты его, Божик! — вытаскивая голову из плеч, стряхивая песок, крикнул командир и махнул рукой в сторону гранатометчика.

— Он мечется, гранаты кончаются, — спокойно ответил Божедомов.

И то верно, едва ли он успел унести больше четырех штук. Странно, судя по огню, за барханы ушло человека три-четыре, почему же они не уходят? Наверное, за второй машиной кричит тот, кого они не могут оставить.

— Божик, давай вдоль группы. Прекратить огонь до моей команды, — распорядился командир.

На горизонте темень чуть-чуть посерее, минут пятнадцать — и рассвет. Группа затихла, над полем боя повисла хрупкая тишина, нарушаемая только потрескиванием горящего металла первой машины.

Снова раздался крик из-за второй машины, обращенный к укрывшимся за дальними барханами. Это точно. Как по команде, оттуда ударило несколько автоматов. Командир ответил из подствольника. Недолет. Зарядив гранатомет и внося поправку, выстрелил второй раз. Вспышки разрыва гранаты не было видно, донесся только взрыв. «Духи» затихли. Несколько гранат по второй машине.

Горизонт на востоке уже посветлел.

— Поморий, ну что у тебя? — склонившись вниз, спросил командир.

Поморин снял наушники и полез на бархан.

— Товарищ старший лейтенант, мы уже час вызываем, батареи скоро сядут.

— Что ты предлагаешь?

— Давайте подождем до 6.00, в батальоне будет подъем, центровики проснутся и сразу нас услышат, — уверенно ответил радист.

— А если нет, что тогда?

— А если сядут батареи, то точно связи не будет! — с напором сказал Поморин.

Он был прав. Не будет связи — не будет «вертушек». А тут раненые и нет воды. И нужно будет уходить. «Духи» смогут подтащить минометы.

— Ладно, подождем, выключаю.

Командир спрыгнул на твердый грунт, отряхнул песок, поправил снаряжение. Жестом показал Божику направление своего движения.

Группа молчала, выполняя приказ командира. Несколько длинных очередей выпустили «духи». Странно, не уходят. Ну ничего, с рассветом Божик их успокоит.

Командир двинулся на правый фланг с щемящим чувством в душе.

Выйдя из-за выступа бархана, он увидел: Болотников сидел, склонившись над Раскевичем, у основания бархана, рядом разбросаны упаковки от индивидуальных перевязочных пакетов. Остальные разведчики сидели по гребню бархана. Командир присел около Раскевича. Пепельного цвета лицо покрыто большими каплями пота.

— Он без сознания. Осколочное, проникающее. А у меня — вот, — приподнимая перевязанную выше колена ногу, сказал Болотников.

— Кто еще? — спросил командир. Копшев, выглянув из окопчика, поднял перевязанную кисть руки.

Командир стал карабкаться вверх к Иваху. Ему открылась картина, которую не видно было с НП. В какой серьезной опас-

ности была группа, он понял только сейчас. Совсем немного не добежали до позиции АГС первые два «духа». Их тела лежали метрах в десяти от перевернутого гранатомета.

— Рассказывай, как было, — обратился командир к разведчику.

— Когда увидели машину, она катилась прямо на нас, Раскевич дал очередь по ней, но выше. А с машины — сразу из гранатомета. Меня ослепило. Потом эти двое... Ну, я по ним. Потом машина стала взрываться. Я оттащил Раскевича и врача за бархан, — торопливо рассказал Ивах.

Если бы эти двое прорвались... Страшно подумать!

Командир внимательно посмотрел на Иваха. Тот смутился, но тут же взял себя в руки и поднял глаза. Он не совершил подвиг, он сдал экзамен на солдатскую зрелость, он победил.

— Молодец, Сашок, — кивнув головой, похвалил командир.

Рассвело. Нужно приступить к осмотру. Командир спустился вниз, присел к раненым. Раскевич тяжело дышал, сквозь повязку просочилась кровь.

— Держитесь. Ивах, будь внимателен, следите за направлением на кишлак. Я иду на досмотр, не подстрелите случайно.

НА ВОЛОСОК ОТ ГИБЕЛИ

Разведчики, сидя в окопчиках по гребню бархана, усыпанного гильзами, с возбуждением и любопытством смотрели на командира. Куницкий с напарником подошли к нему.

— Идем как обычно, двумя парами, прикрывая друг друга спины, начнем осмотр слева, тела осматриваем только после контрольных выстрелов. Вопросы? Вперед, — провел инструктаж командир.

Посмотрев наверх, командир увидел Сидоренко, который энергично тыкал пальцем себя в грудь, всем своим видом умоляя взять его напарником. Улыбнувшись, командир послал Си-

доренко на правый фланг на усиление подгруппы Иваха. Теперь опасность могла появиться оттуда. Пары уже были готовы к движению, когда восторженный крик Поморина возвестил о том, что связь с батальоном есть. Командир взглянул на часы: радист был прав, проснулись.

— Передавай сигналами, — сказал он подбежавшему радисту. Составлять шифротелеграмму было некогда.

Пары двинулись вперед. Божик прикрывал спину командиру. Двигались очень осторожно, обходя бархан за барханом, по радиусу, который должен был упереться в правый фланг группы.

Периодически стреляли в распростертые тела. Командир заметил, что «духи» все молодые и отлично экипированные. Зимние куртки и ботинки одного образца, у всех автоматы и гранаты, новенькие нагрудники. Интересно, куда они ехали, где бы упали эрэсы, которые теперь торчат из барханов, блестя на солнце. Эти люди могли доставить много хлопот. Судя по следам, двое ушли.

Пары начали осматривать машины. Первая уже даже не дымилась, все, что могло сгореть, — сгорело. Вокруг в радиусе 50 метров разбросано то, что было в кузове.

— Тут все ясно, пошли дальше, смотрите под ноги, — осторожно обходя и перешагивая через лежащие на земле гранаты, 82-мм мины, взрыватели и другие клочья и куски смертоносного груза, сказал командир.

Подшли ко второй машине. Ее корпус похож на решето, удивительно, что не загорелась. Здесь тела были сгруппированы со стороны, противоположной засаде, прикрывались корпусом машины. Сильно пахло бензином.

— Не стрелять, бензин! — крикнул командир.

Никто не подавал признаков жизни. Крайний душман лежал лицом вниз, рядом новенький автомат и несколько пустых магазинов. Командир подцепил его ногой и рывком перевернул тело на спину. Тело ожило, из прижатых к груди рук вылетела граната и в метре упала. На долю секунды все оцепенели, глядя

на нее. Ледящий ужас сковал тело. Пересиливая ватное состояние, командир бросился в сторону без надежды успеть. На счастье, взрыва не последовало. Две длинные автоматные очереди подбросили тело душмана, вырывая клочья, по остальным телам тоже прошли очереди.

В кузове машины обнаружили две большие резиновые лодки на 6—8 человек. Видимо, машины направлялись в провинцию Фарах, там много озер. Кроме того, ДШК в смазке, несколько ручных пулеметов, десятков автоматов, боеприпасы в цинках. Внимание командира привлекли большие зеленые мешки, изрядно побитые пулями. Вытряхнув содержимое одного из них на землю, все ахнули. Аптека! Чего здесь только не было. Все, начиная от витаминных сиропов и кончая наборами хирургических инструментов.

— Товарищ старший лейтенант, комбат на связи. «Вертушки» уже вылетели, — крикнул радист.

Приказав Куницкому собрать все стволы в кучу, документы, деньги — в мешок, командир пошел к радиостанции.

Комбата интересовал результат. Командир резко ответил, что точно результата еще не знает, только что закончился бой. А то, что у него трое раненых, один тяжело, и не было связи по вине центра, это он знает точно. Комбат понял состояние командира и больше не стал ничего спрашивать, миролюбиво попросил собрать все и возвращаться.

За горизонтом послышался шум вертолетов. В микрофоне, закрепленном на плече командира, возник голос:

— «Ручей», я — «Воздух», прием...

ЭПИЛОГ

Фамилии и имена реальные, и эти бойцы могут дополнить мой рассказ. Кроме Вадима Миронова и Романа Сидоренко. Вадим погиб через два месяца согласно закону сапера, который ошибается только раз. Рядом с ним был ранен командир. Роман погиб через десять месяцев, далеко от пустыни, в горах. Он в

★ Афган. Чечня. Боевой опыт

составе группы попал в засаду. Непонятно и страшно обидно. Врачам удалось спасти жизнь Раскевичу. Через полгода в руку был ранен Саша Ивах. Второе тяжелое ранение, полученное через десять месяцев, уже в горах под Кандагаром, не позволило командиру остаться в строю. Остальные разведчики вернулись по домам невредимые.

Геннадий ДОЛЖИКОВ

СНАЙПЕР

ЗАСТАВА БЕЗ СНАЙПЕРА

О пограничниках в народе укоренились легенды как об «особых» бойцах, бьющихся умело и до конца. Это заслуженно. Они всегда первыми принимали удар любого агрессора и не роняли в бою своей чести. Они показали себя отважными бойцами практически во всех «горячих точках». Предлагаемый вашему вниманию материал – это не «ложка дегтя» в сторону прославленных войск. Он пронизан одним стремлением – разобратся в проблемной ситуации ради того, чтобы эти войска полностью соответствовали своему назначению.

«ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ»

Впервые узнать на практике, что такое снайперская война, мне довелось во время командировки на административную границу с Чечней. Там тогда находились несколько пограничных мотоманевренных групп. В районе станицы Ассиновская опорный пункт новороссийской группы практически каждый день подвергался обстрелам чеченского снайпера.

— Вон из того домика лупит, — указал один из офицеров на небольшое строение на другом конце довольно широкого поля. — Так что будьте внимательны, старайтесь не выходить за лесополосу, не задерживайтесь на открытых участках и во-

обще поменьше передвигайтесь, а то — не ровен час... Вчера на том блокпосту, что на въезде в станицу, были убиты двое омоновцев...

Блокпост находился всего в двух десятках метров, поэтому по спине пробежал неприятный холодок. Слишком неприятно осознавать, что в этот момент кто-то, быть может, уже смотрит через окуляр оптического прицела, вносит поправку на ветер, подкручивает маховички и ждет только удобного случая, чтобы нажать на спусковой крючок...

— А у нас свои снайперы есть?

— Снайперов нет. Есть солдат со снайперской винтовкой, — нахмурился офицер и махнул в сторону тщедушного бойца, державшего в руках потертую СВД.

— Ты из нее хотя бы раз стрелял? — осведомился я у солдата.

— Три раза.

— А как же ты будешь с тем снайпером бороться?

— А я и не буду. Омоновцы будут. У них снайпер хороший.

Омоновцы, приехавшие откуда-то из Сибири, оказались здоровыми, рослыми мужиками. Винтовка у их снайпера блестела свежей заводской краской и смазкой. Он поглаживал ее, словно любимую подругу, и на вопрос о боевике зло и уверенно пообещал:

— Сегодня ночью мы его, гада, прищучим, точно!..

Сомнений в этом не возникало. Но где же наши, пограничные снайперы? Неужели остались только «солдаты с СВД»?

ОПЫТ, КОТОРЫЙ МЫ ПОТЕРЯЛИ

...Офицер управления подготовки органов и войск ФПС РФ полковник Николай Шевченко был откровенен:

— В пограничных войсках нет сильных снайперов. Показательный пример: на одном из соревнований по стрельбе пограничники заняли одно из последних мест. И это несмотря на то, что команда стрелков из пистолета, выставаемая от

ФПС, входит в число лучших. Провалил соревнования именно снайпер.

Еще один пример. В Краснодаре ежегодно проводятся Всероссийские соревнования среди снайперов всех силовых структур. Но пограничников вы здесь не встретите. Они сюда попросту не приезжают...

Что же происходит со снайпингом в погранвойсках? Прежде чем ответить на этот вопрос, давайте зададимся другим: а откуда, собственно, ему быть? Разработок и учебных методик по интенсивной подготовке снайперов нет. В пограничных институтах снайпингу должного внимания не уделяется. А ведь именно они готовят офицерские кадры — основу основ, будущее погранвойск. Кто, как не начальник заставы, командир низового подразделения, должен отбирать и обучать снайперов? Но они в большинстве своем этого делать не умеют...

А ведь были совершенно иные времена. Обратимся к истории...

СССР, довоенные годы. Расцвет снайпинга на основе повсеместного открытия стрелковых школ и всесоюзного Ворошиловского движения. В 1937 году в соревнованиях по стрельбе участвовали 12 442 команды общей численностью 81 432 человека, среди них множество команд погранвойск НКВД.

...Финская кампания 1939—1940 гг. Она отличалась особенно напряженной снайперской борьбой. Финские снайперы, или, как их прозвали наши солдаты, «кукушки», буквально терроризировали советские части. На борьбу с ними были привлечены лучшие стрелки армии и НКВД.

Слабым местом финнов была стандартность действий. Обычно пара «кукушек» устраивала гнезда на двух высоких деревьях, откуда и вела перекрестный огонь. Изобретательность и нестандартные решения позволяли нашим снайперам одерживать над ними верх. Например, снайпер-пограничник Гудзь выявил позицию «кукушки», то и дело приподнимая над собой труп белофинна. Не понимая, в чем дело, противник решил

уточнить обстановку, приподнялся из засады и тут же был убит пулей Гудзя.

Вот один из случаев, рассказанных в те годы на страницах журнала «Пограничник» снайпером Демидовым:

«В двенадцатом часу дня командир роты приказал мне взять под наблюдение правый фланг, где действовал финский снайпер. Надо было обнаружить его и уничтожить. Выполняя приказ, я забрался в воронку от артснаряда, хорошенько замаскировался и начал наблюдать за высотой, с которой финны вели огонь по роте... Винтовка, обмотанная бинтом, была почти незаметна на снегу. Белый костюм и шапка хорошо маскировали. Устроив снежный бугор, я прокопал в нем окно с большим сектором для наблюдения... Я не находил финского снайпера, но понимал, что он где-то здесь, видел результаты его работы... Вспомнился прием отыскивания снайпера с помощью манекена. Манекена у меня не было, сгодились шапка, надетая на палку. Я чуть выставил ее из-за укрытия. Выстрел не заставил себя ждать. Финн был, очевидно, неплохим стрелком. По сквозным пробоинам в шапке мне теперь легко было уточнить направление, с которого велся огонь... Вскоре я разглядел на высоте амбразуру, замаскированную кустами и снегом. Проверил дистанцию, выставил точный прицел. Надо сказать, что мне очень мешал боковой ветер. Затем снова приподнял шапку. В момент, когда шапка была прострелена, я разрядил во вражескую амбразуру весь магазин. Финский снайпер больше не стрелял. По освобожденной от его губительного огня дороге можно было безопасно переправлять раненых в госпиталь».

...Начало Великой Отечественной войны. В войсках НКВД широко разворачивается снайперское движение. Особенно это отличает пограничные войска, где к тому времени существовал мощный костяк профессиональных стрелков. Это выгодно отличало пограничников от армейских частей. Кроме того, они в больших количествах имели на вооружении не только модернизированные винтовки Мосина, но и самоза-

рядные винтовки Токарева — СВТ. В армии эта винтовка не прижилась: уж слишком сложной в обслуживании она оказалась для рядовых красноармейцев. А для снайперов СВТ была в самый раз.

Подготовка снайперов была организована непосредственно во фронтовых частях. За основу был взят «Курс огневой подготовки снайперов» («КОПС-38»), но в ходе боевых действий в него вносились коррективы. Так, к 1942 году сложилась практика совместных действий двух-трех снайперских пар, резко повысившая результативность. На передовой периодически проводились сборы снайперских команд. Во время одних таких сборов, организованных в частях Ленинградского фронта, 26 участников в ходе контрольных стрельб истребили 41 фашиста.

Результаты работы снайперов-пограничников времен войны впечатляют. Так, Владимир Демин на Волховском фронте за восемь суток истребил 36 фашистов. Авенир Лопатин за 5 дней уничтожил 69 солдат и офицеров противника. Иван Емашев за первые два года довел счет пораженных целей до 131. Снайперы Северо-Западного фронта только с 27 августа по 12 октября 1942 года истребили 2733 немецких солдата и офицера. Младший сержант Семенов (имя не установлено) на Ленинградском фронте сумел сбить вражеский самолет.

В послевоенные годы снайперское движение постепенно пошло на убыль. Есть китайская мудрость: «Корми солдата тысячу дней, чтобы использовать один раз». Никто не знает, в какой день на долю бойца выпадет тот самый единственный раз. Когда в 1969 году к нам на Даманский пожаловали китайцы, их встретили необученные стрелки. По воспоминаниям очевидцев, пограничники тогда стреляли длинными очередями, не контролировали расход боеприпасов, теряли магазины...

Некоторый всплеск интереса к снайпингу в погранвойсках произошел во время войны в Афганистане. В составе пограничных ММГ там довелось воевать снайперам из группы «Аль-

фа». Например, с октября по декабрь 1983 года в составе Керкинской десантно-штурмовой группы находился младший лейтенант КГБ Василий Денисов. На афганской земле ему довелось выстрелить восемь раз. Уничтоженных бойцов противника также было восемь. Разумеется, своим опытом представители «Альфы» делились со своими коллегами из погранвойск.

НУЖНЫ СНАЙПЕРЫ-ПРОФЕССИОНАЛЫ!

Сегодня утеряна сама школа отбора и подготовки снайперов. По словам полковника Шевченко, на то, чтобы подготовить снайпера, нужен как минимум год — при условии интенсивных тренировок. Снайпер должен обладать не только отличным зрением, но и железной выдержкой, выносливостью, ведь для выполнения задачи ему иногда приходится сутками лежать на холоде, под дождем, в грязи. Одновременно он должен быстро ориентироваться в обстановке, обладать умением отлично маскироваться — не счесть требований, предъявляемых к нему. Для этой специальности требуются люди серьезные. Призывники здесь не годятся. У многих командиров нет желания готовить их. Что толку в том, чтобы затратить уйму времени на подготовку, если он скоро уйдет «на гражданку»?

По мнению специалистов, интерес к снайпингу проснулся бы, выступи пограничники успешно на соревнованиях. Но одна из причин — нет современного оружия. Конкуренты из ФСБ, ФСО и МВД приезжают на выступления со снайперской винтовкой МЦ, пограничники — с СВД. Это была отличная винтовка для своего времени. Сильная пробиваемость (на расстоянии 1200 метров она способна пробить сосновую доску толщиной 20 сантиметров), большая дальность, высокая технологичность в производстве. СВД немало повоевала и имеет много заслуг. Но с 1962 года многое изменилось как в производстве оружия, так и в тактике ведения боевых действий.

Сегодня появились новые образцы «снайперок» — дети, а то и внуки СВД: «Винторез», МЦ. С ними СВД конкурировать не может: слишком сильная отдача, низкая кучность, шумность. Простенький оптический прицел ПСО-1, имеющий четырехкратное увеличение и поле зрения в шесть градусов, также не отвечает современным требованиям. Единственное преимущество СВД — дешевизна. Современное оружие стоит запредельно дорого. Вдобавок в отличие от выносливой СВД оно сложно в обслуживании и предназначено для профессионалов. Но, с другой стороны, а кем же еще должен быть снайпер как не профессионалом?!

ХОРОШО СМЕЕТСЯ ТОТ, КТО СТРЕЛЯЕТ ПЕРВЫМ...

В советских уставах была предусмотрена такая величина, как плотность огня на погонный метр. То есть мотострелковое подразделение должно было покрыть пулями определенный участок, подавив противника огневой мощью. Но нынче, в локальных войнах и конфликтах, преимущественно действуют небольшие мобильные подразделения. Здесь успех боя измеряется не «плотностью на погонный метр», а точностью выстрела...

Пограничники в таких условиях обязаны стрелять метко. Однако, например, еще в 1998 году на стрелковую подготовку боеприпасы практически не выделялись. Пропал весь период обучения. Потом пограничники стали стрелять согласно нормам отпуска боеприпасов. Однако эти нормы год от года уменьшаются. В погранвойсках недостает не только снайперов, но и просто хорошо обученных стрелков из автомата...

Чтобы хоть как-то исправить положение, Управление подготовки органов и войск ФПС проводит смотр-конкурс по стрельбе из стрелкового оружия. В нем участвуют абсолютно все подразделения. Конкурс приносит результаты.

...В последние годы некоторым снайперам-пограничникам довелось отличиться. Так, за отличное выполнение поставлен-

ных задач снайпер ДШМГ 117-го погранотряда Группы пограничных войск в Республике Таджикистан старший сержант Олег Козлов был удостоен звания Героя Российской Федерации. В ходе обороны высоты Тург Олег не дал противнику подняться на соседнюю высоту, что решило исход боя. Кроме того, он уничтожил двух вражеских снайперов, расчет РПГ и подавил расчет пулемета.

Очень хотелось бы, чтобы такие примеры стали не исключением, а правилом.

Андрей МУСАЛОВ

«НЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ ОПЯТЬ УЧИТЬСЯ НА КРОВИ...»

Продолжение темы «Застава без снайпера»

«СНАЙПЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ» НА ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОЙ ЗАСТАВЕ...

Сначала немного о себе, чтобы не выглядеть некомпетентным «бумагомарателем». На офицерских должностях в Федеральной пограничной службе я прослужил в свое время 5 лет. Служил в Республике Дагестан, в одном из пограничных отрядов. Два года — на административной границе с Чечней. Уволился из рядов ФПС в звании майора, теперь служу в другом силовом ведомстве (почему — это отдельная история). Так что проблему, поднятую в статье А. Мусалова, знаю не понаслышке.

Начнем, как говорится, от печки. Совершенно верно то, что в пограничных училищах снайпингу не уделяется должного внимания. Я скажу больше. За 4 года обучения в училище из СВД мы стреляли только один раз — в конце первого курса. «Высадили» патронов по 20 — и все. Основной упор делался на АК-74, ПК, вооружение БМП, БТР и ПМ. Не знаю, как обстоит

дело сейчас, но в начале 90-х все было именно так. Про маскировку, выживание, тактику снайпера узнал уже в войсках — место службы заставило.

Когда я молодым лейтенантом прибыл в часть, знакомство со снайпингом началось у меня с наставления еще Советской Армии по подготовке снайперов (первых страниц и обложки не было, так что правильного названия, честно говоря, не знаю до сих пор). Кое-что показали старшие офицеры, но таких было немного.

Затем начался «практический курс», то есть учился стрелять сам, благо «левых» патронов хватало. Я чувствовал себя «крутым Рембой» — в горы ходил только с СВД (молодой, зеленый и амбициозный «летеха» — знакомое, наверное, состояние?). Затем стали попадаться журналы «Солдат удачи». Прочитав несколько статей по снайпингу, понял, что я — полный ноль и ничем не отличаюсь от «солдата со снайперской винтовкой».

А потом служба забросила на границу с Чечней. И вот тут детство кончилось — получил под начало 50 «гавриков» и участок ответственности — всю комендатуру. Поясню: моя застава была тыловой и в случае нападения «боевиков НВФ ЧР», как писали в приказах на охрану Государственной границы, должна была выдвигаться на помощь в любую точку участка комендатуры. Заставы находились в абсолютно невыгодных тактически местах (помню высказывание одного из офицеров-десантников, стоявших тогда в Ботлихе, когда он увидел место расположения нашего ППК: «Ну, ребята, вы — смертники»). Основная задача тогда была одна: отстроиться собственными силами из подсобного материала и выжить. В таких условиях за 1996—1997 годы застава стреляла от силы раз 7—8, хотя в программе боевой подготовки заложено — один раз в неделю (традиционно — среда).

В 1998 году ситуация немного изменилась. Заставы в целом были построены, да и жареным стало пахнуть, особенно после того, как наш премьер Степашин «в десна» расцело-

вался с ваххабитами в Карамахлах. В трех километрах от одной из наших застав находилось родовое село Багаутдина Магомедова, лидера ваххабитов Дагестана, в 800 метрах от другой — населенный пункт Эчеда, известный позже по событиям августа 99-го. «Вахи» после визита Степашина совсем обнаглели, и мы с начальниками соседних застав начали «чесать лысые затылки».

Стрельбы к тому времени проводились не более одного раза в 1—2 месяца. Объяснялось это тем, что были срезаны лимиты боеприпасов на год, но самое главное — очень редко издавались приказы по части о проведении занятий, а без них стрелять не будешь: тут же или рублем накажут, или еще что-нибудь «приятное» сделают. Причина такой ситуации очень прозаична: нет офицеров. «Начальник огня» или на заставе сидит — то на подмене, то на усилении, или его место вообще вакантно. Для примера, на момент моего увольнения в отделении подготовки личного состава (ОПЛС) было всего два действующих офицера. Один — начфиз, не вылезавший из «спортмассовых» командировок, второй — начогня — к тому времени томился на заставе уже 4-й месяц. Их работу, естественно, никто не выполнял.

Выкручивались, как могли. Спасибо мужикам из службы ракетно-артиллерийского вооружения. Они закрывали глаза на 3—4 «перестрела» каждым солдатом за одни стрельбы: «Ну что поделаешь — не может он стрелять, а с двойкой уходить со стрельбища нельзя». Этим мы убивали двух зайцев. Во-первых, давали солдату реально отстрелять 2—3 магазина, научив его при этом хотя бы начальным навыкам: корректировать свой огонь, вносить поправки и т.д. Стреляли не «от пуза», а в рамках упражнения, но сразу патронов по 20—30, снаряженных в разные магазины (чтобы еще и перезаряжать в динамике учились). Во-вторых, создавался излишек боеприпасов. Занятие довольно скользкое, потому что хотя нас (в те времена) и выделили из КГБ в отдельную структуру, но, как говорится, «цирк уехал, а клоуны остались». Иногда наши мужики смеялись:

«Трудно быть чекистом среди чекистов, зная, что лучше стучать, чем перестукиваться». Но ничего, проносило. Видимо, из-за того, что патроны шли все-таки по назначению, а не «налево». Сэкономленные боеприпасы мы использовали для подготовки снайперов.

На стрельбах с ними проводил отдельное занятие начальник заставы или его заместитель. Все как обычно: рассказ, показ, тренировка, но стреляли они гораздо больше, чем положено по курсу. Мишенями были камни на склоне горы: по принципу «от простого к сложному» с больших постепенно переходили на очень мелкие. Занятие прекращали только тогда, когда боец уверенно поражал цели на различных дальностях. Очень важный нюанс: стреляли практически всегда снизу вверх, так как нападения ожидали именно сверху. Как я уже упоминал, мы располагались в очень невыгодном месте. Сейчас нашей заставы уже нет: она была разобрана весной 99-го, за три месяца до вторжения боевиков в Дагестан.

В состав разведывательно-поисковой группы обязательно включали бойца с СВД (назвать его снайпером язык не поворачивается). В горах также проводили в укромных местах мини-стрельбы из СВД, АК и ПК. Но это было редко — местное население (из числа «милейших» ваххабитов) тут же ябедничало нашему начальству. Следовали оргвыводы о «провоцировании мирных жителей, создании предпосылок к несчастным случаям» и т.п. Так что старались лишний раз не шуметь.

Мы поначалу чертыхались по поводу обязательных для бойцов карточек огня: на кой они нужны, если в реальном бою довольно трудно представить себе солдата, глазеющего в нее перед каждым выстрелом. Да и времени и средств много уходило на их изготовление. Но потом разобрались, что при отсутствии плановой боевой подготовки они позволяют хоть как-то обучать людей. Принцип прост: пришел из наряда — доложи свою задачу, секторы обстрела, дальности до ориентиров. Знаешь — свободен, нет — иди учи. Не доложил через 30 минут — время «накидывается», часто за счет отдыха и

сна. Такая «метода» давала результаты. Бойцы (учитывая их низкий уровень грамотности и то, что в «учебке» многому не научили) потихоньку начинали осознанно определять расстояния, пользоваться прицелом и т.д. У снайперов были специальные карточки огня, представлявшие собой книжечки с таблицами стрельбы, правилами определения дальности, силы и скорости ветра. Сама карточка представляла собой схему наиболее вероятных огневых точек ПК, РПГ и СВД противника при нападении на заставу. Соответственно и спрашивали с таких бойцов гораздо больше.

Маскировке особо не учили, так как считали, что снайпер в наших условиях в классическом варианте вряд ли будет использоваться. Да и не знали мы тогда этой науки: о чем говорить, если подавляющее большинство начальников застав были старшими лейтенантами, максимум 2—3 года отслужившими в войсках, опыта — кот наплакал. Основной акцент делали на правильный выбор позиции и грамотное определение важных целей в бою, тактику действий в различных боевых ситуациях применительно к нашим условиям и местности.

Особенно строго спрашивали за техническое состояние СВД. Я знаю несколько случаев, когда за ржавую винтовку боец получал ею же «по горбу». Жестоко? Да, но очень действенно, тем более что данным «педагогическим приемом» не злоупотребляли — всегда за дело. «Цена» исправной винтовки — жизнь и выполнение задачи. Штатного снайпера заставляли проверять установки маховичков прицела и боковых поправок каждый раз, когда тот брал СВД в руки. Делалось это затем, чтобы исключить «приятные неожиданности», возникающие из-за того, что какой-нибудь «юный техник» из числа дежурных по заставе поигрался с винтовкой. Это правило мы ввели после того, как однажды утром, взяв абсолютно пристрелянную (да простят мне этот термин мои преподаватели огневой подготовки) с вечера СВД, минут десять не могли понять, почему пули ложатся чуть ли не на полметра вправо. Затем осенило — посмотри на установки прицела. Сейчас об этом смешно вспо-

минать — это ведь элементарные вещи, но тогда такие «открытия» были откровением.

Потом начались события в Ботлихе. На заставу нагнали народу — тьма. В том числе и несколько спецподразделений. В одном из них было два снайпера-профессионала (оба офицеры). После очередных стрельб я попросил их немного поднатаскать моих «архаровцев». Они согласились и целых два дня гоняли пару бойцов до седьмого пота. Выделил им дополнительно цинк патронов (обыкновенных, ЛПС, — снайперские видел только в училище), и они с утра до вечера «гвоздили»: сначала по мишени, а потом по камням.

Я понаблюдал за этими занятиями и вот что подметил. Тактико-техническим характеристикам оружия, матчасти времени отводили минимум. Потом следовало изучение наиболее удобных способов изготовления для стрельбы. В этом деле не только добивались правильного выполнения каждого элемента в процессе первоначального обучения, но и контролировали все остальное время занятий. Далее следовало подробное объяснение порядка приведения СВД к нормальному бою. Пристреливал винтовку сам обучаемый под контролем профессионала. А потом уже шла практическая стрельба по целеуказаниям инструкторов с разбором ошибок. При этом бойцов обучали правильно корректировать огонь — как свой, так и товарища.

После занятий я спросил у одного из офицеров: «Нужно ли солдату наизусть знать основные снайперские таблицы?» Реакция была несколько неожиданной. Он улыбнулся и сказал: «Честно? Они ему на фиг не нужны. Смотри — боец пользуется стандартными таблицами. Мы для себя делали индивидуальные потому, что у каждого снайпера «летит» по-своему. Так вот, большой помощи они нам не оказали. Я лично ее не сильно ощущал. Но учить — пусть учит. Во-первых, разовьет свои мозги и узнает теорию. Во-вторых, чисто интуитивно это ему может помочь в деле, хотя он сам этого не заметит. А самое главное в подготовке — это практика, практика и еще раз практика, то есть стрельбы».

Что интересно, стрелять мои бойцы стали после этих двухдневных занятий гораздо лучше. Кроме того, более вдумчиво, расчетливее, что ли... Потом они уволились, а так как был дичайший некомплект личного состава на заставах (на многих оставалось по 2—3 срочника), опыт свой никому не передали. А когда нет преемственности, в итоге получается «человек с ружьем»...

Вот в принципе и весь рассказ о «снайперском движении» в рамках одной реальной заставы.

ИСКАТЬ НЕ ОПРАВДАНИЯ, А ВЫХОД

Теперь о том, что, на мой взгляд, препятствует развитию снайпинга в ФПС.

Первое — бюрократия и формализм. Я помню только одни сборы снайперов в отряде за все 5 лет службы. Да и сами эти сборы реально ничему особенному солдат не научили — обыкновенные занятия по огневой подготовке. Сейчас уже точно не помню, но, кажется, 1998 год был объявлен в ФПС годом снайперского движения. Результат — ноль. Все осталось только на бумаге. Да и про само это «движение» я узнал чисто случайно в штабе отряда, уже где-то в конце года.

Кстати, смотр-конкурс по стрельбе из стрелкового оружия, который упоминается в статье «Застава без снайпера», также проводится довольно формально. В чем причина? Самое главное — боевая подготовка сейчас в загоне, да и спрос уже далеко не тот, как во времена СССР. Это тогда фраза «подрыв боевой готовности» звучала как приговор трибунала. Офицеров не хватает, и реально никто этим делом «на общественных началах» не хочет заниматься. Служившие в войсках прекрасно знают, что «в армии инициатива наказуема исполнением». Тут бы успеть на ворох указаний сверху вовремя ответить и до подчиненных довести хотя бы их часть, а не то что занятия и конкурсы с кем-то проводить. Проиллюстрирую ситуацию картинкой из жизни. 29 апреля приходит телеграмма в часть из

округа: «...Выходными днями считать — 1, 2, 3 мая...» Реакция одного из «замордованных» офицеров управления: «Хорошо-то как! Три дня выходных! Целых три дня поработать спокойно можно — никто мешать не будет!» Большинство присутствующих при этом офицеров-управленцев отреагировали так же. Комментарии, я думаю, излишни. И вот в таких условиях кто-то будет радеть за «развитие снайпинга в ФПС России»? Конечно, нет. Выход: в управлении отряда иметь специальную должность офицера в штате ОПЛС, который **конкретно отвечает** за подготовку снайперов в части. Но и это не все. Пока командир части сам не будет нести **личную ответственность** за состояние дел со снайпингом, то даже если такого офицера и введут в штат, я больше чем уверен, что ему придется заниматься чем угодно, только не своей работой. Сужу по своему горькому опыту работы в штабе части.

Второе — кадровая проблема. Профессиональной армии (имеется в виду по-настоящему профессиональной, сложившейся) у нас не будет еще долго, пока все находится в начальной стадии. Сделать из солдата-срочника снайпера представлялось малореальным даже тогда, когда призывники служили два года. Теперь, когда они служат всего год, такая вероятность вообще близка к нулю. Разве только какой-нибудь талант не попадет в руки профессионала, но это из области фантастики. Пока же мы можем готовить (и то при наличии желания, времени и средств) просто очень хороших стрелков, знающих азы снайперского искусства. Вывод: должность снайпера должна быть замещаемая военнослужащим контрактной службы, который будет служить минимум лет пять. Вот только вопрос: кем? Опять понаберут бомжей-алкоголиков и т.д. Но даже если и нормальных «контрасов» найдут — кто их учить-то будет? Начальник заставы с заместителями? Они сами ничего не знают, да и времени у них нет. Кто служил на заставе, тому ведомо, сколько всего висит на начальнике и его замах. Как-то, еще в училище, один из наших непосед-хохмачей решил в шутку подсчитать, сколько времени офицеру заставы **реально** нужно для

того, чтобы выполнить **все** требования уставов, наставлений, приказов и распоряжений за день. После подсчетов он уже не смеялся — вышло что-то около 28 часов. Увы, канули в Лету те времена, когда старшим пограннаряда ходил «сержант или особо подготовленный солдат». Сейчас этим занимаются исключительно офицеры и прапорщики. Выход: вводить в штат заставы или комендатуры прапорщика, который бы занимался исключительно этой проблемой.

Но даже если и представить, что введут вышеуказанные должности в штаты отрядов, то эти люди будут неспециалистами. Их нужно учить. Где? В ФПС снайперской школы нет — в отличие от Минобороны. Подготовка наших инструкторов на базе другой силовой структуры будет стоить средств, которых у ФПС нет и, наверное, еще очень долго не будет. На мой взгляд, при одном из московских пограничных институтов или в ОУЦ под Ярославлем нужно создать что-то типа постоянно действующих курсов усовершенствования, на которых и готовить офицеров и прапорщиков. Ярославский ОУЦ выгоден еще тем, что там тренируется «Альфа», а уровень ее снайперов известен всем. Это позволит обмениваться опытом и практическими наработками.

Третье — материальная сторона дела. За те гроши, которые получают контрактники, служить снайпером никто не захочет. Особенно если учесть все «прелести» этой профессии. Следовательно, для этой воинской специальности необходимо сделать исключение (как и для офицеров и прапорщиков, которые будут заниматься этим вопросом в частях), то есть значительно поднимать зарплату — на несколько порядков. Тогда и конкурс можно организовывать. Хотя деньги тоже всего не решают, нужно еще, чтобы и душа лежала к своей работе, но это отдельная тема для разговора. И еще один момент — стрельба и экипировка. Необходимо менять курс стрельб для снайперов в сторону увеличения расхода боеприпасов. Того мизера, что выделяют на их подготовку, не хватит ни на что путное. А где реально взять немалые средства на достойную экипировку?

Придется, наверное, крутиться отцам-командирам на местах. Или же, как это обычно бывает, за свои «кровные» экипироваться снайперу самому.

Таким образом, получается, что снайпингом в погранвойсках еще долгое время будут заниматься только энтузиасты, которые, как известно, погоды не делают. Положение, на мой взгляд, может измениться только в двух случаях: или должностные лица осознают важность этой проблемы на деле, а не на бумаге, или, как часто бывает, зашевелимся, когда «жареный петух» в известное место клюнет. Второй вариант наиболее вероятен, но очень уж не хотелось бы опять учиться на крови.

Майор «Старый»

ВЫСТРЕЛ НА ПОРАЖЕНИЕ

...В начале апреля 2002 года в районе города Анапы вооруженный террорист захватил микроавтобус с заложниками. В результате спецоперации, проведенной силами Управления ФСБ по Краснодарскому краю, захватчик был нейтрализован, люди освобождены. Никто из заложников и из бойцов спецподразделения антитеррора не пострадал. Как говорят в таких случаях, все было сработано «чисто».

Эту операцию можно назвать одной из уникальных в своем роде по той причине, что «точку» в ней поставили выстрелы снайперской пары. Такое бывает нечасто. Все зависит от конкретно складывающейся обстановки и от решений руководства, но в любой ситуации главным для снайпера остается одно условие — не задеть заложников. При условии даже малейшего риска поразить их (допустим, рикошетом) снайпер спецназа антитеррора никогда не станет стрелять. В то же время условия для гарантированного попадания имеются далеко не всегда.

Кроме того, даже, если у снайпера есть все шансы нейтрализовать террориста без риска для заложника, это еще не всегда значит то, что руководством будет отдана команда на применение оружия.

Таким образом, любая операция, где решающую роль сыграли именно снайперы, заслуживает особого внимания. «Хирургическое вмешательство» позволяет решать проблему безболезненно для окружающих и максимально эффективно — так было в Анапе. Автору этих строк довелось узнать о деталях той операции непосредственно от снайпера, поразившего террориста. Это офицер Региональной службы специального назначения (РССН) ФСБ одного из городов Краснодарского края. Зовут его Олег, снайперский опыт исчисляется долгими годами. В свое время он был одним из учеников Виктора Лисовского, которого при жизни считали без малейшего преувеличения снайпером мирового уровня.

ЗАДАЧА С ОДНИМ НЕИЗВЕСТНЫМ

«Мы тогда только что вернулись из очередной чеченской командировки, — рассказывает Олег. — Нам дали два дня выходных, но все надежды хоть немного отдохнуть и прийти в себя после Чечни обрушились в одну секунду. Только сдали оружие и разъехались по домам, как поступил боевой сигнал «три семерки». В течение часа все собрались на базе. Для передовой группы, в которую входили командир и снайперская пара — то есть мы с напарником, — был предоставлен большой скоростной джип «Форд Экспедишн». Мы выдвинулись на нем в район Анапы. Вся информация, которая была на тот момент, — захвачен маршрутный микроавтобус, террорист вооружен обрезами...»

Как потом выяснилось, захватчиком был житель близлежащего к Анапе поселка. Можно лишь отдаленно представить себе, какие чувства испытывали сидящие в салоне «Газели» люди, до этого буднично ехавшие до своей остановки

и вдруг ставшие заложниками. Террорист — громадный бородатый детина в черной фуфайке — грозил «порешить» всех, если ему не предоставят миллион долларов и беспрепятственный вылет из аэропорта на самолете. Его требования впоследствии менялись, но от этого заложникам было, конечно, не легче.

...Джип передовой группы останавливается возле милицкого оцепления, перекрывающего трассу. С первого взгляда становится ясно, что условия для работы будут достаточно сложными. Место открытое, ровное. Впереди, на обочине трассы, стоит П-образный бетонный блок автобусной остановки. Именно туда по требованию террориста и загнана «Газель», чтобы затруднить подступы к ней. Таким образом, она закрыта с трех сторон, снаружи видна лишь часть кабины. «В приборы наблюдения мы видели через лобовое стекло только водителя, всю остальную часть автобуса заслоняли стены, — вспоминает Олег. — Практически никакой информацией о передвижении внутри салона мы не обладали».

Чуть позже вслед за передовым отрядом подъехала на микроавтобусе штурмовая группа. К этому моменту командование уже успело подготовить план операции. Снайперская пара скрытно заняла позиции с таким расчетом, чтобы держать под прицелом левую и правую видимые части кабины автобуса, а участок перед ним — в зоне перекрестного огня. Штурмовая группа расположилась в нескольких метрах сзади, за остановкой. Естественно, что весь район был оцеплен милицией и подразделениями МВД.

Примерно около часа продолжались переговоры. Террорист, видимо, поняв всю безнадежность своего положения, стал более уступчивым. В отношении денег вопрос уже не стоял вообще, но тем не менее ситуация все больше накалялась. Кто знает, на что способна крыса, зажатая в угол? Несмотря ни на какие уговоры, он по-прежнему не хотел сдаваться и не выпустил ни одного из заложников. Наконец, потребовал предоставить ему прокурора, чтобы в его сопро-

вождении выехать в аэропорт и вылететь в какую-нибудь нейтральную страну. Ему тотчас же пообещали, что требование будет удовлетворено, главное — чтобы он не трогал заложников.

В ОБЪЕКТИВЕ ПРИЦЕЛА

«...Я занял позицию справа от остановки, по одну сторону дороги с ней, за развилкой деревьев. Дистанция от меня до автобуса составляла 73 метра, — рассказывает Олег. — Мой напарник залег с противоположной от остановки стороны на дистанции 25 метров. Он находился за колонной дома (по-моему, это был мебельный магазин). Таким образом, он контролировал левую часть кабины, я — правую. Вооружены мы были бесшумными снайперскими винтовками «Винторез». Я заранее просчитывал траекторию полета пули, в случае если придется стрелять по террористу. Меня сильно смущало милицейское оцепление, находящееся по другую от меня сторону остановки, метрах в 50 от нее. Если придется стрелять, не исключен вариант, что пуля, пройдя сквозь преступника навывлет, может кого-нибудь зацепить. Я связался с руководством и объяснил ситуацию. Оцепление нужно было или убрать из моего сектора, или отодвинуть подальше. Но меня почему-то не послушали, милиционеры продолжали оставаться на прежних местах.

Тут подъехала машина с якобы прокурором Анапы. На самом деле в его роли выступал наш сотрудник. Машина остановилась на противоположной от остановки стороне дороги, «прокурор» вышел из нее и начал вести с террористом переговоры. Дескать, выходи, садись в машину, мы тебя отвезем в аэропорт, а там уже ждет самолет. В десятикратный прицел я вижу крупным планом, как с моей стороны открывается дверь «Газели» и из нее выходит террорист. Один, без заложников. В руках держит обрез...

МОМЕНТ ИСТИНЫ

...Лишь человеку, незнакомому с профессией снайпера спецназа антитеррора, может показаться, что главное в его работе — меткость. Это далеко не все, хоть поражение цели первым выстрелом и при этом в нужную точку является главным и неизменным условием. Дело в том, что в решающие секунды, когда вот-вот нужно открывать огонь, снайперу приходится учитывать немало самых различных факторов, начиная от вычислений и кончая анализом складывающейся обстановки, которая, как правило, стремительно меняется. Голова в этот момент работает, как компьютер. Нужно не только думать о том, чтобы поразить террориста, но и детально просчитать ситуацию. А она у Олега, с чьей стороны вышел террорист, была очень сложной.

Напомним — милицейское оцепление в секторе стрельбы не убрано. Кроме того, за оцеплением еще и маячит толпа зевак, которую, как сказал Олег, так и не разогнали. Есть надежда, что террорист бросит обрез на дорогу, поднимет руки вверх. В этом случае необходимость в применении снайперами оружия отпадет сама собой. Но все случается иначе. Выйдя из «Газели», террорист явно не желает расставаться с обрезом. Он начинает движение навстречу «прокурору». Идет немного по кривой, обходя переднюю часть автобуса. В этот момент, если смотреть с позиции Олега, он движется по фронту. Одновременно преступник начинает поднимать обрез...

«Я мог стрелять уже тогда, но не стал, — рассказывает Олег. — Это не дало бы гарантированного попадания в «точку». Буквально сантиметры в сторону — и он был бы только ранен, а значит, еще более опасен. Легко стрелять, когда цель неподвижна. А тут — террорист движется, дистанция свыше 70 метров. Я решил выждать (это буквально секунда), когда он обогнет кабину и станет виден моему напарнику. Огнем с двух точек мы гарантированно уничтожим его...»

...Преступник выходит из-за автобуса и попадает в перекрестье прицелов обоих снайперов. В это мгновение он обра-

щен к Олегу уже спиной. Нужно попасть в точку между позвоночником и сердцем, это гарантированное поражение. В то же время Олег ни на секунду не забывает об оцеплении. Решение приходит мгновенно, на уровне подсознания — он умудряется прицелиться таким образом, чтобы выстрел шел снизу — вверх. В этом случае мощная пуля «Винтореза», которая пройдет сквозь тело преступника навывлет, уйдет вверх, выше милицейского оцепления. При этом исключается то, что она может от чего-то отразиться — рикошета не будет. В то же время до жилых домов, находящихся метрах в 400 от позиции, пуля уже не долетит: после поражения цели ее оставшейся энергии хватит метров на 200, не больше.

Все это в одно мгновение проносится в голове снайпера. При этом напомним, что террорист находится в движении, его широкая спина плавно колыхнется из стороны в сторону...

Выстрел. Он абсолютно точен. Преступник начинает заваливаться на бок. В это же мгновение с противоположной стороны стреляет напарник Олега. Он попадает террористу в грудь. Когда тот падает на дорогу, напарник делает второй выстрел — в голову.

За все время описываемого выше эпизода преступник успел сделать всего несколько шагов...

В эти же секунды командир группы, располагающейся за остановкой, давал отсчет на штурм. Бойцы не могли видеть, что террорист уже уничтожен. Они слышали только клацание затворов — единственный звук, который выдает выстрел «Винтореза».

«Все-таки команда на штурм прозвучала, — рассказывает Олег. — Ребята выбежали и увидели, что «клиент» уже лежит. Соответственно дело сделано. Операция была закончена...»

По общему мнению, снайперы отработали тогда блестяще. Чего, видимо, никак нельзя сказать о действиях оцепления. Есть такая присказка: «Хотите помочь? Пожалуйста, это очень просто — не мешайте работать!»

РАБОТА НЕ ДЛЯ СЛАБОНЕРВНЫХ

«Лучше для всех, когда все решается так, без лишних проблем, — сказал мне Олег, имея в виду применение снайперов. — К сожалению, не всегда получается. Ситуации разные...»

Он упомянул об одной, достаточно известной операции, когда в Краснодаре вооруженным обрезом террористом был захвачен «Икарус» с заложниками. Тогда вопрос можно было решить только штурмом, так как террорист не шел ни на какие уступки, не выпускал заложников. Поразить его, находящегося за зашторенными окнами среди заложников, было невозможно. Тем не менее был один интересный момент, о котором нигде не говорилось. Во время штурма, когда уже было выбито окно автобуса, террорист успел выстрелить по одному из бойцов спецназа. Так получилось, что в этот же момент, только с опережением, может быть, на сотую долю секунды, произвел выстрел снайпер, занимавший позицию на крыше. Он не видел самого преступника, видел только его оружие, направленное в сотрудника, и выстрелил в цевье. Дистанция составляла примерно около 50 метров. Попал точно. «Пуля снайпера, попавшая в цевье обреза, отбила его в сторону в момент выстрела террориста, — сказал Олег. — Видимо, это и спасло нашего сотрудника. Пуля попала ему в руку, хотя террорист стрелял в упор. Парню очень сильно раздробило кисть, но, наверное, все могло кончиться для него хуже, если бы не точный выстрел снайпера в оружие преступника. Кстати, тот снайпер тоже был учеником Виктора Лисовского. Очень опытный. Потом он получил серьезную травму во время соревнований по рукопашному бою и перевелся на другую должность в управление. Сейчас занимается оперативно-следственной работой».

Ворвавшиеся в автобус спецназовцы тогда буквально изрешетили террориста. Кстати, он оказался на редкость живучим — после семи-восьми попаданий еще три дня прожил в больнице, прежде чем простился со своей никчемной «отмороженной» жизнью...

Напоследок мне хочется дословно привести слова Олега, сказанные в целом о профессии снайпера спецназа:

«Некоторые командиры выбирают снайпером того человека, который, может быть, хорошо стреляет... Есть такая давняя поговорка: каждый снайпер — стрелок, но не каждый стрелок — снайпер. Как бы хорошо человек ни стрелял, но в экстремальной ситуации он может повести себя неадекватно. К примеру, будет волноваться, потеряет хладнокровие и не сможет прицельно сделать выстрел. Может быть, даже будет психологически не готов к тому, чтобы убить человека. Такой момент хорошо показан в известном американском фильме «Снайпер». Там у молодого напарника сначала был психологический барьер, и он некоторое время стрелял не по врагу, а рядом...

Психологически это должен быть человек, который сделает выстрел по террористу без малейших колебаний, совершенно точно и именно в нужный момент. Помимо всего, снайпер должен быть очень хорошо подготовлен физически. Сердце должно быть вообще в идеальном состоянии. Желательно, чтобы он не пил и не курил, серьезно занимался, еще до того как стать снайпером, каким-либо видом спорта, необязательно стрельбой. Стрелять можно научить, главное — человек должен подходить для такой работы в моральном и физическом отношении. Нагрузки в спецназе запредельные, и он должен полностью им соответствовать. Ну и, конечно, работа снайпера требует многих лет подготовки и совершенствования. Это дело только для профессионала. Может быть, на всю жизнь...»

Олег КОЛОМИЕЦ

ПОПРАВКИ ПРИ СТРЕЛЬБЕ ИЗ СВД С ПРИЦЕЛОМ ПСО-1

За долгие годы войн и перемен ровным счетом так ничего и не изменилось. В то время как на Западе вовсю идут в ход карбоновые стволы с кучностью 1,2 см на 100 метров под промежуточные калибры с использованием тепловизионных прицелов, у нас все те же бессменные СВД и ПСО.

Начнем с того, что в ПСО поправки по вертикали выражены в метрах, а по горизонтали в тысячных. Это делалось для простоты введения поправки на дальность. Дистанция стрельбы — 200 метров, поставил прицел на 2 и стреляй. Так-то оно так, но настоящие сложности начинаются при введении поправок на угол места цели, высоту над уровнем моря, атмосферное давление и температуру воздуха. В наставлениях и специальной литературе были попытки подогнать эти данные под общий стандарт, но они округлены и приблизительны. О точности стрельбы не может быть и речи.

С углом места цели проблем меньше всего, все табличные данные выражены в метрах, что согласуется с маховичком введения вертикальных поправок. Знаки + и - означают недолет или перелет на указанное расстояние в метрах. Вы соответственно увеличиваете деление маховичка на расстояние недолета или уменьшаете на расстояние перелета. Например, стрельба ведется на 500 метров под углом $+45^\circ$ в горах. По таблице находим, что пуля не долетит до цели 97 метров!!! В данном случае есть смысл округлить до 100 метров. Соответственно прицел надо поставить не на 5, а на 6 (на 100 метров дальше).

Основная проблема связана с точным измерением угла до 5° . Ошибка в 5° на расстоянии в 500 метров и более — это гарантированный промах. Прикрепите к прикладу угломер! Например, при стрельбе вниз под углом — 30° на расстоянии 400 м пуля не долетит до цели 33 метра, а если стрелять под углом 35° вверх, то не долетит 34 метра! Кажется, что в этом нет логики, но это так. На расстояние 700 метров выстрел под углом $+25^\circ$ повлечет за собой перелет в 14 метров, а под углом $+30^\circ$ — недолет в 2 метра!

Температура воздуха также сильно влияет на полет пули. Холодный воздух более вязкий и вызывает понижение траектории, а теплый, наоборот, повышение. Если у вас винтовка пристреляна днем при $+25^\circ\text{C}$, то ночью при 5°C при выстреле на 500 метров пуля пойдет на 14 см ниже. Кажется ерундой, но это уже не убьет противника наповал. Эти колебания особенно заметны в межсезонье, когда днем жарко, а ночью почти 0°C .

Чтобы подобные перепады температур не портили вам нервную систему и не приходилось пристреливать винтовку по 3 раза в день, нужно придерживаться стандартов. Пристреливайте СВД при $+15^{\circ}\text{C}$, а потом вводите поправки на разницу температур, приняв это значение за 0.

Вот тут и начинаются парадоксы ПСО. Табличные данные выражены в сантиметрах выше или ниже точки прицеливания, а ввести поправку в прицел можно только в метрах недолета или перелета. Чтобы это сделать, нужно по таблице понижений и повышений траектории посмотреть, на каком расстоянии будет этот недолет или перелет (анализируя траекторию полета пули на этом расстоянии), и, найдя это расстояние, вычесть его из дальности до цели. Затем увеличить или уменьшить прицел на получившуюся разницу.

Одному богу известно, кто мешал сделать все в одной плоскости в сантиметрах или тысячных выше или ниже точки прицеливания.

Кроме температуры воздуха, очень важный фактор — температура ствола, который сильно нагревается на солнце. Одна часть нагревается сильнее другой, что приводит к искривлению ствола и, соответственно, промаху первым выстрелом. Поэтому у вас ствол должен быть всегда замотан лентой из х/б. Еще лучше приспособить 55-мм пластмассовую трубу для воды поверх ствола. Продается в каждом хозяйственном магазине. Этот кожух будет нагреваться на солнце, а ствол всегда будет иметь постоянную температуру, нагреваясь только при выстреле.

Те же самые проблемы ввода поправок касаются и высоты над уровнем моря и атмосферного давления. Кстати, многие пренебрегают последними, а зря. Например, вы пристреляли прицел при атмосферном давлении 750 мм р.ст. Через два дня пришел циклон и давление упало до 720 мм р.ст. Теперь при стрельбе на 700 метров ваша пуля уйдет выше на 15 см, даже не задев головы противника.

Парадоксальная ситуация возникает при пасмурной погоде. С одной стороны, низкое давление вызывает повышение траекто-

рии пуль, с другой — влажность после дождя сильно и непредсказуемо понижает ее. Особенно это заметно, когда после дождя солнце вызывает активное испарение с поверхности земли.

В горах воздух разреженный, и при подъеме в горы траектория полета пули будет расти.

Наконец перейдем к поправкам на ветер. Ветер условно делится на слабый (2—4 м/с), умеренный (4—6 м/с) и сильный (8—12 м/с). Все поправки на ветер приведены в сантиметрах, которые легко перевести в тысячные.

Важен угол, под которым ветер сдувает пулю в сторону. Ветер, сдувающий пулю под углом 90° , влияет на нее сильнее всего. Острые углы в 30° , 45° , 60° уравниваются, так как разница между ними минимальна. Вообще, конечно, слово «минимальна» уместно разве что в данном контексте, когда кучность 30 мм на 100 метров кажется чуть ли не манной небесной.

Продольный ветер слабо, но влияет на баллистику пули. Так, встречный ветер в 5 м/с при стрельбе на 800 метров поднимет пулю на 7 см. Даже самый слабый ветер нужно ОБЯЗАТЕЛЬНО учитывать при стрельбе на дистанции более 200 метров.

Еще одна поправка по горизонтали — это поправка на деривацию. Ствол у современных винтовок нарезной, и после выстрела пуля стабилизируется вращением. Но это неуклонно уводит ее вправо от точки прицеливания. И с увеличением расстояния этот показатель увеличивается.

А теперь представьте себе, как вас высаживают в горный район с вертолета. Сразу изменились все условия: высота, влажность, температура, ветер. Вы стреляете и не понимаете, почему пули летят не туда. Надо учитывать все.

Вышеперечисленные тонкости — это далеко не полный перечень. Те, кто стреляет на дистанции более 1000 м из промежуточных калибров, меня поймут. В любом случае, если у вас есть возможность, обзаведитесь лазерным дальномером, баллистическим вычислителем, а главное — хорошим оптическим прицелом. Под словом «хороший» я не понимаю ПСО, но, если вам попадется прицел серии ППО, обратите внимание на при-

цельную марку. У некоторых модификаций этих прицелов есть прицельные марки, избавляющие стрелка от необходимости делать поправку на расстояние до цели и деривацию.

Вообще прицельная стрельба из СВД на дальность более 800 метров уже скорее приблизительно. Пуля слабого, по нынешним меркам, патрона 7,62x54R по прохождении этой дистанции переходит звуковой барьер и начинает вести себя нестабильно. Поэтому градуировка 1100, 1200 и 1300 метров на ПСО — это не более чем средство придания уверенности в себе.

Представленные материалы разделены на группы таблиц по дальности ведения огня и включают все необходимые поправки на внешние условия. Для чего мы даем все в сантиметрах? Для того чтобы, сложив все поправки в пределах одной плоскости, можно было потом перевести эту сумму в тысячные и ввести поправку в прицел.

100 м

1 тысячная = 10 см

Высота над уровнем моря — Деривация — t воздуха —

Атмосферное давление — Продольный ветер — Поправок на угол места цели —

Поправки по вертикали

**ТАБЛИЦА ПОНИЖЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ТРАЕКТОРИЙ
ПРИ СТРЕЛЬБЕ НА 100 М**

Тип пули	50	100	150	200
снайперская	1	0	— 3	— 10
легкая 9,6 г	1	0	— 4	— 10
тяжелая 11,8 г	1	0	— 2	— 11

Поправки по горизонтали

ТАБЛИЦА ПОПРАВК НА СКОРОСТЬ ЦЕЛИ

цель	скорость	метры	фигуры	тысячные
шагом	1,5 м/с	0,2 м	0,5	2
бегом	3 м/с	0,4 м	1	4
на технике	6 м/с	0,7 м	1,5	7

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА ВЕТЕР (СМ)

ветер	90	45
2—3 м/с	—	—
4—6 м/с	3	—
8—12 м/с	6	3

200 м

1 тысячная = 20 см

Высота над уровнем моря — Деривация — 1 см

Атмосферное давление — Продольный ветер —

*Поправки по вертикали*ТАБЛИЦА ПОНИЖЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ТРАЕКТОРИЙ
ПРИ СТРЕЛЬБЕ НА 200 М

Тип пули	50	100	150	200	250
снайперская	1	5	4	0	— 11
легкая 9,6 г	1	5	4	0	— 8
тяжелая 11,8 г	2	6	5	0	— 10

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА УГОЛ МЕСТА ЦЕЛИ
В МЕТРАХ НЕДОЛЕТА —
ПЕРЕЛЕТА И САНТИМЕТРАХ ВЫШЕ — НИЖЕ

При стрельбе вниз									При стрельбе вверх									
угол	-35	-30	-25	-20	-15	-10	-5	0	+5	+10	+15	+20	+25	+30	+35	+40	+45	+50
м	-24	-17	-11	-7	-3	-1	0	0	0	0	-6	-10	-17	-25	-34	-44	-53	-61
см	-2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	-2	-3	-4	-4	-5

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА ТЕМПЕРАТУРУ ВОЗДУХА

температура	— 45	— 15	+15	+45
см	— 6	— 3	0	+3

Поправки по горизонтали

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА СКОРОСТЬ ЦЕЛИ

цель	скорость	метры	фигуры	тысячные
шагом	1,5 м/с	0,4 м	0,7	2

★ Афган. Чечня. Боевой опыт

цель	скорость	метры	фигуры	тысячные
бегом	3 м/с	0,8 м	1,5	4
на технике	6 м/с	1,4 м	3	7

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА ВЕТЕР (СМ)

ветер	90	45
2—3 м/с	5	3
4—6 м/с	10	5
8—12 м/с	20	10

300 м

1 тысячная = 30 см

Высота над уровнем моря — Деривация — 2 см

Атмосферное давление — Продольный ветер —

Поправки по вертикали

**ТАБЛИЦА ПОНИЖЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ТРАЕКТОРИЙ
ПРИ СТРЕЛЬБЕ НА 300 М**

Тип пули	50	100	150	200	250	300	350
снайперская	6	14	18	17	11	0	— 18
легкая 9,6 г	6	13	17	17	11	0	— 17
тяжелая 11,8 г	7	14	18	18	12	0	— 18

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА УГОЛ МЕСТА ЦЕЛИ

В МЕТРАХ НЕДОЛЕТА —

ПЕРЕЛЕТА И САНТИМЕТРАХ ВЫШЕ — НИЖЕ

При стрельбе вниз									При стрельбе вверх									
угол	-35	-30	-25	-20	-15	-10	-5	0	+5	+10	+15	+20	+25	+30	+35	+40	+45	+50
м	-39	-30	-23	-16	-10	-5	-3	+1	0	+5	-1	-2	-12	-24	-36	-47	-61	-77
см	-9	-7	-5	-4	-2	0	0	0	0	+2	0	0	-3	-5	-8	-10	-13	-17

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА ТЕМПЕРАТУРУ ВОЗДУХА

температура	— 35	— 25	— 15	— 5	+5	+15	+25	+35	+45
см	— 10	— 8	— 6	— 4	— 2	0	+2	+4	+6

Поправки по горизонтали
ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА СКОРОСТЬ ЦЕЛИ

цель	скорость	метры	фигуры	тысячные
шагом	1,5 м/с	0,7 м	1,3	2,2
бегом	3 м/с	1,3 м	2,5	4,5
на технике	6 м/с	2,3 м	5	8

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА ВЕТЕР (СМ)

ветер	90	45
2—3 м/с	13	7
4—6 м/с	26	13
8—12 м/с	52	26

400 м

1 тысячная = 40 см

Деривация — 4 см

Атмосферное давление —

Продольный ветер —

Поправки по вертикали
ТАБЛИЦА ПОНИЖЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ТРАЕКТОРИЙ
ПРИ СТРЕЛЬБЕ НА 400 М

Тип пули	50	100	150	200	250	300	350	400	450
снайперская	11	25	35	39	39	33	20	0	— 28
легкая 9,6 г	11	24	34	37	37	31	20	0	— 26
тяжелая 11,8 г	12	25	35	38	38	32	20	0	— 26

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА УГОЛ МЕСТА ЦЕЛИ
В МЕТРАХ НЕДОЛЕТА — ПЕРЕЛЕТА
И САНТИМЕТРАХ ВЫШЕ — НИЖЕ

При стрельбе вниз									При стрельбе вверх									
угол	-35	-30	-25	-20	-15	-10	-5	0	+5	+10	+15	+20	+25	+30	+35	+40	+45	+50
м	-41	-33	-26	-19	-13	-8	-4	0	+3	+11	+7	+5	-6	-19	-34	-50	-68	-88
см	-16	-13	-10	-8	-5	-3	0	0	0	+6	+4	0	0	-8	-14	-20	-27	-30

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА ТЕМПЕРАТУРУ ВОЗДУХА

температура	— 35	— 25	— 15	— 5	+5	+15	+25	+35	+45
см	— 20	— 16	— 12	— 8	— 4	0	+4	+8	+12

ПОПРАВКА НА ВЫСОТУ НАД УРОВНЕМ МОРЯ

высота	1000	2000	3000	4000	5000
см	+3	+6	+9	+12	+15

Поправки по горизонтали

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА СКОРОСТЬ ЦЕЛИ

цель	скорость	метры	фигуры	тысячные
шагом	1,5 м/с	0,9 м	1,7	2,3
бегом	3 м/с	1,8 м	3,5	4,6
на технике	6 м/с	3,2 м	7	8,25

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА ВЕТЕР (СМ)

ветер	90	45
2—3 м/с	24	12
4—6 м/с	48	24
8—12 м/с	96	48

500 м

1 тысячная = 50 см

Деривация — 7 см

Продольный ветер —

Поправки по вертикали —

**ТАБЛИЦА ПОНИЖЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ТРАЕКТОРИЙ
ПРИ СТРЕЛЬБЕ НА 500 М**

Тип пули	50	100	150	200	250	300	350	400	450	500	550	600
снайперская	18	38	53	64	70	70	64	50	28	0	— 43	— 70
легкая 9,6 г	17	30	51	60	70	70	62	50	28	0	— 42	— 80
тяжелая 11,8 г	18	30	52	60	70	70	64	50	28	0	— 43	— 70

**ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА УГОЛ МЕСТА ЦЕЛИ
В МЕТРАХ НЕДОЛЕТА — ПЕРЕЛЕТА
И САНТИМЕТРАХ ВЫШЕ — НИЖЕ**

При стрельбе вниз									При стрельбе вверх										
угол	-35	-30	-25	-20	-15	-10	-5	0	+5	+10	+15	+20	+25	+30	+35	+40	+45	+50	
м	-44	-35	-27	-21	-15	-9	-4	0	+11	+20	+16	+13	0	-14	-30	-49	-72	-97	
см	-25	-20	-15	-12	-8	-5	0	0	+9	+17	+14	+11	0	-8	-17	-27	-38	-49	

**ТАБЛИЦА ПОПРАВОК
НА ТЕМПЕРАТУРУ ВОЗДУХА**

температура	— 35	— 25	— 15	— 5	+5	+15	+25	+35	+45
см	— 35	— 28	— 21	— 14	— 7	0	+7	+14	+21

**ПОПРАВКА НА ВЫСОТУ
НАД УРОВНЕМ МОРЯ**

высота	1000	2000	3000	4000	5000
см	+7	+15	+23	+31	+39

ПОПРАВКА НА АТМОСФЕРНОЕ ДАВЛЕНИЕ

давление	720	750	780
см	+3	0	— 3

Поправки по горизонтали
ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА СКОРОСТЬ ЦЕЛИ

цель	скорость	метры	фигуры	тысячные
шагом	1,5 м/с	1,2 м	2,3	2,4
бегом	3 м/с	2,3 м	4,5	4,75
на технике	6 м/с	4,3 м	9	8,5

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА ВЕТЕР (СМ)

ветер	90	45
2—3 м/с	36	18
4—6 м/с	72	36
8—12 м/с	144	72

600 м

1 тысячная = 60 см

Деривация — 12 см Продольный ветер — 10 м/с + 4 см

Поправки по вертикали

**ТАБЛИЦА ПОНИЖЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ТРАЕКТОРИЙ
ПРИ СТРЕЛЬБЕ НА 600 М**

Тип пули	100	200	300	400	500	600	700
снайперская	53	95	120	110	74	0	— 130
легкая 9,6 г	50	100	120	110	80	0	— 120
тяжелая 11,8 г	50	90	110	90	70	0	— 100

**ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА УГОЛ МЕСТА ЦЕЛИ
В МЕТРАХ НЕДОЛЕТА — ПЕРЕЛЕТА
И САНТИМЕТРАХ ВЫШЕ — НИЖЕ**

При стрельбе вниз									При стрельбе вверх									
угол	-35	-30	-25	-20	-15	-10	-5	0	+5	+10	+15	+20	+25	+30	+35	+40	+45	+50
м	-47	-37	-29	-22	-16	-10	-5	0	+22	+37	+32	+21	+7	-8	-26	-48	-74	-103
см	-35	-27	-21	-16	-12	-7	-4	0	+29	+48	+42	+27	+8	-6	-19	-36	-55	-75

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА ТЕМПЕРАТУРУ ВОЗДУХА

температура	— 35	— 25	— 15	— 5	+5	+15	+25	+35	+45
см	— 60	— 48	— 36	— 24	— 12	0	+12	+24	+36

ПОПРАВКА НА ВЫСОТУ НАД УРОВНЕМ МОРЯ

высота	1000	2000	3000	4000	5000
см	+21	+45	+69	+93	+117

ПОПРАВКА НА АТМОСФЕРНОЕ ДАВЛЕНИЕ

давление	700	710	720	730	740	750	760	770	780
см	+15	+12	+9	+6	+3	0	— 3	— 6	— 9

Поправки по горизонтали

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА СКОРОСТЬ ЦЕЛИ

цель	скорость	метры	фигуры	тысячные
шагом	1,5 м/с	1,5 м	3	2,5

цель	скорость	метры	фигуры	тысячные
бегом	3 м/с	3 м	6	5
на технике	6 м/с	5,5 м	10	9

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА ВЕТЕР (СМ)

ветер	90	45
2—3 м/с	55	28
4—6 м/с	110	55
8—12 м/с	220	110

700 м**1 тысячная = 70 см****Деривация — 19 см Продольный ветер — 10 м/с + 6 см*****Поправки по вертикали*****ТАБЛИЦА ПОНИЖЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ТРАЕКТОРИЙ
ПРИ СТРЕЛЬБЕ НА 700 М**

Тип пули	100	200	300	400	500	600	700	800
снайперская	67	135	157	159	165	115	0	— 155
легкая 9,6 г	70	140	170	180	170	120	0	— 160
тяжелая 11,8 г	70	130	150	160	140	90	0	— 150

**ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА УГОЛ МЕСТА ЦЕЛИ
В МЕТРАХ НЕДОЛЕТА — ПЕРЕЛЕТА
И САНТИМЕТРАХ ВЫШЕ — НИЖЕ**

При стрельбе вниз									При стрельбе вверх									
угол	-35	-30	-25	-20	-15	-10	5	0	+5	+10	+15	+20	+25	+30	+35	+40	+45	+50
м	-52	-41	-31	-24	-17	-12	-6	0	+38	+54	+46	+29	+14	-2	-22	-47	-75	-106
см	-60	-47	-37	-28	-20	-14	-7	0	+59	+84	+71	+45	+22	0	-25	-54	-86	-122

**ТАБЛИЦА ПОПРАВОК
НА ТЕМПЕРАТУРУ ВОЗДУХА**

температура	— 35	— 25	— 15	— 5	+5	+15	+25	+35	+45
см	— 105	— 84	— 63	— 42	— 21	0	+21	+42	+63

ПОПРАВКА НА ВЫСОТУ НАД УРОВНЕМ МОРЯ

высота	1000	2000	3000	4000	5000
см	+35	+74	+115	+155	+195

ПОПРАВКА НА АТМОСФЕРНОЕ ДАВЛЕНИЕ

давление	700	710	720	730	740	750	760	770	780
см	+25	+20	+15	+10	+5	0	— 5	— 10	— 15

Поправки по горизонтали

ТАБЛИЦА ПОПРАВOK НА ВЕТЕР (СМ)

ветер	90	45
2 — 3 м/с	80	40
4 — 6 м/с	160	80
8 — 12 м/с	—	160

800 м

1 тысячная = 80 см

Деривация — 29 см

Продольный ветер — 5 м/с + 7 см

Поправки по вертикали

ТАБЛИЦА ПОНИЖЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ТРАЕКТОРИЙ ПРИ СТРЕЛЬБЕ НА 800 М

Тип пули	100	200	300	400	500	600	700	800
снайперская	79	169	215	254	265	230	140	0
легкая 9,6 г	90	180	230	270	270	240	150	0
тяжелая 11,8 г	90	160	200	230	230	200	130	0

ТАБЛИЦА ПОПРАВOK НА УГОЛ МЕСТА ЦЕЛИ В МЕТРАХ НЕДОЛЕТА — ПЕРЕЛЕТА И САНТИМЕТРАХ ВЫШЕ — НИЖЕ

При стрельбе вниз									При стрельбе вверх										
угол	-35	-30	-25	-20	-15	-10	-5	0	+5	+10	+15	+20	+25	+30	+35	+40	+45	+50	
м	-58	-45	-34	-26	-18	-13	-6	+51	0	+68	+58	+38	+22	+4	-19	-46	-76	-109	
см	-82	-63	-48	-36	-25	-19	-8	0	+110	+138	+120	+75	+50	+8	-26	-64	108	-153	

**ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА ТЕМПЕРАТУРУ
ВОЗДУХА**

температура	—35	—25	—15	—5	+5	+15	+25	+35	+45
см	—175	—140	—105	—70	—35	0	+35	+70	+105

**ПОПРАВКА НА ВЫСОТУ НАД УРОВНЕМ
МОРЯ**

высота	1000	2000	3000	4000	5000
см	+63	+135	+207	+279	+351

ПОПРАВКА НА АТМОСФЕРНОЕ ДАВЛЕНИЕ

давление	700	710	720	730	740	750	760	770	780
см	+45	+36	+27	+18	+9	0	—9	—18	—27

Поправки по горизонтали

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА ВЕТЕР (СМ)

ветер	90	45
2—3 м/с	117	60
4—6 м/с	235	117
8—12 м/с	—	235

900 м

1 тысячная = 90 см

Деривация — 43 см Продольный ветер — 5 м/с + 13 см

Поправки по вертикали

**ТАБЛИЦА ПОНИЖЕНИЯ
И ПОВЫШЕНИЯ ТРАЕКТОРИЙ
ПРИ СТРЕЛЬБЕ НА 900 М**

Тип пули	100	200	300	400	500	600	700	800	900
снайперская	120	210	290	350	370	360	300	180	0
легкая 9,6 г	120	230	300	370	390	380	320	200	0
тяжелая 11,8 г	110	200	270	320	340	320	270	160	0

**ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА УГОЛ МЕСТА ЦЕЛИ
В МЕТРАХ НЕДОЛЕТА — ПЕРЕЛЕТА
И САНТИМЕТРАХ ВЫШЕ — НИЖЕ**

При стрельбе вниз									При стрельбе вверх									
угол	-35	-30	-25	-20	-15	-10	-5	0	+5	+10	+15	+20	+25	+30	+35	+40	+45	+50
м	-66	-51	-38	-28	-20	-15	-7	0	+58	+77	+66	+47	+29	+8	-17	-45	-77	-112
см	-119	-92	-68	-50	-36	-27	-13	0	+151	+200	+172	+122	+75	+20	-31	-81	-139	-202

**ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА ТЕМПЕРАТУРУ
ВОЗДУХА**

температура	-35	-25	-15	-5	+5	+15	+25	+35	+45
см	-270	-216	-162	-108	-54	0	+54	+108	+162

ПОПРАВКА НА ВЫСОТУ НАД УРОВНЕМ МОРЯ

высота	1000	2000	3000	4000	5000
см	+98	+210	+322	+434	+546

ПОПРАВКА НА АТМОСФЕРНОЕ ДАВЛЕНИЕ

давление	700	710	720	730	740	750	760	770	780
см	+68	+54	+42	+28	+14	0	-14	-28	-42

Поправки по горизонтали

ТАБЛИЦА ПОПРАВОК НА ВЕТЕР (СМ)

ветер	90	45
2—3 м/с	160	80
4—6 м/с	320	160
8—12 м/с	—	320

Пример

Дистанция стрельбы — 500 метров. Температура воздуха — 5°С. Высота над уровнем моря — 1000 метров. Стрельба вверх под углом 30°. Ветер справа под углом 90° — 5 м/с.

Считаем вертикаль. За ноль принимаем положение маховичка вертикальных поправок на отметке «5», что соот-

ветствует 500 метрам. Затем считаем: угол — 8 см, температура — 14 см, высота +7 см. В итоге пуля пойдет ниже цели на 15 см. В любом другом прицеле, где все действия в тысячных, а цена одного щелчка — $1/4$ минуты, вопрос решился бы одним щелчком, но в ПСО придется целиться в верхний срез головы.

Считаем горизонталь. Поправка на ветер будет складываться из табличных данных по сносу пули ветром — 72 см влево и деривации — 7 см вправо. В итоге 65 см влево. На расстоянии 500 метров одна тысячная равна 50 см, т.е. поправка равна 1 целой и $1/4$ тысячной вправо.

Если не учесть эти поправки, то пуля уйдет на 15 см ниже и на 65 см левее цели.

Дмитрий ДУБРОВСКИЙ

ТАКТИКА

ГОРЯЧЕЕ ЛЕТО 1987-ГО...

Уметь кланяться пулям — это искусство и удел храбрых. Выжить в отрыве от базы за сотни верст, в душманском тылу, с запасом воды во фляжках, на галетах и телячьем паштете, без надежд на «вертушку», которая прилетит не скоро, имея приказ беречь патроны, а в перестрелки вступать только в крайних случаях — это боевая задача.

Такой была реальность для Виктора Ткача, попавшего в Афганистан уже в качестве командира разведроты в 1987 году и находившегося там вплоть до того дня, когда наши войска были выведены в Союз.

Путь его был характерным для выпускника факультета войсковой разведки Киевского высшего общевойскового командного училища, ведь большинство из них проходили через «горячие точки». Правда, Виктору после выпуска сначала довелось послужить в морской пехоте на Дальнем Востоке. Дополнительный курс обучения в условиях, близких к боевым, он прошел в составе учебного разведывательного подразделения. Ну а потом — «за речку», как называли командировки в Афганистан.

Разведбат, в котором служил Ткач, обеспечивал разведданными горнострелковую бригаду специального назначения.

ТИШИНА В «ЗАБРОШЕННОМ» КИШЛАКЕ...

...Подманить душманского часового было, как говорится, делом техники. Швырнули камешек из-за угла. Когда «дух» с автоматом на изготовку сунулся полюбопытствовать, что там такое прошуршало, перед ним, словно призрак, возникло страшное, оскаленное лицо «шурави».

Ошеломив «духа» внезапным появлением, главное, было поймать момент, пока тот не успеет заорать. Молниеносный тычок ладони прямо в распахнутый рот... И тогда полевой головорез, убийца, садист, мастер минной войны мигом превращается в послушного барана.

Счет идет не на секунды, а на их доли. Часового повязали, засунули кляп. Махом — под крышу дувала, где сладко почивал главарь банды.

Сняли китайский автомат со стены, завладели ручным гранатометом. Рука под подушкой полевого командира нащупывает пистолет — «тэтэшку» тульского происхождения. На боевом взводе и снят с предохранителя...

Однако работа уже сделана. Вежливенько, обходясь без резких движений, разбудили главаря. Громким шепотом разъяснили ситуацию на правильном дари. Нашелся в разведдозоре знающий толмач. Дескать, пора в путь-дорогу. Людишки твои скручены и связаны одной веревкой, как верблюды в караване. Заместитель твой захвачен вместе с боевым расчетом 82-миллиметрового миномета советского производства. Времечко поджигает. Солнышко-то афганское, беспощадное, уже выкатило из-за гор. Давно пора в «зеленку». И по ней, матушке, кустиками, от чинары к чинаре, от одного пирамидального тополя к другому, вдоль арыков, низинками пробиваться к своим.

...Минут за 30 до описываемых событий разведгруппа старшего лейтенанта Ткача вышла на окраину считавшегося брошенным кишлака возле плотины. То, что брошенный, — похоже. Но кто-то в нем временами бывает. Да и морзянку из кишлака наши пеленгаторы засекали не раз.

...Втянулись, как положено: впереди охранение, вдоль дува-

лов. И тут же, на берегу арыка, ребята обнаружили парня в коричневой чалме, который полоскал свою рубашку. Автомат валялся рядышком.

Затаились, выждали мгновение — понимали друг друга с полувзгляда — и налетели коршунами с двух сторон. Без звука, залепив пластырем рот, доставили к командиру. А старший лейтенант Виктор Ткач убедил пойманного душмана, чтобы подробно рассказал, сколько в кишлаке «духов», где расположились, начертил чтобы «схемку» — палочкой на песке. И тот начертил.

Прикинули силы свои и душманские. Быстро рассредоточились по исходным точкам. И навалились. По-тихому. Лишь автоматы на взводе, пальцы — на спусковых крючках.

Без выстрелов обошлось даже тогда, когда брали бандитов, окружив со всех сторон глинобитную хижину, где они спали. Объяснили на дари: забрасаем, мол, гранатами, ежели что. Убедили. Вышли боевики по одному. Без автоматов. Руки — за голову...

Чуть было не случилась осечка с минометным расчетом. Три «духа» и заместитель главаря банды спали отдельно, за дувалом. Они успели схватиться за автоматы, но решили-таки не оказывать сопротивления...

Банду — 12 «духов», плюс полевой командир и его заместитель, плюс погруженное на «караван» пленных их военное имущество — приконвоировала из глубокого душманского тыла разведгруппа старшего лейтенанта Ткача.

Это произошло летом далекого уже 1987 года в афганской провинции Кандагар...

МЕЖДУ ТЕМ СВЕТОМ И ЭТИМ...

Успех войсковой разведки налицо, когда караван «духов», спустившись в долину, нежданно-негаданно попадает под шквальный артиллерийский огонь. И таких операций было немало. Разведчики вычисляли координаты объекта, наносили их на карту, выходили на связь с ближайшим аэродромом, где базировались штурмовики, либо с батареей «дальнобойщиков». А дальше в дело вступали летчики и артиллеристы. Им же доставались слава и

представления к орденам и медалям. Разведка оставалась в тени. Впрочем, в этом и кроется боевое призвание бойцов, привыкших к «тихой» войне. Главное — выполнить приказ и остаться в живых...

...Ми-8, как всегда, покружил над заданным районом, зависая кое-где для маскировки. Во время одного из зависаний на малой высоте из распахнутого люка горохом высыпались бойцы и растворились в темноте. «Духи», конечно, засекли и «вертушку», и ее маневры, но так и не отыскали «иголку в стоге сена».

После скитаний по жарким горам, среди пыльных смерчей и сухих гроз, они выбрались к старым виноградникам. Кисти спелых ягод ярко рдели. Старлей уже потянулся было за гроздью, и тут какое-то дуновение скользнуло по рукаву:

— Товарищ командир! Не трогайте! Нельзя рвать! Назад!

Оглянулся в недоумении. Радист группы, сержант, остороженько так, нежно-нежно держит сквозь листву какую-то нитку. Растяжка! Ждала своего часа. Не дождалась...

Наконец вышли к месту, где предстояло собирать разведанные. Позиция на кладбище оказалась удобной для разведки. Рядом пролегала дорога, по которой душманы шли, нисколько не таясь, без опаски, без передового охранения.

Руки так и чесались, чтобы ударить длинными очередями, почти в упор, по толпе головорезов. Завтра же они опять примутся за свое: понавтыкают мин на дорогах, гранат на растяжках... Едва шевельнешь гостинец — и готово! Опять будут обстреливать колонны из «зеленки», глумиться над пленными.

Но... приказ есть приказ. Трое суток мерзли ночами под холодной росой. Днем жарились под отвесным солнцем. Вдавливались в старые, просевшие мусульманские могилы. Зеленые ленты — над могилами отомщенных. Красные — над теми, кто еще ждет мести за себя... Тоску навевали серые столбики — надгробия. В старых развалившихся мазарах вечерами звенели цикады, а в полуденный зной — жирные афганские кузнечики.

Когда разведанные были собраны и пришел срок исчезать, разведчики увидели, как на дорогу вальяжно выбрались «духи». Они по-прежнему никого не боялись, противника встретить здесь никак не рассчитывали.

«Шурави» были рядом — на дистанции кинжального автоматного огня. Почти в упор...

А теперь, дай бог, быстрее несите ноги в «зеленку»!..

Группа вернулась с задания без потерь.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ ИЗ ЖИЗНИ РАЗВЕДЧИКА

...ДШК молотил, как по железной бочке. Размеренно и глухо. Выстрелы колоколом отдавались в голове. Откуда строчит, сволочь? Виктор лежал в пыли, привалившись к невысокому каменному бордюру, окаймлявшему обочину дороги. Какая-никакая, а все же защита от пуль.

БТР, который шел головным, охвачен пламенем. Близкий жар дышал в лицо, пробитые баки жгуче «плевались». Огненные капли больно прожигали «песчанку» на спине. Плотнее вжимаясь в пыль, чтоб погасить тление обмундирования, Ткач откатился подальше от БТРа, соображая, куда делась машина, на броне которой он ехал сам.

Когда подрвался головной бронетранспортер, на котором шли саперы, взрывная волна смахнула старшего лейтенанта в сторону. Ребята, наверное, рассыпались по другому борту. А экипаж взорванной машины уже наверняка не жильцы на белом свете...

Впереди, сквозь заслон пламени и дыма, послышалось тиканье крупнокалиберного пулемета. Сразу отлегло от сердца: уцелел, стало быть, второй БТР.

Водитель, по-видимому, развернул машину фронтом к засаде, чтобы не подставить борт под кумулятивный, а наводчик открыл огонь...

Ткач двинул вниз до упора защелку предохранителя, поставив огонь на «автоматический», передернул затвор. Больше на слух, чем зримо, поскольку все было окутано дымом, представил себе картину того, что происходило вокруг.

Душманы бьют из ДШК с высоты, нависающей над дорогой. Ребята, рассыпавшиеся с брони, начинают огрызаться короткими очередями. «Духи», не видя Ткача, сосредоточили огонь по уце-

левой бронемашине. Слышен дробный перестук пуль, расплюсчивающихся о броню.

Бросив рывком тело за каменный бортик, офицер в несколько перекатов достиг отвесной скалы. Теперь — в мертвой зоне! Душманам его не достать. Какая сила вела его дальше в те смертельно горячие минуты? Сообразил Виктор, что надо идти вдоль скалы, туда, где начинается крутой гребень, убегающий вверх.

Сегодня, скорее всего, он уже и не вспомнит, о чем думал тогда. Остались в памяти только упругие толчки ветра, бьющие в грудь, мешающие бежать, собственное запаренное дыхание, разрывающее легкие, да огненный след трассеров, словно в замедленной съемке, похожий на тире и точки.

«Ребята видят меня, — мелькнула мысль, — помогают огнем. Показывают, куда выдвигаться. Снизу заметнее, откуда бухает ДШК. Спасибо, братцы!»

Человек, наверное, не подозревает, на что способен в страшные, роковые минуты. Наверное, старший лейтенант Ткач побил рекорд скоростного подъема по крутому склону с полной боевой выкладкой: автомат на взводе, запасные магазины в нагруднике, фляжка на поясе...

На верхотуре ветер рассвирепел окончательно. Ткач глянул вниз вдоль склона. словно на ладони, открылась сверху позиция «духов». ДШК укрыт бруствером из камней. Узкая бойничка не поражается снизу. Ткач полоснул с руки по пулеметному гнезду. Еще и еще. Упавшие с первых же очередей наводчик, его второй номер, которые вели огонь, стоя на коленях, и третий «дух», стрелявший лежа из автомата, не подавали признаков жизни.

...Офицер отбросил пустой магазин. Торопливо сунулся к карману нагрудника за полным. И...

...И, обливаясь холодным потом, осознал — теперь земного существования отмерено ему секунды три, самое большее — четыре. С левого фланга по склону, охватывая Виктора с трех сторон, двигались несметные, как ему показалось, цепи душманов. Он уже отчетливо различал бородатые лица, злобный прищур их глаз.

Времени, чтобы пристегнуть магазин и открыть огонь, не оставалось...

И вдруг он увидел себя летящим в затяжном прыжке под уклон: раз за разом приземляясь и отталкиваясь вновь, Виктор буквально влетел в душманский пулеметный окопчик. Руки сами собой схватили автомат убитого «духа». Свинцовая струя хлынула навстречу наступающим душманским цепям.

...Тишина, обвальная, звенящая в ушах, обрушилась внезапно. Ткач сидел, прижавшись спиной к приятно охлаждающим камням бруствера. Автомат со вновь опустевшим магазином валялся рядом.

С момента подрыва бронетранспортера до этой навалившейся тишины минуло 24 минуты, показавшиеся ему вечностью.

Безразличие испытал Виктор, глянув на «духов», убитых им. Старший лейтенант поднялся над бруствером и с удивлением заметил: в горы пришла весна. Насколько хватало глаз, склоны на солнцепеке алели раскрывшимися тюльпанами...

Р.С. За афганскую кампанию он был награжден орденом Красной Звезды. Затем служил на Тихоокеанском флоте, обучая курсантов 9-го учебного отряда ТОФ, потом на дальневосточной границе. А ныне полковник Виктор Ткач состоит в аппарате Северо-Западного погрануправления ФПС ФСБ РФ.

Евгений КОРЯКИН

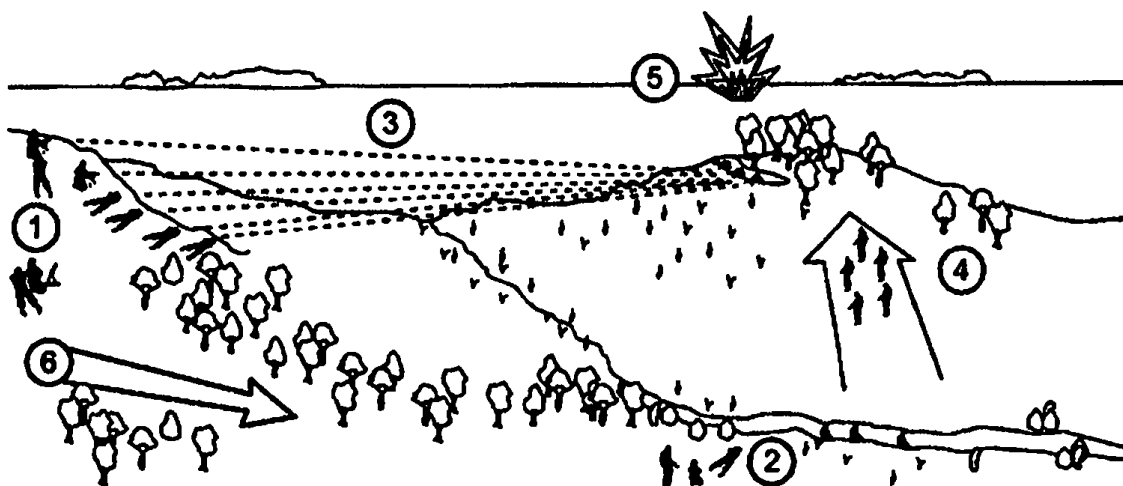
КАК НАТОВСКИЕ ПЕХОТИНЦЫ НАШИ НАСТАВЛЕНИЯ НАРУШАЮТ

Широко известно, что излюбленным (фактически основным) атакующим приемом малых подразделений пехоты американской, английской, канадской и других «англосаксонских» армий, а также тех армий, которые обучены их специалистами (от Южной Кореи до Грузии), является фланговая атака со сдерживанием по фронту. Эта фланговая атака осуществляется следующим образом: атакующее подразделение делится на две группы — огневой поддержки и маневренную. Пока группа огневой поддержки ве-

дет огонь, подавляющий огневые средства обороняющихся, скользящий возможности его перемещения и приковывающий к себе все внимание, маневренная группа сближается с противником. Она находит уязвимый фланг и атакует его. Наиболее желательным углом между направлением стрельбы огневой группы и направлением фланговой атаки маневренной группы считается прямой угол (90 градусов). При необходимости в процессе сближения с противником группы меняются ролями.

В разных странах, конечно, имеются некоторые отличия в деталях. В американской армии разделение на равные группы проводится уже на уровне отделения. В канадской армии отделение действует как единое целое, огневую поддержку оказывают два пехотных отделения и отделение тяжелого оружия взвода, а выход во фланг осуществляет третье пехотное отделение взвода. Но общий принцип остается тем же. Фронтальная атака считается нежелательным способом действий. В процессе подготовки фронтальная атака может даже не отрабатываться. Зато осуществлению фланговой атаки, как стандартному тактическому приему (battle drill), уделяется очень большое внимание.

На что обычно мало обращают внимание, описывая натовскую фланговую атаку, так это на порядок переноса огня группой огневой поддержки в момент окончательного сближения маневренной группы с противником. Понятно, что, прежде чем атакующий ворвется в окоп противника, группа поддержки должна перестать вести огонь по этому окопу, иначе свой же атакующий попадет под ее огонь. Вот что по этому поводу говорят американские наставления: «Когда маневренная группа достигает вражеских позиций, существует опасность того, что она закроет группе огневой поддержки возможность ведения огня. (Так в оригинале: «it may mask the fire from the fire element»). Отметим необычный стиль изложения — опасность не в том, что среди маневренной группы могут быть потери от своего огня, а в том, что группа поддержки стрелять не сможет. — Прим. авт.) ...Поэтому пулеметчики группы огневой поддержки должны медленно вести (передвигать) огонь по объекту атаки прямо перед атакующей маневренной группой...» Буквально та же формулировка содержалась

Условная схема фланговой атаки (обратите внимание, что маневренная группа атакует под углом 90 градусов к направлению стрельбы группы)

1. Группа огневой поддержки, составляющая большую часть подразделения.
2. Скрытый выход во фланг маневренной группы.
3. Подавление обороняющихся огнем.
4. Маневренная группа атакует. Подавление осуществляется до последней возможности.
5. Перенос огня группой огневой поддержки.
6. Ввод резерва для развития успеха.

ранее в основном полевом уставе американской пехоты «Взвод и отделение пехоты (пехота, парашютный десант, посадочный десант, рейнджеры) FM 7-8» в редакции от 31.12.1980 года. В новой редакции 1992 года ее нет, но ничего запрещающего такой способ действий в новой редакции устава не появилось, а в наставлениях этот способ остался.

Аналогичное указание имеется в наставлениях американской морской пехоте.

В канадской армии при отработке фланговой атаки взвода учат тому же. По мере того как маневренная группа продвигается с одного фланга вражеской позиции до другого, очищая окопы от противника, группа огневой поддержки ведет огонь непосредственно перед маневренной группой. Вот как соответствующее указание звучит у канадцев: «Группа огневой поддержки стреляет по вражескому окопу до тех пор, пока атакую-

щая группа не загородит ей обстрел. Тогда группа огневой поддержки либо переносит огонь вглубь, либо обстреливает цели с фланга по мере продвижения атакующей группы по окопам».

Атака отдельным пехотинцем (парой пехотинцев) окопа противника осуществляется с использованием того же приема. Подавляющий огонь пулеметчиком по окопу противника ведется до тех пор, пока атакующий пехотинец, которого он поддерживает своим огнем, не подползет к окопу настолько близко, что тот сможет не закинуть, а заложить гранату в окоп (*post a grenade*). Считается, что бросая гранату из положения лежа, в окоп все равно не попадешь. Здесь следует отметить, что преодоление крайних метров до окопа осуществляется по «англо-саксонским» взглядам ползком, а не бегом.

На первый взгляд все логично — чтобы сблизиться с окопом противника, нужно обязательно подавить его (заставить спрятаться под бруствер) и поддерживать это подавление (вообще не давая противнику возможности высываться для ведения огня), чтобы сократить расстояние, которое нужно будет преодолевать атакующим солдатам под огнем противника. В идеале это расстояние должно быть таким коротким, чтобы обороняющийся противник просто не успел открыть огонь по атакующим до того момента, когда последние достигнут его окопа.

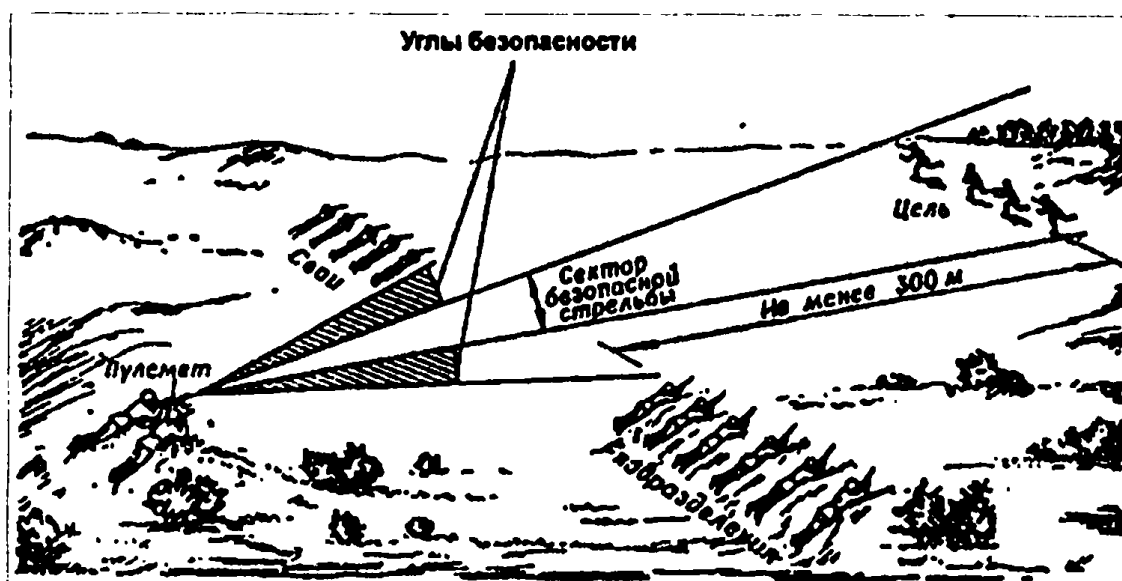
Однако из отечественных наставлений по стрелковому делу следует, что использование тактического приема, когда атакующий находится на одном удалении с обороняющимся противником, по которому ведет огонь поддерживающий пулемет (как это происходит при фланговой атаке под углом 90 градусов к направлению стрельбы поддерживающей группы), — невозможно. В наших наставлениях есть раздел «стрельба в промежутки и из-за флангов своих подразделений». В нем сказано, что огонь пулемета в промежутки и из-за флангов своих подразделений разрешается вести только со станка или из установленного на бронетехнике и при соблюдении, в частности, правила о том, что все точки падения пуль должны быть дальше своих подразделений. Для этого расстояние между целью и нашими подразделениями должно быть не меньше:

— 200 м, когда расстояние до своих подразделений от пулемета менее 400 м;

— 300 м, когда расстояние до своих подразделений от пулемета более 400 м.

Попробуем разобраться, откуда появилось это требование. Вот что указывалось в наставлении по стрелковому делу 1946 года («Основы стрельбы из пехотного оружия». Военное издательство Народного Комиссариата Вооруженных Сил Союза ССР, 1946, с. 80, 82, 83): «При стрельбе из-за флангов и в промежутки [безопасность обеспечивается]... наличием такого расстояния между целью и расположением своих подразделений, при котором исключена возможность падения пуль ближе расположения своих подразделений и, следовательно, возможность поражения их с **рикошета**... При расчете расстояния между целью и своими подразделениями для безопасности стрельбы из-за флангов и в промежутки принимаются во внимание: а) ближняя половина полного рассеивания пуль по дальности, увеличенная в полтора раза (6 вероятных отклонений по дальности); б) возможная ошибка в определении расстояний до своих подразделений (около 10%)». Там же приводилась таблица примерных расчетов для станкового пулемета, из которой следовало, что при дальности стрельбы в 100 метров наименьшее расстояние между целью и своими было 100 м. То есть впереди пулемета своих быть не должно. При стрельбе на дальности 200 и 300 метров наименьшее расстояние между целью и своими должно быть 150 метров. Глубина маневренной полосы для своих впереди пулемета 50 метров. При стрельбе на дальностях 400 метров и выше наименьшее расстояние между целью и своими устанавливалось в 200 метров.

Перечислим наиболее часто упоминаемые в военной литературе свойства рикошета. В отдельных случаях полет пули может при рикошете быть непредсказуем, однако, как правило, после рикошета пули чаще отклоняются в правую сторону, то есть в сторону деривации, и чем меньше от плоскости стрельбы отходит пуля, тем дальше она летит после рикошета. Те пули, которые сильно отклоняются, летят не так далеко, такие пули падают вскоре после рикошета либо плашмя, либо боком. Пробивное действие

Условия, обеспечивающие безопасность стрельбы в промежутки между своими подразделениями (по нашим наставлениям)

при рикошете тем меньше, чем пуля больше отклонилась от плоскости стрельбы. При стрельбе на очень малое расстояние на ровной местности пуля рикошетирует под малым углом, описывает отлогую траекторию и опять рикошетирует через 5—7 метров. Имеются данные, что угол поворота артиллерийского снаряда после рикошета доходит до 60 градусов. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев рикошет предсказуем и, в общем-то, безопасен для своих войск, находящихся на одном удалении с позицией противника, и от своего пулемета, ведущего огонь по этой позиции. Однако в месте падения пули могут оказаться камень, ветка, кочка, ямка, у грунта в месте падения могут быть какие-то особенности, что существенно изменит углы приложения сил, действующих на пулю, и может повлиять на направление полета пули после рикошета совершенно непредсказуемым образом. Основная проблема безопасности заключается в том, что существует хотя небольшая, но возможность рикошетов по совершенно непредсказуемым траекториям.

Имеется ли понимание у «англосаксов» проблемы рикошета? Достаточно иллюстративным является подход, который можно найти у канадцев. При имитации боя в учебных общеознакомительных целях они требуют соблюдать правило: для обстрела учебной цели прицел должен быть увеличен на 500 метров по

сравнению с тем, который должен был бы быть установлен для прицельного обстрела цели, причем солдаты не вправе продвигаться за линию цели, проводимую перпендикулярно к плоскости стрельбы. При проведении учебных фланговых атак требование смягчается: солдаты по-прежнему не вправе продвигаться за линию цели, но от них всего лишь требуют, чтобы маневренная группа атаковала под углом, меньшим чем 90 градусов к плоскости стрельбы. Как уже упоминалось выше в документах, описывающих, как нужно действовать в ходе войны, возможность рикошета не учитывается. По всей видимости, и здесь мы можем только гадать, почему риск поражения рикошетом «англосаксонские» армии считают несущественным и маловероятным, по крайней мере для того, чтобы вводить ограничения в использование ряда тактических приемов.

Требования обеспечить полную безопасность от поражения рикошетом налагают ограничения не только на фланговую атаку со сковывающими действиями с фронта, но и на ряд других тактических приемов. К ним можно отнести практически все нелинейные засады, используемые в иностранных армиях, то есть засады в форме буквы «Г», в форме римской цифры «V», треугольные и квадратные засады. Сюда же относится «подползающая» тактика атаки окопов противника, упомянутая выше, которая также является одной из основ подготовки солдат «англосаксонских» армий. Наконец, сюда относится такой традиционный тактический прием, как фронтальное сближение с окопами противника под прикрытием огня пулеметов, простреливающих атакуемые окопы огнем с фланга. Этот последний прием упоминался еще в наставлениях для немецких штурмовых групп 1917 года.

Наверное, будет неправильно в рамках настоящей статьи делать окончательный вывод об обоснованности или необоснованности указанных выше требований наших наставлений по стрелковому делу. Однако полагаю, что необходимость широкого обсуждения этого вопроса очевидна. Слишком важные тактические приемы пехоты оказываются «за бортом» из-за наличия таких требований.

Андрей МАРКИН

СОДЕРЖАНИЕ

АВИАНАВОДЧИКИ

АНДРЕЙ КИРИЛЛОВ, ЮРИЙ ДУНАЕВ ...И вновь об авианаводчиках	5
АНДРЕЙ КИРИЛЛОВ. Как преодолеть штабную глупость	22
«Не помню, как сел в дерьмо...»	32

АРТИЛЛЕРИЯ

АНДРЕЙ МАРКИН. Рубеж безопасности. «Прижимание» к разрывам своих снарядов как тактический прием пехоты	54
АНДРЕЙ КИРИЛЛОВ. Рубеж между жизнью и смертью	67
БОРИС ЦЕХАНОВИЧ. Рубеж безопасности. Каким он может быть?	75
АНДРЕЙ КИРИЛЛОВ. Из пушки по воробьям, или Вновь о рубеже безопасности...	84
БОРИС ЦЕХАНОВИЧ. Про теплые кунги, теплые палатки и про то, как мы дальше уборных никуда не ходили	95
АНДРЕЙ МАРКИН. Чтобы атака не захлебнулась...	120

ГОРНАЯ ПОДГОТОВКА

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ. Встреча в горах	129
АЛЕКСЕЙ ПОТАПОВ, МИХАИЛ ЛИТВИНЕНКО. Горы. Дорога. Засада. Бой	136

ОРУЖИЕ

ДМИТРИЙ ШИРЯЕВ. Испытания под грифом «секретно»	166
МИХАИЛ СЛИНКИН. Май 1978-го. Кабул	195

РАЗВЕДКА И ДИВЕРСИИ

ВЛАДИСЛАВ ЕРЕМЕЕВ. В пустыне Регистан	206
ГЕННАДИЙ ДОЛЖИКОВ. Перехват	233

СНАЙПЕР

АНДРЕЙ МУСАЛОВ. Застава без снайпера	249
МАЙОР «СТАРЫЙ». «Не хотелось бы опять учиться на крови...»	256
ОЛЕГ КОЛОМИЕЦ. Выстрел на поражение	265
ДМИТРИЙ ДУБРОВСКИЙ. Поправки при стрельбе из СВД с прицелом ПСО-1	272

ТАКТИКА

ЕВГЕНИЙ КОРЯКИН. Горячее лето 1987-го...	288
АНДРЕЙ МАРКИН. Как натовские пехотинцы наши наставления нарушают	294

ОТ КАБУЛА ДО ГРОЗНОГО
Боевой опыт Афгана и Чечни

Ответственный редактор *Н. Аничкин*
Художественный редактор *С. Курбатов*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *А. Пучкова*
Корректор *И. Федорова*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 02.06.2009.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Officina».

Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 15,96.

Тираж 3500 экз. Заказ №3944.

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Одинокая группа советского спецназа в бескрайней афганской пустыне Регистан. Как ей выжить в этом одуряющем пекле, как перехватить душманский караван, правильно организовать засаду, уничтожить боевиков и груз оружия и быстро уйти без потерь?

Российская колонна, петляющая по горным серпантинам Чечни. Как ей добраться до пункта назначения, прорвавшись через мины и засады боевиков, поджидающих на маршруте?

Русская штурмовая группа в многодневном сражении за Грозный. Как ей победить в тяжелейшем городском бою, как взять хорошо укрепленные позиции противника, подавив его огневые точки и не положив собственных бойцов под ураганным огнем?

Как бы ни отличались эти ситуации, при всей разнице между боевыми действиями в Афганистане и Чечне последняя война СССР и первая война РФ схожи в главном – за их боевой опыт заплачено большой кровью, этот опыт бесценен, его не заменить ни отвагой, ни выучкой, ни самой лучшей боевой техникой, его не приобрести на полигонах и тренажерах – только в реальном бою. И лишь накопленный боевой опыт позволит сберечь солдатские жизни в будущем.

